

НИКОЛАЙ КАЛИТКИН

ВОИНЫ ПОСЕЙДОНА

Библиотека классической и современной прозы

Николай Калиткин

Воины Посейдона

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Калиткин Н. А.

Воины Посейдона / Н. А. Калиткин — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2021 — (Библиотека классической и современной прозы)

ISBN 978-5-907416-44-4

Автор романа ветеран спецподразделения по борьбе с терроризмом «Альфа». Боевой пловец. Участник боевых действий в Афганистане. В составе подразделения выезжал в командировки в различные «горячие точки». Участник антитеррористических операций по освобождению заложников. В этой книге рассказывает о том, что движет офицерами спецназа ФСБ в своём служении Отечеству, о мужской дружбе и подлости, о любви и предательстве, на фоне экстремальной, смертельно опасной ситуации, в которую попадают герои романа. Книга адресуется самому широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907416-44-4

© Калиткин Н. А., 2021
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	35
Глава 7	46
Глава 8	55
Глава 9	62
Глава 10	75
Глава 11	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Николай Калиткин

Воины Посейдона

© Николай Калиткин, 2021

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2021

Глава 1

Город Королёв. Центр управления полётами. По коридору подземного бункера быстрым шагом шли трое немолодых мужчин. Они повернули за угол и подошли к тяжёлой металлической двери специального бокса секретной телеметрической связи. Бронированная дверь не имела ни электронных замков, ни кодового шифра. Именно в целях безопасности и надёжности она открывалась и закрывалась вручную. Мужчинам пришлось ждать несколько секунд, пока дежурный офицер крутил хромированную ручку, убирая внутрь двери мощные засовы. В помещение один за другим вошли два генерала. У первого на плечах были погоны генерал-полковника, у второго – генерал-лейтенанта. Генерал-полковник был рослым и статным, с правильными чертами лица. Повесив фуражку, он привычным движением пригладил ладонью густые аккуратно подстриженные седые волосы. Второй, полная его противоположность – небольшого роста, круглолицый и коренастый, в очках. Накинув фуражку на крюк вешалки, он обнажил заблестевшую под яркими лампами «ленинскую» лысину. Последним вошёл высокий, сухопарый мужчина в штатском, с усталыми глазами на бледном «профессорском» лице.

В тревожном ожидании все трое через толстое стекло, разделявшее помещение на два отсека, молча наблюдали за работой операторов связи. Резко пододвинув к себе кресло, седовласый генерал опустил в него и стал напряжённо вглядываться в монитор, стоявший в центре стола. Оба его спутника также подсели к столу. На экране монитора прерывистой нитью быстро пробежали зелёные цепочки цифр и символов. Наконец, они замерли в определённой последовательности. Оператор в массивных наушниках, слегка подавшись вперёд, произнёс в микрофон:

– «Сокол», сверка завершена, Центр готов принять доклад.

Он быстрым движением переключил два тумблера на пульте и, повернувшись в сторону седого генерала, произнёс по громкой связи:

– Товарищ генерал-полковник, «Сокол» на связи.

По ту сторону стекла на центральном, самом большом мониторе начала пульсировать с секундным интервалом надпись «Связь». Затем на экранах мониторов появилось изображение космонавта. Это был смуглый брюнет с раскосыми глазами и скуластым лицом.

Трое сосредоточенных на мониторе мужчин надели лежавшие на столе наушники с гарнитурой.

– «Сокол», я «Кедр», здравствуйте! Слушаю вас, – хрипловатым голосом произнёс генерал.

Командир российско-американского космического экипажа, Герой России полковник Равиль Муртазин начал свой доклад...

Хотя сам по себе доклад не занял много времени, но за его лаконичностью скрывалась длительная и напряженная работа. Шестимесячная полётная программа, наконец, подошла к завершению. За долгую космическую вахту был собран бесценный научный материал по исследованию земной коры. С помощью уникального оборудования удалось прозондировать буквально каждый метр планеты Земля. Были открыты сотни новых месторождений полезных ископаемых с чётко очерченными границами, точной глубиной залегания и объёмами. Полученные сведения давали возможность предсказывать зарождающиеся землетрясения, цунами и извержения вулканов.

Была ещё одна причина, по которой возвращение космической экспедиции ожидалось правительствами двух стран с особым нетерпением. Дело в том, что многофункциональное оборудование, над которым учёные обеих стран работали не один год, позволяло также путём глубинного сканирования и точнейшего спектрального анализа определять места хранения ядерного оружия и его компонентов по всему миру. В рамках совместной борьбы с меж-

дународным терроризмом были выявлены места расположения подпольных лабораторий по изготовлению химического оружия, скрытые базы боевиков. На территориях различных стран были обнаружены подземные пустоты в виде лабиринтов и гротов, где хранилось оружие, снаряжение, боеприпасы террористов и экстремистов всех мастей. Там же могли скрываться и их лидеры. Но весь этот огромный массив полученных данных ещё предстояло доставить на Землю, расшифровать и тщательно изучить.

Участники проекта «Пирамида» в России и США понимали, что результаты проделанной работы превзошли самые смелые ожидания. Обладание уникальной информацией уравнивало шансы двух ведущих ядерных держав, отнюдь не заинтересованных в дальнейшем распространении термоядерного или любого другого вида оружия массового поражения в других странах. В то же время одностороннее владение результатами этих исследований поистине сделало бы их обладателя властелином мира. Поэтому каждая из заинтересованных сторон прикладывала максимум усилий, чтобы обезопасить себя и не допустить подобного развития событий.

Закончив сеанс связи и пожелав экипажу успешного возвращения на Землю, генерал медленно снял наушники, вытер платком выступившую испарину и многозначительным взором оглядел своих спутников. Оба молча, с какой-то особой торжественностью смотрели на него, ясно представляя масштаб и значимость проделанной работы. Генерал, продолжая неподвижно сидеть в кресле, какое-то время напряжённо размышлял о чём-то, остановив свой взгляд на только что снятых наушниках. Наконец, шумно выдохнув, он повернулся к генералу в очках и решительно произнёс:

– Ну что... пошёл докладывать.

Тот, в ответ кивнув круглой головой, проговорил густым баритоном:

– Давай, Георгиевич... с Богом! – после этих слов он извлёк из кармана коробочку с пилюлями и быстро отправил одну из них в рот.

Седой генерал подошёл к правительственной «вертушке». Поднял трубку, представился:

– Генерал-полковник Томилин... Здравствуйте, Сергей Васильич! Только что получили доклад от Муртазина. Все члены экипажа здоровы, чувствуют себя хорошо. Полётная программа выполнена полностью. Все системы станции работают в штатном режиме. В настоящий момент экипаж занят обработкой и кодированием полученных сведений по проекту «Пирамида». После чего займётся размещением блоков с полученной информацией в спускаемом модуле.

Генерал прервал свой доклад, слушая собеседника на том конце провода. Через некоторое время убеждённо продолжил:

– Да... да, Сергей Васильич, я понимаю всю меру ответственности... Да, спускаемый аппарат нового поколения изготовлен специально под эту программу, но, как уверяет «наука» и инженеры, степень его надёжности очень высокая, – в этот момент он, вскинув брови, резко повернулся, как бы ища поддержки и подтверждения своих слов, к другому своему спутнику в штатском. Тот в ответ на этот жест и сказанные генералом слова, приложив ладонь к груди, утвердительно кивнул. На его узком аскетичном лице застыла маска спокойствия и уверенности, но скрытое волнение и нервное напряжение выдавали пальцы левой руки, беспрерывно отбивавшие барабанную дробь на поверхности стола.

– Да, конечно, Сергей Васильич, ещё раз всё просчитаем и перепроверим. Всё идёт строго по графику. Мы думаем, к исходу дня всё будет готово к отправке экипажа на Землю... Да, связь с Хьюстоном поддерживаем постоянно, у американцев так же всё готово. Принимать будем, как и договорились, в Казахстане. Да, только совместный поиск... Казахская сторона гарантирует безопасность. Район приземления контролируется со спутников... Да, запасные варианты отработаны и просчитаны. Сразу же после приземления, если всё будет штатно, переправим их на объект «Урал», – генерал умолк, напряжённо глядя перед собой, какое-то

время внимательно слушал собеседника. – Да, Сергей Василич, мы понимаем всю серьёзность и значимость этого момента... Привлечены все необходимые силы и средства.

После паузы продолжил:

– Уверен... я вас заверяю, что каждый, кто задействован в этом проекте, сделает всё от него зависящее, – слово «каждый» он произнёс отчётливо и с нажимом. Видимо, последняя фраза удовлетворила его собеседника, потому что генерал уже более спокойным тоном закончил разговор:

– Да, каждые два часа, Сергей Василич... Сделаем... Спасибо.

Генерал положил трубку. Носовым платком снова вытер выступившую испарину со лба и шеи. Бросил взгляд на вереницу часов с названиями российских и иностранных городов. Проговорил чуть подсевшим голосом:

– Министр обороны поехал на доклад к президенту.

Его спутники встали и, о чём-то тихо переговариваясь, пошли к выходу. Генерал резким движением переключил тумблер и окрепшим голосом приказал:

– Говорит Томилин, уточните персональный состав участвующих с американской стороны в сеансе телеметрии с Хьюстоном. Как только у вас будут эти сведения, немедленно мне доложить!

Он так же быстро вернул тумблер в исходное положение.

* * *

В безбрежном космическом пространстве, наматывая очередной виток вокруг Земли, вращалась по заданной орбите международная космическая станция. Российско-американскому экипажу из четырёх человек оставалось всего несколько часов до завершения напряжённой шестимесячной работы. А дальше... а дальше истосковавшиеся по твёрдой почве, родным и любимым лицам, смертельно уставшие мужчины отправятся в спускаемом аппарате домой, на Землю. А пока продолжалась уже ставшая привычной для них исследовательская работа.

Двое космонавтов прильнули к внутренней части сложного приборного комплекса. На их комбинезонах нашивки со звездно-полосатыми флагами. Изредка переговариваясь, они работали чётко и слаженно. Ещё один космонавт, с гербом России на комбинезоне, следил за работой бортовых компьютеров, контролируя полет станции. Из смежного отсека «выплыл» четвёртый космонавт – командир экипажа Равиль Муртазин.

Муртазин, посмотрев на часы, «подплыл» к сидевшему за компьютером космонавту.

– Лёня, как у тебя? – обратился он к бортинженеру Леониду Тобольцеву.

– Порядок, командир, все системы работают в штатном режиме, через 19 минут войдём в зону коррекции орбиты.

Муртазин удовлетворённо кивнул и, оттолкнувшись от его кресла, «поплыл» к американцам.

– Ну, а как у вас, братцы-кролики?

Сидевший слева румяный блондин ответил на русском языке, но с заметным американским акцентом:

– Заканчиваем набивать последний блок...

Над левым карманом его комбинезона было вышито: «Кевин Линдгрей, астронавт-исследователь НАСА».

– ...И сворачиваем лавочку, – добавил второй, черноволосый смуглый американец, ловко стуча пальцами по клавиатуре пульта.

Нашивка на его груди гласила: «Дональд Витковски, астронавт-исследователь НАСА».

– Так, кажется, у вас говорят? – Дональд с серьёзным лицом бросил короткий взгляд на командира. Муртазин, широко улыбаясь, придвинулся ближе к американцу, с напускным удивлением произнес:

– Слушай, Дон, ты делаешь грандиозные успехи! К концу четвёртого месяца полёта ты стал понимать наши анекдоты и даже иногда смеяться. К концу шестого заговорил как настоящий русский! Старик, может, после полёта ты останешься у нас? – он озорно подмигнул улыбавшемуся Леониду. – Женим тебя, дом построим с русской банькой, на рыбалку будем вместе ходить... А, Дон? – Муртазин хлопнул его по плечу. – Заманчиво?

– Нет, Рав, дом с банькой – это, конечно, хорошо, – ответил Дон с непроницаемым лицом, – но лучше я буду у себя во Флориде в бассейне плавать. У вас бывает очень холодно, боюсь мозги отморозить.

– Только мозги? – заинтересованно переспросил Кевин.

Сосредоточенное лицо Дона расплылось в улыбке, он повернулся к Кевину и укоризненно покачал головой. Муртазин проворно переместился и завис между ними.

– Не думал я, что ты такой мерзляк! Ну, как хочешь... Моё дело – предложить...

Муртазин, продолжая благодушно улыбаться, в то же время заинтересованно разглядывал некое подобие пчелиных сот на вытянутом тёмном дисплее. Быстрые пальцы Дона бегали по клавиатуре пульта, и «соты», мерцавшие матовым тёмно-синим светом, вдруг становились ярко-жёлтыми, образуя причудливые узоры с шестизначными цифрами внутри каждой ячейки.

Бортинженер доложил Муртазину:

– Командир, через пятнадцать минут входим в зону коррекции орбиты.

– Иду-иду, – отозвался Равиль. Пробираясь к Леониду, он бросил взгляд в иллюминатор. За прочным стеклом светилась в голубоватой дымке сфера Земли с очертаниями Евразии. На секунду задержавшись, со счастливой улыбкой разглядывая Землю, он тихо прошептал:

– Ну, вот и всё! Скоро будем дома...

Глава 2

Тихим летним вечером за большим столом, заставленным всякой снедью, под старой раскидистой яблоней ещё крепкая и живенькая пенсионерка Вера Николаевна, созвав соседей, отмечала долгожданный приезд сына Сергея.

Уже стемнело. Над столом горела тусклая лампочка с металлическим отражателем, освещая только стол и небольшое пространство вокруг него. Захмелевшие гости вразнобой пели почти забытую песню «Виновата ли я». На ступенях открытой террасы с самоваром в руках появился сын хозяйки дома. Это был плечистый, крепкого телосложения мужчина лет сорока. У него было мужественное волевое лицо, но когда он улыбался, оно сразу становилось по-детски открытым и добрым. Сергей поставил самовар в центр стола.

– Спасибо, сынок... – Вера Николаевна прервала пение, ласково посмотрела на сына и мягко коснулась его руки.

– Ну что ты, мам! – поднял брови Сергей, после чего наклонился и чмокнул её в щеку. Его жена Света, усилив голос на словах песни «...виновата ли я, что люблю», потянула его за руку, усаживая рядом с собой на стул. Заканчивая куплет, она со счастливой улыбкой прильнула к его плечу щекой. Сергей в ответ нежно поцеловал её в макушку, прерывисто вздохнул и обвёл добродушным взглядом сидевших за столом гостей. Песня закончилась. Улыбаясь чьей-то шутке, Сергей разлил водку по рюмкам и, поставив бутылку, попросил Веру Николаевну:

– Мам, спойте мою любимую!

Женщина и две её соседки затянули старинную русскую песню «По Муромской дорожке». Сергей, звонко чокнувшись с мужиками, махом опрокинул рюмку и поставил на её стол, не закусывая. Скрестив мускулистые руки на столе, он с любовью и затаённой грустью в глазах смотрел на постаревшую мать, которая с подругами так красиво выводила печальную, но почему-то с детства любимую им песню.

Жена Светлана поднялась и стала разливать по чашкам чай. Она старалась приветливо улыбаться, потчuya гостей. Но было видно, что эта песня ей явно не по нраву. Она в ней слышала свой, только ей известный подтекст.

Слева от Сергея сидел, подперев щеку рукой, уже изрядно захмелевший седой морщинистый старик с орденом Великой Отечественной войны на лацкане пиджака. Он надтреснутым басом пытался подпевать соседкам, но за звонкими женскими голосами его почти не было слышно. Махнув рукой, он оборвал песню и, подсев к Сергею, обнял его за плечи.

– Что же ты, Серёжа, к нам так редко приезжать стал?

– Да времени нет, дядь Вань... работы много... вот отпуск дали – и я сразу к вам.

– Да-а, понимаю... понимаю... – вздохнул Иван Егорыч – так звали старика – и вдруг, озорно прищурившись, спросил:

– А помнишь? Мы с тобой и батькой твоим Петром за раками ходили. Тогда тебе лет десять было... Ты в речку голым полез, а деревенские девчонки твои трусы спрятали. Ох и крику тогда от тебя было, когда ты по берегу нагишом с выпученными глазами бежал, – старик зашёлся хриплым дробным смехом.

– Помню, дядь Вань, помню... – заулыбался Сергей и в свою очередь заинтересованно спросил, – а ты другую историю помнишь?

– Ну-ка... – старик утёр кулаком прослезившиеся от смеха глаза.

– Мы с пацанами у Кузьмичихи яблоки воровали, – он повернул голову к жене, которая пила чай и с улыбкой слушала их беседу, – хоть у каждого и своих полно было... Она за нами погналась, в темноте подвернула ногу и прямиком в навозную яму завалилась. Ты её в больницу на своём мотоцикле отвёз, а нас потом заставил свой «Урал» от навозного запаха отмывать. И когда мы его отдраили, он такой чистенький стоял, блестел весь! А я взял и сдуру белой

краской на коляске написал: «Вперёд на Берлин!» – Все опять дружно засмеялись. – Ох и влетело мне тогда от отца!

– Да-да... – закивал старик. – Шалопутный ты был! – Егорыч шутливо взъерошил волосы на затылке Сергея.

Светлана, переводя дух от смеха, налила мужу чашку чая и подвинула ему розетку с вареньем. Следующую чашку она передала Егорычу.

– А Кузьмичиху-то года два как схоронили... – посерьёзнев, продолжил Егорыч, глядя на дымящийся чай в своей чашке.

– М-да-а... – в скорбной задумчивости он стал размешивать ложечкой сахар. – А теперь вот её внуки часто приезжают; домик хороший на участке поставили, тёплый... и зимой жить можно.

Сергей, зачерпнув варенье, одобрительно кивнул, отпивая горячий чай из чашки.

– А я вот на всю зиму опять в город уеду, – с горечью промолвил старик. – На мою пенсию разве тёплый домик построишь? Вот и коротаю тёплые денёчки в дощатом домишке, так и тот, говорят, могут отнять вместе с землицей нашей. Вроде как трасса какая-то здесь должна пройти... – Он вскинул глаза на Сергея, – Сергунь, а ты ничего об этом не слыхал? Будто бы наши сады сносить собираются?

– Мать что-то говорила, но-о... – пожал плечами Сергей.

– Нешто мы не люди?! – дед не дал ему договорить, всё больше распаляясь. – Здесь же одна глина была! Мы в неё, в землю эту, сколько крови и пота влили! Мария моя на этой земле померла, царствие ей небесное... А теперь у нас её отнять хотят? – В глазах у деда заблестели слёзы, голос дрогнул, и он заговорил как-то обречённо и тихо: – Я сорок лет на стройках отработал, пол-Москвы построил, сам в бараке с женой и малыми детьми жил... – Он тяжело вздохнул. – Дали мне квартиру... Дочки мои теперь там живут. Татьяна после развода с севера с детьми вернулась. Долго с нами жили, потом и она свою квартиру от государства получила. Это ещё когда Союз был... – Дед печально вздохнул. – А теперь внуки выросли, своих деток нарожали, тесно стало, вот она ко мне и переехала. А Любка-то так замуж и не вышла... – вроде бы не к месту с горечью выдавил дед и опустил голову.

Сергей помрачнел, он понимал, что в Егорыче по большей части говорит выпитая водка. Но он почему-то проникся к старику искренним сочувствием.

Вдруг Егорыч вскинул на Сергея глаза, полные тоски.

– Ну, не могу я в этих муравейниках жить! К земле тянет! Я ж крестьянский сын! – он приложил натруженную ладонь к сердцу. – С радостью подался бы в свою деревню на Смоленщине, так её ещё в семидесятые распахали... А что мне осталось?! Два куба бетона на двенадцатом этаже? Где же моя пядь земли, которую я защищал?! Неужели мы, русские люди, себе хорошую ЖИЗНЬ не заслужили?

Он опять понизил голос, уставившись на нетронутую чашку чая. – Такую войну одолели, страну подняли... Я под фашистом в десять лет осиротел, сам чуть от тифа не помер... партизанил. Потом уже как сын полка с действующей армией до Праги дошёл. А что мы в молодости после войны видели?... Только тяжкий труд да полуголодную жизнь от получки до получки. – Он в сердцах постучал кулаком по костистой груди. – Так дайте мне хоть остаток дней дожить на своей земле под своими яблоньками!

– Да ладно тебе, Егорыч... Чего ты разошёлся-то? Никто у тебя пока ничего не отнимает, – встряла в разговор соседка Нюра, подруга мамы Сергея. Не обратив ни малейшего внимания на её реплику, старик продолжал, пристально глядя в глаза Сергею:

– Не пойму я, Серёжа, как же это у нас так всё получается? Столько у нас земли, богатств в ней всяких... В космос вон уже больше полувек а летаем, газ с нефтью столько лет в Европу гоним, а пол-России до сих пор дровами топится и в покосившихся хатах живёт. Почему это так, Серёж, а? – Егорыч приблизил лицо ближе к Сергею, дыша на него свежим перегаром.

В его глазах застыла мука и искреннее непонимание. Сергею стало нестерпимо жалко этого старика с замусоленными орденскими планками на старом пиджаке, но ответа на этот вопрос он и сам не знал.

– Да что ты к нему привязался-то?! – опять не выдержала Нюра. – Человек отдыхать приехал, а он к нему с дурацкими вопросами пристаёт! Лучше бы за гармошкой сходил.

Егорыч, неловко двинувшись от Сергея, чуть не опрокинул чашку с нетронутым чаем.

– Да я, Нюра, на ней уж сто лет не играл... – Он с виноватой улыбкой взглянул на Сергея. – Пальцы уже не те... Э-э-эх! – Егорыч махнул мосластой ладонью. – Налей-ка, Серёжа, ещё стопочку.

Сергей налил старику рюмку водки. Иван Егорыч залихватски опрокинул её в рот, утёр кулаком губы, куснул малосольный огурчик. В это время ещё одна гостья, Лена, сидевшая на краю стола рядом с мужем Костиком, уже изрядно осолопевшим, не обращаясь ни к кому конкретно, произнесла:

– Что это мы всё какие-то грустные песни поём? Давайте лучше музыку поставим, потанцуем... – При этом она выгнула спину, подав вперёд грудь в полупрозрачной блузке. Кокетливо поправила локоны причёски и бросила пламенный взгляд в сторону Сергея.

Лена была его ровесницей. Знала Сергея с детства. Лет с шестнадцати, когда Сергей, активно занимавшийся спортом, превратился в симпатичного сильного парня, она стала проявлять к нему повышенный интерес и при каждом удобном случае намекать на свои чувства. Но Сергей эти попытки вежливо пресекал. Он видел в Лене обычную пустосмешку и поверхностного человека, хотя многие считали местную красавицу завидной невестой, и недостатка в ухажерах у неё не было. Но девушка без изюминки, без душевной глубины, пусть даже и красивая, Сергея никогда бы не заинтересовала.

– Свет, тащи «музыку», подвигаемся... А то уж спина затекла. – И Ленка изобразила гримасу боли на размалёванном косметикой лице, показав, как у неё затекла спина.

Света в нерешительности обвела взглядом гостей. Почувствовав чисто по-женски её состояние, Нюра пришла на помощь Светлане.

– Да какие тебе танцы?! – осадил её Ленку. – Поздно уже... пора и честь знать. Да и твой вон... – Нюра кивнула в сторону Ленкиного мужа, – уже в тарелку носом клюёт. Забирай своего Костику да идите спать! – безапелляционно подытожила тётя Нюра, недолюбливавшая кривляку Лену. Она встала и демонстративно принялась убирать посуду со стола, ясно давая понять всем присутствующим, что «банкет» окончен.

Костик, услышав своё имя, очнулся и изрёк заплетающимся языком:

– А чё? Я нормальный... Мы завтра с Серёгой ещё на утреннюю зорьку пойдём. Правда, Серёг?

– Какая тебе ещё зорька? – отозвалась вместо Сергея другая соседка, тётя Зина, направляясь к Костику с кухни и вытирая фартуком мокрые руки. – Кто жадный до водки – рыбак никчёмный... – философски заметила тётя Зина, помогая выбраться Костику из-за стола.

Гости начали расходиться. Вера Николаевна и Света, попрощавшись с гостями, пошли в дом мыть посуду. В окнах кухни зажёгся свет. Заработал телевизор, шёл вечерний выпуск новостей. Иван Егорыч, допивая остывший чай, подслеповато шурясь, через раскрытое окно всматривался в экран. Импозантный телеведущий говорил о демографическом кризисе в стране, о снижении рождаемости. Старик молча вслушивался, подавшись ухом к раскрытому окну, потом, досадливо кряхтя, замотал головой.

– Вот дожили... на Руси бабы не родють! Да когда такое было?! – Раньше в деревнях по двенадцать душ в семьях кормилось, даже в самые тяжёлые годы, да ещё умудрялись и всю страну продовольствием снабжать. А почему? – Он повернулся к Сергею, который собирал стулья и относил их на терраску. – Потому что жили на своей земле. И трудились на ней всей семьёй, от мала до велика. Мужики хозяевами себя чувствовали... и мой отец тоже. Бывало,

войдёт кто во двор и спрашивает у моей матери: «Хозяин ваш дома?» – Он поднял в небо желтый от никотина указательный палец. – Хо-зя-ин!.. Щас так не говоря-ят... Щас многие мужики и себя-то прокормить не могут, не то что семью многодетную... Согнали всех с земли-то, загнали в бетонные камеры. А семья в бетоне не растёт-оть, ей раздолье, ей воздух нужен! Или вот по телевизору говорят, что, мол, баб стимулировать надо, льготы им разные обещают... А стимулировать надо не ба-аб, а мужиков, какие ещё остались! Ежли мужик снова крепким станет, почувствует себя хозяином, то и бабе будет с ним хорошо, и рожать она будет в радости... Где наше исконное деревенское пропитание? Нет же его! Ведь до чего дошли – из города в деревню продукты возят! Скажи такое нашим прадедам – на смех бы подняли! Вот и вы со Светкой полные сумки приволокли... Да и то, во что вилок ни колени, всё ж импортное или непонятно из чего сделанное! Деревня в разрухе, спивается и вымирает. А в городе родят одного – и тому рады. Дорого же всё! Везде платить надо. А больше рожать боязно – денег не хватит, да и неизвестно, что завтра будет... Вон вы со Светкой который год живёте? А ребёнка так и не завели...

При этих словах гримаса недовольства и гнева исказила лицо Сергея.

– Хватит, дядь Вань! – отрезал он жёстко. – Что сегодня на тебя нашло? Прямо закритиковал всех, один ты правильный и со всех сторон хороший! – сказал он раздражённо.

После некоторого замешательства вразумлённый Егорыч, поняв, что сказал лишнее, пролепетал:

– Твоя правда... не моё это дело. – Его глаза ещё больше погрузнели, лицо приобрело жалобно-печальный вид. – Прости меня, Серёжа...

– Да ладно, дядь Вань. – Сергей сменил раздражение на примирительный тон. – Давай я тебя домой провожу.

Егорыч, видя, что Сергей больше не сердится, обрадованно лыбясь щербатым ртом, покачиваясь, поднялся с лавки.

Они пошли в обнимку мимо дома к калитке. Из открытого окна ещё доносились звуки теленовостей. Ведущий, подводя итоги выпуска, повторил главную новость дня: «Завершился длительный космический полёт российско-американского экипажа, насыщенная научная программа полностью выполнена. Космонавты возвращаются на Землю».

Сергей с Иваном Егорычем подошли к калитке.

– А ты всё-таки, Серёжка, разузнай там, как и что, – вспомнил Егорыч то, с чего начал разговор. – Если будут сносить наши участки, партизанский пулемёт откопаю и грудью встану! Так и скажи им: мол, фронтовик Иван Егорыч Рудаков ещё стрелять не разучился! Хватит над простым народом измываться, им что, земли мало?! Вон её сколько, хоть залейся! Почему надо у пенсионеров отнимать? – вопрошал Егорыч, пошатываясь на нетвёрдых ногах. И тут же, широко улыбаясь, протянул широкую мозолистую ладонь Сергею. – Ну... ты меня, Серёженька, дальше не провожай. Сам дойду. Спасибо, что позвали. Не забываете старика...

– Ну, а как же, дядь Вань, без тебя-то! – Сергей легонько хлопнул его по высохшим плечам. – Постараюсь выяснить. Отпуск у меня большой, всё успею. Завтра вот на речку пойду, по рыбалке соскучился... – Улыбаясь, хитро добавил. – Может, и раков поймаю... – Ага, – озорно подхватил Егорыч, – только трусы уж теперь береги.

– Постараюсь...

Они обнялись, тепло попрощались. Егорыч под тусклым светом фонарей нетвердой походкой побрел по узкой дороге. Сергей тоже вышел на дорогу между участками, проводил взглядом старика, пока тот не скрылся за поворотом. Он закурил, поднял голову, задумчиво глядя в высокое звёздное небо. По ночному небосводу плыла ярко светящаяся точка. Она попала на глаза Сергею, он стал с интересом наблюдать за её полётом, пока она не скрылась из виду.

Света закончила мыть посуду, вышла на крыльцо. Не увидев мужа, с тревогой в голосе позвала его:

– Серёж, ты где?

– Да куда он денется, Светик, сейчас придет... – Вера Николаевна вышла следом за ней, заботливо накинула на голые плечи невестки легкую пуховую шаль, которую когда-то сама связала. – Ночи стали прохладными...

Вере Николаевне нравилась Светлана. Скромная, воспитанная, неизнеженная, всегда поможет по хозяйству. Она видела и чувствовала материнским сердцем, что Света очень любит её Серёженьку, и это для неё было самое главное.

Сергей, повернувшись на зов, бросил окурок, вошёл во двор и закрыл за собой калитку. Улыбаясь горячим словам старика про «партизанский пулемёт», пошёл по тропинке к дому. Подходя к крыльцу, хмыкнул под нос:

– Вот и ещё один «ворошиловский стрелок» нашёлся...

Сергей медленно поднялся по ступенькам на терраску. Света, ожидая его, сидела за круглым плетёным столом. Увидев мужа, быстрым движением скинула шаль, обнажив красивые загорелые плечи. Слегка поёживаясь от ночной прохлады, она мечтательно улыбалась, глядя на приближающегося мужа. Свет в доме уже погасили. Вокруг всё замерло и стихло. Сергей подошёл к жене.

– Ты чего не ложишься?

– Тебя жду... – Света встала, ласково прильнула к мужу. Улыбаясь, она что-то прошептала ему на ухо, нежно приглаживая его взъерошенные волосы. Её глаза блестели лукавыми огоньками. Сергей, понимая, к чему клонит жена, неловко отстранился. Озабоченно нахмурившись, пробормотал глухим голосом, стараясь не смотреть на жену:

– Мне на рыбалку рано вставать... выспаться надо. Я здесь, на терраске лягу, чтобы тебя утром не беспокоить. – В его голосе послышались нотки печали. Света резко отстранилась от мужа, заглянула в его глаза. В её взгляде читались непонимание и немой вопрос. Сергей, не выдержав этого взгляда, отвёл глаза. Он нервно засунул руки в карманы брюк и, потупившись, стал разглядывать стоявшие в углу удочки. Света, обиженно поджав губы, молча ушла в дом. Сергей после её ухода остался стоять в той же позе. На его скулах заходили желваки. Неожиданно страдальческая гримаса исказила его лицо. Он медленно закрыл глаза, из его груди вырвался негромкий стон глубоко затаённой душевной боли. Избавляясь от минутной слабости, он с силой взъерошил на голове приглаженные женой волосы и, выдохнув, опустил руки. С широко открытыми глазами он стоял и с тоской во взгляде смотрел, как ночные мотыльки с упрямством обречённых бьются о раскалённую лампу, висевшую над столом.

Глава 3

Город Королев. Центр управления полётами. На втором ярусе главного зала в штабе управления полетом царила деловая, рабочая атмосфера. В центре помещения за огромным столом, заваленным какими-то бумагами, графиками и таблицами, сидели несколько серьёзных солидных мужчин, уткнувшись в свои ноутбуки и планшеты. В помещении, кроме них, находилось ещё человек десять-двенадцать. Одни что-то оживлённо обсуждали между собой, стоя возле панорамного стекла, за которым просматривался огромный экран главного зала с параболической орбитой станции на фоне континентов и океанов. Другие с сосредоточенными лицами сидели за вереницей компьютеров. В воздухе висело напряжённое ожидание чего-то значительного и очень важного для всех находившихся в этом зале.

В помещение быстрым шагом вошёл генерал-полковник Томилин. На ходу, не сбавляя шага, он громко обратился к присутствующим:

– Прошу тишины! У меня связь с Хьюстоном... – Томилин подошёл к массивному письменному столу, у которого уже стоял его помощник с телефонной трубкой в руке. Помощник что-то проговорил в трубку по-английски и передал её Томилину. Генерал взял трубку и заговорил на довольно приличном английском языке:

– Алло, мистер Бретт? Мне только что сообщили с орбиты: экипаж готов к отстыковке от основного модуля станции. Наши системы слежения в полной готовности. Как ваши системы сопровождения? Готовы? Отлично. – Генерал вскинул левую руку, посмотрел на свои часы. По своей многолетней привычке он доверял только им. – Через пять минут начинаем спуск аппарата на землю.

В это же время в Хьюстоне в штаб-квартире НАСА высокий с проседью американец в прекрасно сшитом костюме также смотрел на свои ручные часы известной и дорогой марки. Он медленно и аккуратно положил телефонную трубку на аппарат, после чего обратился к сидевшим за овальным столом штатским и военным:

– Через четыре с половиной минуты русские начинают спуск.

После этих слов один из генералов, колдовавших над картой района приземления, бросил на неё карандаш и направился к офицеру связи.

– Срочно соедините меня с нашей базой в Манасе.

Офицер тут же начал выполнять приказание. Через несколько секунд на расконсервированной американской базе в Манасе трубку взял крепко сбитый военный в камуфляжной форме.

Офицер с бронзовым от загара лицом и тщательно выбритым затылком представился:

– Полковник Крэйг. – Он стоял в передвижной радиолокационной станции, возвышаясь над сидевшими за аппаратурой солдатами-операторами.

– Ты меня хорошо слышишь, полковник?

– Да, сэр...

– Камень Давида уже вложен в прашу... теперь дело за тобой, Билл...

– Я понял, сэр. У нас всё готово.

– Я хочу, чтобы твои ребята были первыми у аппарата, когда он приземлится. Держи всё под контролем. Ты отвечаешь за каждый этап эвакуации. – После короткой паузы, повысив голос, генерал жестко добавил:

– Чтобы ни один волос не упал с головы наших астронавтов! И не спускай глаз с контейнеров.

– Да, сэр.

– Для сопровождения на объект «Урал» подбери самых надёжных ребят. Они полетят на их самолёте, и в нём будет полно русских. Твои люди должны всё время находиться рядом с

контейнерами... Если что-то пойдёт не так, контейнеры уничтожить. Даже ценой жизни. Ты понял меня, Билл?

Крэйг почувствовал, как волнуется генерал, втолковывая прописные истины ему – опытному офицеру. Он и без «накачки» начальства отдавал себе отчёт в том, что в этой игре с русскими на карту поставлено очень многое, если не всё.

– Да, я вас понял, сэр, – спокойно и твёрдо ответил Крэйг. – Всё сделаем как надо... Я лично буду сопровождать груз до объекта.

– Хорошо. Я уверен в тебе, Билл. Твоя работа закончится, когда ты передашь груз нашим представителям на объекте в том же самом виде, в каком ты его примешь...

– Можете быть уверенным, сэр, без моего ведома к контейнерам не притронется ни один человек.

– Желаю удачи тебе и твоим ребятам, Билл.

– Спасибо, сэр.

Генерал положил трубку и повернулся к экрану, на котором с помощью бортовых видеокамер был виден стыковочный комплекс и спускаемый аппарат.

Все, кто находился в помещении, напряжённо смотрели на экран. Через несколько секунд они увидели, как спускаемый аппарат, плавно отвалив от станции, набирая скорость, устремился к Земле.

* * *

В спускаемом аппарате было очень мало свободного пространства. Четверо космонавтов в скафандрах почти лежали (так легче переносить перегрузки) в посадочных местах, плотно прижатых друг другу. Муртазин, не отвлекаясь от приборов, доложил на Землю:

– Спуск проходит по расчетной траектории. Все системы и приборы спускаемого модуля работают в штатном режиме. Экипаж чувствует себя хорошо.

Его доклад из ЦУПа в Королёве тут же передали в аналогичный центр управления полётами НАСА в Хьюстоне. И здесь, и там чувствовалось огромное напряжение и волнение, потому что никто из них уже не мог повлиять на процесс спуска с орбиты модуля с экипажем – теперь все они только наблюдатели.

В ЦУПе в первые минуты начала полета спускаемого модуля к Земле один из сотрудников центрального зала работал за компьютером. Как и его коллеги, сидевшие рядом с ним, он был погружён в свою работу. В какой-то момент, неудачно повернувшись, он задел локтем пластиковый стакан с горячим кофе, который ему только что принесли и поставили на край стола. Содержимое опрокинутого стакана вылилось на брюки его соседа. Тот резко отодвинулся на роликах кресла, вскочил, стараясь оттянуть мокрую, горячую ткань брюк от своих бедер. Негодуя и чертыхаясь, он бросил гневный взгляд на облившего его соседа.

– Вот блин!.. – виновник произошедшего посмотрел на брюки товарища сожаляющим взглядом. – Извини, старик, я не хотел, я случайно... – произнёс он скороговоркой и ещё ближе придвинулся к монитору. Лицо соседа в мокрых дымящихся брюках выражало настоящее горе и отчаяние. Раздосадованный случившимся, он беспомощно огляделся вокруг.

Коллеги, находившиеся рядом, кто с сочувствием, а кто с ехидной усмешкой смотрели на его мокрые штаны.

– Что мне от твоих извинений... – наконец выдавил он из себя. – Где я теперь сухие брюки возьму?! Мне же работать надо! – Он по инерции схватил ручку, которой минуту назад делал какие-то пометки в длинной распечатке, но тут же в сердцах бросил её на стол. Со злым выражением лица, оттянув мокрую брючину, чтобы она не прилипла к телу, он неуклюжей походкой вышел из зала.

В то же самое время в Хьюстоне темнокожая девушка торопливо несла увесистую стопку пачек писчей бумаги. В огромном зале в полной тишине никто не обращал на неё внимания, так как все были увлечены видеотрансляцией из космоса. На большом экране демонстрировались первые минуты после отстыковки модуля от станции и начало его полета к Земле. Девушка, лавируя в проходе между людьми, тоже невольно перевела взгляд на экран. Неожиданно несколько верхних пачек выскользнули из её рук и с громким хлопком упали на пол. Этот резкий звук был похож на выстрел. Именно поэтому многие из тех, кто был в зале, резко обернулись. Смущённая произошедшим конфузом девушка почувствовала на себе десятки взглядов, в которых читалось недовольство, возмущение и укор. Переживая за свою неловкость в столь ответственный момент, она с растерянной и виноватой улыбкой бросилась лихорадочно подбирать упавшие папки и рассыпавшиеся по полу листы бумаги. Через пару секунд все, кто молча смотрел на неё, уже равнодушно отвернулись, вновь переключив всё своё внимание на экран.

Эти два, казалось бы, малозначительных и не связанных друг с другом эпизода, одновременно произошедших в двух разных точках планеты, имели некий мистический смысл. Тогда никто даже не мог представить, что это были вовсе не нелепые случайности, списанные на неуклюжесть сотрудников космических центров. Это были предупреждающие знаки – предвестники скорой беды.

* * *

Прошло уже пятнадцать минут с момента отстыковки. Снижение аппарата проходило в штатном режиме. По заданной траектории, с расчётным временем и скоростью. В Королёве и в Хьюстоне немного успокоились и расслабились. Теперь ничего непредвиденного практически не могло произойти. Конечно, если не считать самого ответственного момента – приземления. Оставалось ждать вхождения аппарата в плотные слои атмосферы. Изменение среды могло преподнести неприятные сюрпризы. В основном это касалось бортовой техники. Аппарат был новый, созданный специально под эту программу полёта. Хотя всё было учтено, многократно просчитано и испытано, но проверку космосом он ещё не проходил. А испытания, пусть даже максимально приближенные к реальным условиям, и действительность – далеко не одно и то же. Разговоры на эту тему с тревогой и опасениями, особенно в последние часы перед спуском, довольно часто возникали в ЦУПах обеих стран.

Размеренную и даже несколько рутинную работу ЦУПа в Королёве нарушило экстренное сообщение, оно со скоростью света облетело все этажи, все помещения, вплоть до курилок – со спускаемым модулем произошло что-то неладное. Нештатная ситуация развивалась стремительно, как цепная реакция. Параллельно её развитию в ЦУПе во всех службах и направлениях с той же скоростью всё приходило в движение, и вскоре обстановка в нём напоминала растревоженный улей. Основная, главная ниточка, связывающая ЦУП с экипажем в спускаемом аппарате, – это телеметрическая связь. Пока она работала, оставалась надежда понять, что же произошло с аппаратом, осмыслить происходящие процессы и как-то помочь экипажу исправить ситуацию.

Руководитель проекта «Пирамида» с российской стороны, генерал-полковник Томилин, встревоженно смотрел в экран монитора. Побледневший командир экипажа Муртазин, стараясь сохранять спокойствие, докладывал:

– Произошёл сбой в системе наведения. Нас начинает раскручивать... Пытаемся стабилизировать аппарат...

По экрану монитора пошли тёмные полосы, помехи в изображении с каждой секундой усиливались, голосовая связь работала прерывисто, эфир заполняли посторонние шумы. Муртазина становилось слышно всё хуже. Но вот сквозь помехи опять прорвался его голос:

– Мы сходим с траектории приземления... Система ориентации не работает... Сильное вращение... – На этой фразе связь опять прервалась.

Томилин продолжал неподвижно стоять у экрана монитора, вцепившись руками в спинку кресла так, что его пальцы побелели. Лицо генерала словно окаменело. Не меняя позы, он продолжал отдавать короткие распоряжения, неотрывно следя за монитором.

Голос Муртазина ещё несколько раз прорывался в эфир, но на экране уже появилась сплошная рябь, как будто кто-то выдернул антенну из телевизора. Последнее, что можно было разобрать сквозь шумы:

– ...пытаемся... стабилизир... вышел из строя борт... ..ютер...

В ЦУПе предпринимали отчаянные попытки восстановить связь, но все они оказались безуспешными.

Связь окончательно пропала. Все находились в шоковом состоянии из-за стремительности и в большей степени из-за неотвратимости произошедших событий. Томилин впервые за всё это время отошёл от монитора, пытаясь собраться с мыслями. В этот момент к нему подошёл помощник.

– Товарищ генерал, американцы сообщают, что их спутники слежения зафиксировали сход спускаемого аппарата с траектории приземления, – сообщил он негромко и после небольшой паузы так же тихо закончил:

– Вас запрашивает Хьюстон, будете разговаривать?

Генерал кивнул помощнику и широким быстрым шагом направился к телефонному аппарату. Один из сотрудников ЦУПа догнал его и почти на бегу доложил:

– Товарищ генерал, аппарат уходит на юго-восток, мы просчитываем возможную траекторию. Через несколько минут сможем дать приблизительный район приземления.

Томилин и на эту информацию ответил коротким кивком. С суровым видом он поднял со стола телефонную трубку, прикрыв ладонью микрофон, приказал рядом стоявшим сотрудникам:

– Подготовьте соответствующую информацию для стран Юго-восточного региона. – Затем перешёл на английский: – Томилин слушает...

– Мистер Томилин, уже известна причина схода аппарата с траектории спуска? – в голосе Бретта сквозило плохо скрываемое раздражение.

– Причина пока не установлена... – как можно спокойнее произнёс Томилин.

– Незадолго до схода аппарата с траектории наша астрономическая служба зафиксировала очень мощную вспышку на Солнце. Я думаю, вы уже об этом знаете?

На этих словах Томилин зло посмотрел на окружавшую его свиту. Ему об этом не доложили. Американцы сработали оперативнее. Отыскав глазами руководителя астрономического сектора, генерал показал ему мощный кулак, и по его губам без труда можно было прочитать нецензурное слово. А в трубку он, не меняя спокойной интонации, хладнокровно произнёс:

– Да, мне об этом известно...

– Это сказалось на работе наших спутников, находящихся сейчас в космосе. Было несколько серьёзных сбоев, но ни один из них не сошёл с орбиты. Вспышка могла, конечно, в какой-то степени повлиять на работу бортовых компьютеров и систем связи, но-о... – Он ненадолго умолк. – Как вы думаете, могло ли это стать причиной схода аппарата?

– Мне кажется, нам сейчас надо думать о спасении модуля и экипажа, а в причинах схода будем разбираться потом... – глухо произнёс и нахмурился генерал. Бретт, выслушав Томина, выждал паузу.

– ...Есть ещё одно странное обстоятельство, – Бретт обвел взглядом своих генералов, сидевших с напряженными лицами за большим овальным столом. – Из района Анд был выпущен и зафиксирован нашими военными ранее неизвестный импульс, похожий на некий ступок электромагнитной энергии большой мощности. Он был настолько краткосрочным, что

нам не удалось засечь даже приблизительно место излучения... До конца не ясна также и сама природа этого импульса...

– И что из этого следует? – насторожился Томилин.

– Дело в том, мистер Томилин, что он точно совпадает по времени, когда с аппаратом начались неполадки. – Бретт умолк, ожидая реакции Томилина. Генерал на секунду задумался, после чего начал отвечать, тщательно подбирая и чётко проговаривая каждое слово:

– Даже если этот импульс имел какое-то воздействие на аппарат, он вряд ли мог сместить его с траектории... Я ещё могу допустить вызванные им помехи в связи, но и это маловероятно – помехоустойчивость аппарата очень высока.

В этот момент Томилину протянули листок с какой-то информацией. Он быстро пробежал по строчкам глазами. – Тем не менее, генерал, связи с экипажем нет. И теперь уже ясно, что её вряд ли удастся восстановить. Что вы намерены делать?! – В голосе Бретта были слышны нотки недовольства и раздражения. Внутри него закипала ярость по отношению к этому русскому тугодуму. В ожидании ответа он поднял глаза к потолку, резко откинул полу пиджака и, запустив левую руку в карман брюк, стал нервно покачиваться с пяток на носки.

– Мне принесли расчёты траектории падения аппарата. Предположительно он опустится в районе Малайзии или Филиппин. По мере сближения аппарата с Землёй координаты будут уточняться. Жизнеспособность аппарата достаточно высока, это вселяет надежду на благополучный исход.

– Я вас понял, мистер Томилин. Из этого следует, что нам всем остаётся молиться, чтобы теперь не подвела система мягкой посадки вашего аппарата? – съязвил Бретт.

– Мистер Бретт, нам необходимо срочно задействовать все имеющиеся у наших стран средства поиска и спасения в предполагаемом месте посадки. – Генерал пропустил мимо ушей колкость американца, ему сейчас было не до склок.

– Да, я согласен с вами и уже отдал все необходимые распоряжения, – смягчил тон Бретт, поняв, что дальнейшее препирательство с русским генералом не имеет никакого смысла. – Наши специалисты, как и ваши, уже просчитывают возможный район приземления. Нам бы хотелось, генерал, чтобы службы слежения наших стран находились в постоянном контакте и обменивались информацией. Оперативно проводили все необходимые сверки и уточнения. В дополнение ко всему в ближайшее время в тот район нами будет направлен самолёт радиолокационной разведки АВАКС.

– Хорошо. До связи, мистер Бретт.

Как только генерал положил трубку, к нему подошли двое в штатском. Один из них, заметно волнуясь, обратился к генералу:

– Олег Георгиевич, по нашим вычислениям, аппарат упадёт в восточной части архипелага Сулу.

– Где? Где, конкретнее?! – выкрикнул Томилин.

Другой сотрудник тут же положил на стол и развернул перед ним распечатку карты с нанесённой на ней траекторией спуска аппарата с временными интервалами в десять минут.

– Вот в этом квадрате двести на двести километров. Точнее сможем сказать, когда аппарат пройдёт плотные слои атмосферы.

Генерал внимательно вгляделся в карту.

– Здесь множество мелких островов... Какова вероятность, что они приземлятся на сушу?

Сотрудник, развернувший карту, развёл руками.

– Пятьдесят на пятьдесят... – и, смущенно откашлявшись, чуть тише добавил: – Но воды здесь всё-таки больше...

Генерал, недобро зыркнув на него, хотел что-то сказать, но тут кто-то крикнул:

– Аппарат вошёл в стратосферу Земли!

Глава 4

Аппарат с гулом и свечением стремительно летел в стратосфере, приближаясь к Земле. За ним клубился длинный белый шлейф пара.

За кормой американского военного корабля уходил к горизонту такой же белый и длинный пенный след. На кормовом флагштоке ветер неистово трепал американский флаг. Острый форштевень ракетного эсминца «Лассен» разрезал бирюзовую водную гладь. На мостике корабля царила привычная, будничная атмосфера. Командир эсминца и несколько дежурных офицеров, стараясь не попадать под палящие лучи тропического солнца, негромко переговаривались между собой. Вид у всех был вялый и скучный. Вдруг в рубку буквально влетел офицер секретной части. Он открыл папку с грифом «Совершенно секретно» и протянул листок бумаги командиру.

– Из штаба флота, сэр. Срочная шифрограмма.

Командир взял листок в руки. Пока он читал текст шифрограммы, выражение его лица стало заметно меняться. От спокойного благодушия и даже безразличия не осталось и следа. Расслабленность в его позе и флегматичность в движениях также вмиг улетучились. В его глазах заблестели искорки азарта, он выпрямил спину, как-то весь подобрался и даже помолодел. Отдал бумагу подошедшему старпому.

– Читай... – Старпом начал читать, быстро пробегая строчки глазами, а командир уже взял микрофон радиостанции и нажал тангенту:

– «Стрекоза-1», ответь «Жуку»... – Командир с хищным прищуром устремил взгляд в безоблачное небо.

Вертолёт американских ВМС летел над океаном в лучах яркого солнца. Прошло уже два часа, как он оторвался от палубы эсминца. Полётное задание, рядовое и довольно скучное, как считал экипаж, подходило к концу. Обоим пилотам порядком надоело болтаться в этих бескрайних просторах над океаном под раскалённым солнцем, от которого не спасали и светофильтры их гермошлемов. В неспешном разговоре между собой они мечтали только об одном – поскорее вернуться на корабль и оттянуться холодным пивком, качаясь в гамаках в прохладном ангаре.

– «Жук», «Стрекоза-1» на связи, – ответил командир вертолета с надеждой услышать приказ на возвращение.

– Где вы находитесь?

– В квадрате поиска подлодки условного противника, в районе отметки 7–42, курс зюйд-вест.

– К чёрту подлодку! В наш тихий аквариум летит подарок из космоса...

Услышав эти слова, оба пилота, как по команде, закрутили головами в круглых разрисованных шлемах. Наконец командир ответил:

– Но мы ничего не видим, сэр. В небе никаких объектов не наблюдаем. По морю горизонт чист.

На лице командира эсминца появилась саркастическая улыбка.

– Мы меняем курс и идём в квадрат поиска. Ваш курс – норд-ост, до отметки 8–1 1, там мы вас подберём.

– Вас понял, норд-ост до отметки 8–1 1.

– Конец связи.

Командир корабля Джеральд Сноуп вставил микрофон в зажимы. Снова прищурившись и уперев руки в переборку по обе стороны от иллюминатора, он замер, пристально вглядываясь в океанскую даль. И видел он в этой дымчатой дали что-то свое.

Его испещрённое лучиками мелких морщин, коричневое от многолетнего пребывания под тропическим солнцем лицо озарилось надеждой. Улыбаясь, он тихо пробормотал себе под нос:

– Ничего, теперь мы поборемся... ещё не вечер...

Не отводя взгляда от моря, командир бросил через плечо старпому:

– Меняйте курс на заданный квадрат.

– Есть, сэр! – Старпом поспешно скрылся в штурманской рубке. Командир подошёл к радиометристам.

– Немедленно докладывайте обо всех воздушных и надводных целях с максимальной идентификацией и подробными характеристиками. – И, отходя от них, добавил:

– Где бы я ни находился!

– Есть немедленно докладывать обо всех целях!

Командир направился в рубку, где штурман уже прокладывал новый курс. Старпом вместе с ним склонился над штурманским столом, сверяя координаты. Командир быстрым шагом подошёл к своим офицерам. Подвижными, пронзительно голубыми глазами осмотрел карту с проложенным курсом. Бросив короткий взгляд на часы, подал команду, не глядя на рулевого:

– Пятнадцать градусов право по компасу. Так держать.

– Есть пятнадцать градусов право по компасу, так держать! – задорно крикнул рулевой, тоже проникнувшийся общим настроением, царившим теперь на мостике.

Командир, в нервном возбуждении потирая ладони, отошёл от стола. В этот момент он чуть не наступил на маленького котёнка, метнувшегося от его ног.

– Ч-чёрт, ты ещё здесь под ногами... Уберите его с мостика! – рявкнул он на штурмана и вышел из рубки. Штурман ловко подхватил с палубы своего питомца. Ласково поглаживая его рукой, озадаченно посмотрел на старпома.

– Нервничает старик... – полушёпотом проговорил старпом, кивнув в сторону Сноупа. – Последний поход, и вдруг выпадает такой шанс. Адмирал в шифрограмме обещал оставить его на флоте ещё на три года, если он найдёт эту скорлупку с астронавтами.

Командир отошёл в левое крыло мостика. Напряжённо думая о чём-то, снял фуражку, обнажив седую голову с аккуратным пробором. Задумчиво глядя на палубу, достал из кармана белоснежный носовой платок. Медленно протёр внутренний кожаный околыш фуражки.

На мостике воцарилась обстановка, схожая с той, в которой оказываются дети, находясь в одной комнате со строгим отцом, когда он раздражён или сердится. Никто громко не разговаривал, ходили тихо и не делали резких движений. Все, кто был на мостике, выжидательно поглядывали в сторону неподвижно стоявшего командира.

Убрав в карман носовой платок, командир задумчиво разглядывал военно-морскую кокарду на своей фуражке. Сноуп смотрел на неё так, как если бы он смотрел на самую дорогую и важную вещь в своей жизни, с которой ни при каких обстоятельствах не хотел бы расстаться. Вдохнув от каких-то своих мыслей, он аккуратно и бережно положил фуражку на столик рядом со стеклянной вазочкой. Вазочка была наполнена грецкими орехами – любимым лакомством командира.

Сноуп взял пару орехов и, зажав их в кулаке, открыл дверь с мостика на верхнюю палубу. Он вышел на воздух и сразу попал в тугую тёплую струю встречного тропического ветра, многократно усиленную полным ходом корабля. Вахтенный сигнальщик, стоявший у левого борта с биноклем у глаз, услышав, что кто-то вышел, повернул голову и вытянулся в струнку.

– Продолжайте наблюдение... – обронил Сноуп.

– Есть продолжать наблюдение! – Матрос снова поднёс бинокль к глазам.

Корабль шёл самым полным ходом, на который был способен. Командир стоял, широко расставив ноги, чуть наклонившись вперёд, сопротивляясь сильному океанскому ветру. Его тщательно зачёсанные седые волосы растрепались. Вглядываясь вдаль и дыша полной грудью,

он с силой сдавил в кулаке орехи. Послышался хруст скорлупы, Сноуп раскрыл кулак. Один орех оказался гнилым, поэтому другой не раскололся. С вялым недовольством на лице Сноуп подставил ладонь ветру. Скорлупки треснувшего пустого ореха тут же сдул мощный порыв. Повертев в руках ставший бесполезным уцелевший орех, он хотел было вернуться и взять ещё один, но, передумав, вдруг резко развернулся и запустил его в морскую пучину.

Так же, как этот подхваченный ветром орех, к океанской бездне стремительно и неизбежно приближалась раскаленная сфера спускаемого аппарата. Со свистом и воем модуль с космонавтами на огромной скорости проходил плотные слои атмосферы. В капсуле царил полумрак, горели только лампочки аварийного освещения. На лицах космонавтов отразилось нечеловеческое напряжение. Бортинженер с нависшими гроздьями пота над бровями не оставлял попыток реанимировать вышедшее из строя оборудование спускаемого модуля, но все его усилия были тщетны. Вконец вымотанный Тобольцев, оторвавшись от пульта, упал в кресло и выдавил:

– Командир, температура в два раза выше нормы. Автоматика не запускается...

Муртазин с усилием дотянулся до плеча бортинженера, положил на него свою ладонь.

– Ничего, Лёня, отдохни... Время ещё есть. Попробуем ещё раз... – проговорил он, тяжело дыша. Тобольцев в ответ как-то обреченно прикрыл веки и едва заметно кивнул.

* * *

Российская подводная лодка шла на глубине перископа. Она возвращалась с боевого дежурства от берегов Австралии. Автономное плавание подходило к концу, и лодка всплыла на перископную глубину для сеанса связи со штабом дивизиона. Командир лодки, пробираясь по лабиринтам узких проходов, направлялся в отсек секретной части.

Как только он вошёл, шифровальщик вскочил и протянул ему радиogramму. Пробежав её глазами, командир сорвал трубку внутреннего телефона. На командном пункте лодки зазвенел зуммер звонка. К трубке подошёл статный офицер с чёрными, как смоль, усами. – Старший помощник... – Но командир не дал ему договорить, в трубке послышался его взволнованный, но твердый голос. Он быстро и четко отдавал распоряжения. Старпом, сдвинув брови, слушал очень внимательно, изредка кивая и что-то быстро записывая. Когда голос командира в трубке умолк, старпом выпрямился и громко ответил:

– Есть изменить курс и следовать в район поиска!

Старпом с треском воткнул в вертикальный держатель массивную трубку корабельного телефона.

В это же самое время в штабе авиабазы ВВС США другая рука давила на большую красную кнопку с надписью «Тревога». Над аэродромом разносился противный вой сирены. Пилоты дежурного звена, похватав гермошлемы, побежали к своим самолётам. Через короткое время рёв реактивных двигателей заполнил все пространство аэродрома. Несколько самолётов взлетели один за другим и, набирая высоту, стремительно понеслись к океану.

Командир звена вёл свою группу над морем. С высоты птичьего полёта он увидел шедший встречным курсом российский рыболовный траулер. По специальному каналу связи лётчик вступил в радиопереговоры с капитаном судна, передав ему уточнённые координаты поиска. Заложив вираж над судном, командир звена увидел, как траулер с креном на левый борт поворачивает, меняя курс.

Повторив манёвр командира, истребители-перехватчики повернули в сторону солнца и вскоре растворились в дымчатом мареве.

Американский самолёт радиоэлектронной разведки АВАКС приближался к району поиска. Молодой оператор, вглядываясь в круглый экран, пристально следил за показаниями

радар. В верхней части экрана появилась слабая зеленоватая точка. Она медленно двигалась к центру, увеличиваясь в размерах и светясь всё ярче и ярче.

Оператор, сдёрнув наушники, радостно закричал:

– Есть! Это они!

Подскочивший офицер вперил взгляд на мерцающую точку. Сбоку на экране монитора побежали строчки идентификации цели, подтверждающие, что обнаруженный объект является спускаемым аппаратом. Через минуту все, кто сидел в салоне самолета за приборами, бросились обниматься и поздравлять друг друга. Но радость их была преждевременной...

Внутри капсулы температура достигла предельных значений. Все члены экипажа буквально взмокли в своих скафандрах. Трое из них, тяжело дыша, беспомощно переглядывались друг с другом, в то время как четвертый, Леонид Тобольцев, все ещё пытался что-то исправить. Время катастрофически таяло. Страшный свистящий гул сопровождал этот их, возможно, последний в жизни полёт.

Муртазин сквозь пелену пота, заливавшего глаза, посмотрел на высотомер.

– Лёня, пора раскрывать парашюты! – выкрикнул он бортинженеру. Тот, согнувшись в три погибели, колдовал над резервной системой торможения, пытаясь запустить её вручную. В условиях чудовищных перегрузок это сделать ему никак не удавалось. Время и высота неумолимо быстро уходили.

– Лёнчик! Высота предельно допустимая! – закричал Муртазин, отчаянно глядя в спину Тобольцева. Бортинженер, как будто не слыша этих слов, упорно левой рукой продолжал что-то вращать внизу, под ногами, а правой наощупь, вслепую, по памяти нажимал кнопки и тумблеры над своей головой. Муртазин, полулёжа в кресле, ещё раз взглянув на высотомер, обречённо закрыл глаза и прошептал:

– Ну, всё...

В ту же секунду загудели двигатели торможения, послышался мощный хлопок. Аппарат дёрнулся, раскрылись парашюты, и гул сразу же прекратился.

В наступившей тишине абсолютно обессиленный бортинженер наконец разогнулся и упал в кресло. Он сдёрнул с мокрой головы шлем, хотя это и запрещено инструкцией. Командир в изнеможении от перегрузок и нечеловеческого напряжения чуть приподнялся с кресла и протянул руку в сторону Тобольцева. Ласково, как ребёнка, он погладил его по мокрым слипшимся волосам. От усталости и пережитого слов у него сейчас просто не было. Только слабая счастливая улыбка застыла на осунувшемся лице. Остальные члены экипажа тоже молчали. Шок от осознания близкой смерти ещё не прошёл.

Кевин дрожащими пальцами достал из кармашка брелок в виде фигурки Микки Мауса в боксёрских перчатках. В его памяти, как из тумана, всплыла картина прощания с семьёй перед полётом. Он вспоминал жену Кэри в её любимом голубом платье... Она была в нём так хороша! Десятилетнюю дочку Сьюзан, прижимавшую к груди букетик полевых цветов. Шестилетнего сына Джонни, который подошёл к нему и, глядя снизу вверх на отца, с серьёзным видом протянул качающегося на цепочке Микки Мауса.

– Папа, это тебе от меня... Он тебе поможет... – Последние три слова, сказанные сыном, разнеслись далёким эхом в его затуманенной голове.

Кевин открыл глаза, пересохшими губами поцеловал Микки Мауса во вздёрнутый нос. Его правая рука, державшая игрушку перед лицом, обессиленно упала вниз. Кевин откинулся глубже в кресло, левой рукой прикрыл глаза. Его кадык судорожно задёргался, он резко повернул голову к переборке. По его щеке предательски медленно покатились слеза.

Дон с пониманием посмотрел на друга. Он нащупал правую ладонь Кевина и молча сжал её в своей руке. Остальные члены экипажа, не сговариваясь, протянули руки друг к другу и образовали из них надёжную неразрывную цепь.

Да, русские и американцы, без всякого пафоса и лишних слов, в эту минуту осознавали себя как одно целое – братской, счастливой семьёй.

Какая же это была радость! Находиться на волосок от смерти, мысленно попрощаться со всеми и вдруг спастись, снова ощутить тепло рук своих товарищей. В такие моменты посещают мысли о Боге каждого: и верующего, и атеиста. Они держались за руки и верили: всё самое страшное уже позади. Их обязательно найдут. И скоро они обнимут родных и друзей. Переступят порог своего дома, вдохнут его такой родной, но давно забытый запах. Будут не вспоминать, а каждый день видеть глаза любимых. Они будут наслаждаться тёплым солнцем и ходить босиком по зелёной траве после дождя, о чём они так долго мечтали в невесомости. И жизнь снова покатится своим чередом. Так думали они, крепко взявшись за руки, перед встречей со столь долгожданной и любимой Землёй.

Они и лежали в креслах с просветлёнными лицами и сцепленными руками до приведения спускаемого аппарата. И вот наконец капсула опустилась в море. Купола парашютов, как только аппарат коснулся воды, тут же отстрелились. Через несколько секунд сфера с шумом и пеной всплыла на поверхность. Черный, ещё не остывший шар с шипящей вокруг него водой плавно покачивался на волнах.

Глава 5

Так же, как и сфера аппарата, на волнах плавно покачивался поплавок удочки, заброшенный в тихую подмосковную речку.

Сергей сидел на берегу живописной реки у самой воды. С мрачным лицом он держал в руках удочку, периодически передвигая поплавок, сносимый течением. После ночного разговора с женой настроение у него было паршивое. Нахмутив брови, он сосредоточенно глядел на колыхавшийся поплавок. Водная гладь реки, обрамлённая по берегам пышным кустарником, слегка курилась в рассветной тиши.

«И что на меня нашло? – мысленно спрашивал себя Сергей и тут же сам отвечал: – Это все водка... да, ещё Егорыч с этим разговором о детях подлил масла в огонь». Сергей, досадуя на себя, глухо выругался и передернул широкими плечами. От противоположного берега послышался плеск вёсел. В лёгкой дымке на середине реки показалась надувная рыбацкая лодка. В ней, неспешно работая вёслами, сидел мужчина лет пятидесяти с седой недельной щетиной на лице. На нём была выцветшая, выдавшая виды штормовка и высокие болотные сапоги. Лодка поравнялась с Сергеем.

Мужик весело поприветствовал Сергея:

– С добрым утром, Петрович!

– Здорово, Антоныч, – угрюмо поздоровался Сергей, вступать в разговор ему сейчас абсолютно не хотелось.

– Как клёв? – всё так же весело, с улыбкой спросил мужик.

– Да пока никак... – хмуро и нехотя ответил Сергей.

– Да ты подальше от воды-то отсядь! А то у тебя такое лицо – рыба подойти боится! – Мужик раскатисто рассмеялся и налег на весла.

Посмотрев вслед удалявшейся лодке, Сергей криво усмехнулся. Его глаза подобрели. Он и в самом деле решил переместиться повыше от прохлады реки. Бросив телогрейку на небольшой бугорок, удобно разместился на ней, полулежа на высоком речном берегу. Он не заметил, как сзади него по тропинке между кустами к реке шла Светлана. Она подошла к нему, кутаясь в наброшенную на плечи кофточку. Сергей, услышав чьи-то шаги, обернулся.

– Доброе утро! Ты чего так рано поднялась-то? – произнёс Сергей, удивлённый неожиданным появлением жены.

– Доброе... – с прерывистым вздохом ответила Светлана и присела рядом с мужем на телогрейку.

– Поспала бы ещё... – неуверенно произнёс Сергей, глядя на поплавок. Света оставила его слова без ответа. Нахмутив брови, она смотрела на плавное течение реки. Переведя взгляд от поплавка на лицо жены, он какое-то время внимательно изучал его, пытаясь угадать её настроение. Света, избегая встречи с глазами мужа, чтобы не расплакаться, продолжала разглядывать реку и противоположный берег.

Сергей, так и не дождавшись никакого отклика от жены, снова перевёл взгляд на поплавок. Застыв в напряжённых позах, оба молча глядели на реку. Светлана, как будто на что-то решаясь, одну за другой срывала травинки, нервно теребила их в руках и рвала.

– Серёж, что происходит? – не выдержала Света и первой прервала это тягостное для обоих молчание. Она резко повернулась к мужу и в упор посмотрела на Сергея.

– А что происходит? Ничего не происходит... – ответил Сергей с явным непониманием, продолжая смотреть на реку.

– Пожалуйста, не притворяйся! У тебя это плохо получается... – Она положила свою ладошку на его предплечье. – Что вчера произошло? Что с тобой случилось, когда все разошлись? Ты вдруг стал какой-то... – Светлана плотно сомкнула губы и замотала головой, пыта-

ясь подобрать нужное слово, но так и не нашла его. А может, просто не решилась сказать. – ...Ты раньше таким никогда не был! – Светлана с отчаянием в глазах смотрела на Сергея. Он угрюмо продолжал молчать.

– Эта твоя дурацкая отговорка, что тебе надо выспаться!.. – Она порывисто бросила в воду измочаленные в ладошке травинки. – Скажи, может, я в чём-то виновата перед тобой?

Сергей ничего не ответил, сдвинув брови, он деловито воткнул заранее приготовленную рогатину в берег и вложил в неё удочку.

– Ты же сам всегда говорил, что муж и жена должны ВСЁ говорить друг другу. Не держать в себе! Нет нерешаемых проблем... Так в чём проблема?!

Сергей шумно вздохнул, меняя позу, втянул голову в плечи. Весь как-то сжался, подался вперёд, снова схватил удочку обеими руками. Этот разговор ему явно не нравился.

Света резко отвернулась от него. Её глаза наполнились слезами. Сдавленным обиженным голосом она произнесла:

– Я думала... ну, вот, наконец-то отпуск! Я ждала его целый год! Я была счастлива от одной мысли, что мы будем принадлежать только друг другу. Не будет твоих задержек до полуночи на работе, срочных вызовов, командировок! Как я обрадовалась, что мы поедем к твоей маме! Я же помню, как всё было прекрасно, когда ты первый раз меня сюда привёз! А теперь что?! Тебя словно подменили! Мне вчера на терраске показалось, что я обнимаю глыбу льда... С другими ты шутил, смеялся, а стоило мне подойти, ты как... – Света, всхлипнув, тихо заплакала, опустив лицо в ладони.

Сергей отложил удочку, придвинулся ближе к жене. Бережно обнял её за плечи, поцеловал в щёку. Гладя её локоны, смущённо произнёс, виновато улыбаясь:

– Светик, прости... Сам не пойму, нашло на меня что-то... Всё будет хорошо... – Вдруг Света встрепенулась и резко отстранилась. Её осенила догадка. Вся в слезах, она не дала Сергею договорить:

– А может, ты злишься, что я никак не могу забеременеть?! Вчера этот старик что-то говорил о детях... – Сергей потупил взор. Улыбка слетела с его лица. Он полез в карман за сигаретами. По его реакции Света поняла, что попала в точку.

– Так я страдаю от этого не меньше твоего! – выкрикнула Света. – Ты же знаешь, сколько мне пришлось вынести! Эти бесконечные хождения по врачам!.. Где я только не лечилась, и вот наконец мне сказали, что шансы есть! Ты же сам разговаривал с доктором, и он сказал, что меня неправильно лечили, я прошла новый курс, теперь всё должно получиться... До отъезда сюда у нас же всё было хорошо, ты верил! Ну что с тобой произошло, Серёж?! – У Светы началась истерика. – Я ХОЧУ родить! Я хочу, чтобы у нас были дети! Нет моей вины в том, что... – Свету снова задушили слёзы. Отбросив всю измятую, но так и не прикуренную сигарету, Сергей обнял и крепко прижал жену к себе. Рыдая, Света спрятала лицо у него на груди. Он, успокаивая, гладил и целовал её голову, щеки, глаза, мокрые от слез.

– Котёнок, прости меня... Дурак я... дурак!

Света сквозь слёзы пролепетала, не отрывая голову от его груди:

– Только у меня появилась надежда... а ты!..

– Ну, всё, всё... – Сергей чмокнул Свету в носик, неуклюже вытирая своими ручищами слёзы на её щеках.

Поплавок его удочки дёрнулся и резко ушёл на глубину, оставив после себя расходящиеся по воде круги.

* * *

Слабые круги расходились по водной поверхности большого аквариума. Томилин, щедро насыпая корм, кормил рыбок у себя в кабинете. На нём была форменная рубашка без галстука,

две верхние пуговицы расстёгнуты. Он стоял в конце просторного кабинета у аквариума и сосредоточенно наблюдал, как рыбки, одна за другой поднимаясь с глубины, набрасывались на рассыпанный по поверхности воды корм.

В его кабинете проходило совещание экспертного совета. Оно продолжалось уже несколько часов. За массивным длинным столом сидело около десятка участников совещания, ещё несколько человек стояли у окон, о чём-то разговаривая и споря друг с другом. По всему было видно, что все изрядно устали. Многие давно сняли пиджаки, оставив их висеть на спинках кресел. Сзади они напоминали понуро стоявших в ряд людей с низко опущенными головами. Эта символическая картина как бы дополняла тягостную атмосферу безысходности, висевшую в этом прокуренном кабинете.

На столе генерала стояла двуязычная табличка, запрещающая курить. Но несколько человек, несмотря на это, всё равно курили. Главный конструктор спускаемого аппарата, Суровин Кирилл Валентинович, устало откинулся в кресле. Его всегда аккуратная причёска сейчас была растрепана, клочок взъерошенных волос вызывающе топорщился над правым виском. Сильно ослабленный галстук свисал набок. Главконструктор держал скрепленные степлером листы бумаги, изучая их через очки, сдвинутые на кончик носа. При этом он, не переставая, нервно прокручивал в пальцах зажигалку и постукивал ею о стол.

Томилин отошёл от аквариума. Тщательно вытирая руки носовым платком, со строгим видом обратился к присутствующим:

– Товарищи, хватит курить! Моим рыбам уже дышать нечем!

Кто-то сдавленно хохотнул, но его не поддержали. Людям, собравшимся сегодня в этом кабинете, было не до смеха.

Пряча платок в карман брюк, Томилин обернулся на аквариум и раздражённо произнёс:

– Сонные все какие-то... еле плавниками двигают!

Многие из присутствующих восприняли эти слова и на свой счёт. Сидевшие за столом сменили расслабленные позы и повернули головы в сторону генерала. Стоявшие у окон спешно затушили окурки и заняли свои места за столом. Томилин тоже сел в своё кресло. Решительно поставив локти на стол и сцепив пальцы в замок, он резко подался вперёд, как пулёмётчик перед атакой.

– Так что же всё-таки могло случиться с аппаратом? АВАКС зафиксировал приводнение, передал точные координаты. Через два часа спасательные силы были уже на месте, а аппарат бесследно исчез. Никаких следов! Его радиомаяки молчат... Тишь да гладь, как будто его и не было вовсе! Где аппарат?! Где люди?! – всё больше раздражаясь, выкрикнул Томилин, обводя взглядом присутствующих. – Американцы уже делают недвусмысленные намёки. Начинают нас чёрт-те в чём подозревать. Их президент уже звонил в Кремль, требуя объяснений... – Он кивнул на гербовый телефон прямой связи с президентом России. – Вы отдаёте себе отчёт в том, ЧТО произошло? Аппарат-то целиком и полностью наш! Мало того, что он сошёл с траектории, так он ещё и пропал в этом грёбаном море Сулу! – В его голосе звучал грозный металл, глаза налились свинцовым гневом, на висках вздулись вены. – А вы мне тут... только руками разводите!

– Товарищ генерал-полковник, – переходя на официальный тон, поднялся со своего места главный конструктор спускаемого аппарата, – я и мои сотрудники всегда отвечали за свою работу, и мы хорошо понимаем всю меру ответственности... Если будет доказано, что аппарат пропал по нашей вине, мы готовы понести любое наказание. Но на данный момент я только могу повторить свои слова, сказанные на госкомиссии по приёму аппарата: спускаемый модуль надёжен, многократно испытан в различных режимах, все нештатные ситуации были просчитаны и смоделированы. Системы жизнеобеспечения аппарата с ними успешно справились. Результаты расчётов и испытаний были отправлены американской стороне и полностью их удовлетворили. Так что ни взорваться, ни утонуть он не мог... – Взволнованный главкон-

структор, как бы ставя точку, стукнул зажигалкой о стол и после паузы добавил: – Если только он не подвергся воздействию внешних сил.

– О каких внешних силах вы говорите? Что вы имеете в виду? – напрягся генерал.

– Да всё что угодно! Я не знаю... это уже не в моей компетенции. – Главный конструктор сел на своё место. Один из сотрудников его КБ тут же начал что-то шептать ему на ухо.

Слово взял ещё один учёный, принимавший участие в разработке и испытаниях аппарата. Звали его Игорь Михайлович Кедров.

– Олег Георгиевич, я полностью разделяю уверенность Кирилла Валентиновича в надёжности аппарата. Мы долго работали над ним и просчитывали все мыслимые и немыслимые нештатные ситуации. – Он заметно волновался, то и дело поправляя лежавшие перед ним бумаги. – Да... Так вот, по моему мнению, нельзя сбрасывать со счетов и так называемый человеческий фактор. Ведь связь с экипажем прервалась. Мы не знаем, что произошло внутри сферы, когда аппарат сошёл с орбиты. Может быть, в борьбе за живучесть аппарата экипаж не выдержал чудовищных перегрузок, нервного напряжения и во время приводнения действовал неадекватно...

– Маловероятно, – прервал его главный конструктор. – Трудно представить себе, чтобы все четверо действовали неадекватно. Ведь смогли же они запустить систему мягкой посадки! Но даже если предположить, что с экипажем что-то случилось, аппарат всё равно остался бы на плаву. Если только его не утопили целенаправленно... Но в невменяемом состоянии это сделать довольно сложно. Мне тут подсказали другую версию... Что если аппарат попал в сильное морское течение, и его отнесло от места падения на многие мили, и мы просто не там ищем?

– Кирилл Валентинович, Вы сами-то понимаете, что говорите? – Генерал обескураженно посмотрел на главконструктора. – Акватория района падения на сотни миль под контролем. Даже рыбацкая фелюга не осталась бы незамеченной. Кроме того, связисты клянутся, что радиомаяки, установленные на аппарате, могут работать в любых условиях в течение трёх месяцев...

– Если только цел сам аппарат... – поправил Томилина главный связист, не отрывая глаз от дисплея своего планшета.

Томилин прервался и посмотрел на главсвязиста беспомощным взглядом.

– Ну, не растворился же он, в конце концов! – хлопнул ладонями по столу Томилин. – Должны же остаться хоть какие-то следы?!

Сидевшие за столом учёные и инженеры старались не смотреть ему в глаза. Никто из них не мог найти внятного объяснения причины исчезновения аппарата.

– Олег Георгиевич, – нарушил удручённое молчание коллег один из экспертов, – с момента фиксации приводнения аппарата до первого вертолета, прибывшего к месту падения, прошло около двух часов... За это время могло произойти всё что угодно...

– Что?! Что могло произойти? Вы здесь все специалисты, дайте хоть одну мало-мальски приемлемую версию!.. Может быть, произошла разгерметизация корпуса и аппарат утонул, но тогда всё равно бы сработали радиомаяки! Или вы хотите сказать, что его могли украсть инопланетяне?!

Но ответов и новых версий больше не последовало.

– Фу-у-у... – Повернув голову в сторону окон, генерал раздвинул ворот сорочки и потёр рукой побагровевшую шею. – Ладно, будем ждать сообщений от поисковиков и спасателей. Пока все свободны. Через час жду всех в главном зале.

Эксперты, собрав свои вещи, усталой гурьбой потянулись к выходу из кабинета. Томилин отыскал взглядом в этой толпе своего заместителя, с которым был в бункере, генерал-лейтенанта Антипенко, а вместе с ним и представителя от внешней разведки генерала Карповича.

– Михаил Владимирович, Сергей Константиныч! Задержитесь, пожалуйста...

Генерал Антипенко и высокий сутуловатый человек в сером костюме остановились в дверях.

Томилин поднялся со своего места, подошёл к стене, отделанной панелями из красного дерева. Рядом с аквариумом угадывалась еле заметная дверь, выполненная из таких же панелей.

– Прошу вас... – Генерал нажал на скрытую кнопку, и дверь беззвучно открылась.

Мужчины зашли внутрь и оказались в просторных уютных апартаментах. Это была комната отдыха Томилина. В ней, отделанной в стиле африканского сафари, генерал любил посидеть и расслабиться, когда надо было освежить голову и привести в порядок мысли. Он включил торшер-статую в полный человеческий рост, выполненный в виде стройной негритянки, несущей на голове стилизованную корзину, служившую абажуром. Подойдя к окну, опустил плотные тростниковые жалюзи.

– Присаживайтесь. – Томилин жестом указал на несколько удобных кресел, обтянутых шкурами зебры, стоявших вокруг небольшого искусственного водопада с подсвеченными струями воды. Генералы опустились в мягкие кресла. Томилин подкатил к ним изящный журнальный столик в виде двух столкнувшихся лбами антилоп, на рогах которых покоилась стеклянная столешница.

Томилин не стал садиться в кресло и остался стоять посреди комнаты.

– Итак... – Он зажмурил глаза и медленно круговыми движениями пальцев стал потирать виски, собираясь с мыслями. Вдруг встряхнул головой и неожиданно спросил:

– Может, по пятьдесят граммов коньяку? – Он подошёл к бару в виде головы бегемота и открыл его пасть. Тут же из встроенных в уши бегемота динамиков вырвались ритмичные звуки африканских барабанов. В подсвеченном клыками-лампами розовом зеве бегемота стояло несколько бутылок с элитными спиртными напитками.

– Н-нет, спасибо, я воздержусь... – отказался Антипенко, поправив очки. Карпович тоже отрицательно качнул головой.

Томилин, колеблясь, рассеянно оглядел стены комнаты, увешанные щитами, копьями и ритуальными масками. – Ну, тогда я тоже не буду... – наконец решил он и захлопнул пасть бегемота, как крышку чемодана. Барабанные ритмы тотчас смолкли. Бар-бегемот испустил разочарованный вздох, и его красные глаза погасли. Засунув руки в карманы брюк, Томилин стал медленно прохаживаться по мягкому пёстрому ковру, покрывавшему центральную часть комнаты.

– Слушайте, а что если это дело рук самих американцев? Первыми обнаружили аппарат, подняли на борт какого-нибудь корабля или подлодки, отключили маяки, сняли контейнеры... и концы в воду... А? Что вы думаете по этому поводу?

Первым высказал свое мнение генерал внешней разведки Карпович:

– Вряд ли они могли пойти таким путём. Аппарат не коробок спичек, в карман не спрячешь. Слишком рискованно. И потом все мы знаем, что данные имеют двойную зашифровку и без нашего оборудования они не смогут их полностью расшифровать. Мы очень плотно связаны в этом проекте. По нашей линии на всех его этапах у нас не было ни малейших поводов не доверять американцам. Если бы они решились на подобный шаг, это поставило бы под угрозу сотрудничество наших стран по всем вопросам. А может быть, и привело бы к открытой конфронтации. Н-нет, не думаю... Они неспособны на такой авантюрный ход. По крайней мере, сейчас им это абсолютно не выгодно. – Он перевёл взгляд на Антипенко, как бы передавая ему эстафету.

– А я бы не стал утверждать это столь категорично... – Антипенко сменил вальяжную позу в кресле, всем телом развернувшись к собеседнику. – На карту поставлено слишком многое. Сведения, собранные в этих контейнерах, просто бесценны! Их единоличный обладатель фактически становится хозяином всего дальнейшего миропорядка. Поэтому, считаю, игра

стоит свеч. Во всяком случае, я бы рассматривал этот вариант как один из возможных. Тем более что американцы первыми прибыли к месту приводнения аппарата и у них было достаточно времени, чтобы снять экипаж и контейнеры, а сам аппарат они могли просто утопить, предварительно отключив маяки.

Томилин внимательно выслушал обоих. Опять энергично потёр виски. Со страданием на лице присел в кресло напротив собеседников. Антипенко достал из кармана те же таблетки, которые он принимал в бункере, открыл коробочку.

– Это что у тебя, Михаил Владимирович? – заинтересовавшись, спросил Томилин.

– Очень хороший препарат. Нервы успокаивает, нормализует давление.

– Дай пару штук, голова просто раскалывается... – Томилин налил в стакан воды, с надеждой проговорил: – Может, отпустит.

Антипенко с готовностью высыпал ему в ладонь таблетки. Томилин кинул их в рот, запил одним глотком, запрокинув голову. Остатки воды он выплеснул в кадку с декоративной пальмой.

* * *

Сергей выплеснул из ведра на траву воду с пойманной рыбой. Передав ведро Свете, он стал торопливо собирать трепыхавшуюся рыбёшку в холщовую сумку.

Подняв с земли удочки, Сергей попросил жену:

– Свет, банку в ведро поставь... и телогрейку захвати.

– Угу. – Света поставила банку из-под червей в пустое ведро. Сверху положила свёрнутую телогрейку, на которой они с Сергеем сидели. Обнявшись, они не спеша пошли по тропинке к дому.

– Свет, скоро годовщина смерти Паши Алексеева. Мне в субботу надо будет в Москву съездить.

– Меня с собой не берёшь?

– Побудь с матерью, пожалуйста. Обидится... недавно приехали и... а так ей спокойнее будет. Я после поминок сразу вернусь. Обратного выезда рано утром буду, до того как Москва машинами зальётся.

– Хорошо. Перед выездом позвони.

– Ты же ещё спать будешь!

– Ну и что? – Она подняла на него свои большие глаза. – Обязательно позвони, слышишь? Сергей улыбнулся, ещё крепче обнял жену.

– Ну, ладно, ладно...

Они поднялись на взгорок перед домом.

– А где поминки будут?

– Официальные – в подразделении. А потом домой к нему поедем.

Жена Пашкина попросила, чтоб приехали. Да и без приглашения все бы приехали.

– Я помню, ты нас как-то знакомила... Я даже где-то телефон её записала. А вот лица её... совсем вспомнить не могу. А почему ты её назвал женой? Ты хотел сказать «вдова»?

– Она сама так просила... не называть её вдовой. И, я считаю, правильно... Они для ребят были жёнами, пусть жёнами и останутся.

Они подошли к калитке. Мама Сергея хлопотала на летней кухне.

– Ну что, рыбачки, пришли? Поймали что-нибудь?

– Ма, ты же знаешь, я без улова не возвращаюсь. – Сергей, улыбаясь, потряс увесистой сумкой.

– Ну и молодцы! – Она смотрела на них счастливыми глазами. Ей понравилось, что они ходили рыбачить вместе. – Мойте руки, сейчас будем завтракать.

Света отправилась мыть руки. Сергей высыпал рыбу в тазик. Сорвал у забора крапиву, накрыл ею рыбу. Помыв руки, он присоединился к жене, которая уже сидела за столом и вращала колёсико радиоманитолы, отыскивая какую-то волну. Вера Николаевна накрывала на стол. – Свет, поставь лучше диск Саши Колбанова, не хочется сейчас эту попсу слушать...

Света, отыскав диск Колбанова с военными песнями, вставила его в магнитолу и принялась помогать Вере Николаевне накрывать на стол. Зазвучали первые аккорды песни, написанной боевым соратником Сергея. Вера Николаевна присела за стол и вместе со Светой стала раскладывать по тарелкам еду.

– Ой, вы ж не слышали! – спохватилась Вера Николаевна. – Сейчас в новостях передали: космонавты-то должны были в Казахстане приземлиться, а упали где-то в океане. И их до сих пор найти не могут! Вот горе-то будет, если не найдут... Не дай Бог утопли, их же там четыре человека было... – сокрушалась Вера Николаевна.

Сергей налил себе большой стакан пива, с удовольствием сделал несколько глотков. Поставив стакан на стол, вытер пену с губ.

– Найдут, мам... Такие аппараты не тонут.

В этот момент зазвонил его мобильный телефон. Сергей поднёс его к уху.

– Да, Андрюх, здорово. Конечно, приеду... Ну да, на кладбище... Да... да, в одиннадцать... Угу... Хорошо, передам... Ну, всё, давай, пока. – На вопросительный взгляд Светы ответил: – Курасов звонил, тебе привет.

Он допил пиво и стал набирать чей-то номер на мобильнике.

– Сынок, кушай, остынет же! – Мать неодобрительно посмотрела на сына.

– Сейчас, ма... дружку одному позвоню. А то он пропал куда-то, не звонит... Видать, забывать начал, с кем из одного котелка кашу ел. – Набрав номер, он в ожидании ответа усмехнулся: – Круты-ым стал!.. Но я его шас взбодрю!

В телефоне слышались длинные гудки, Сергей терпеливо ждал ответа.

* * *

На письменном столе в просторном кабинете с гербом Соединенных Штатов Америки на стене, трезвонил телефон. Трубку сняла рука с адмиральскими галунами на рукаве кителя.

Адмирал, начальник штаба военно-морской разведки США, сухощавый пожилой мужчина с коротким ёжиком волос на голове и «орлиным» носом, в старомодном стиле произнёс:

– Крейс у аппарата... Я никуда не пропадал, сэр. Я только что из Норфолка, контролировал отправку нашего батискафа в район поиска и инструктировал экипаж. Да, самолёт вылетел два часа назад. – Крейс нажал кнопку громкой связи на телефоне, и теперь его разговор с министром обороны США разносился по всему кабинету.

– Как проходят поисково-спасательные работы? Есть ли хоть какие-то обнадеживающие новости? – спросил министр озабоченным голосом.

– Пока никаких, сэр. Но работа не прекращается ни на минуту. В орбиту поиска вовлекаются всё новые силы и средства. Причём как с нашей стороны, так и со стороны русских.

– В чем конкретно это выражается? И не будут ли противоречить действия русских нашим интересам в этом регионе?

– Именно этим вопросам и посвящено совещание, которое я в данный момент провожу. Господин министр, всю исчерпывающую информацию я могу вам предоставить только после окончания совещания. Как только мы закончим, я вам сразу же позвоню.

– Не надо звонить, Крейс. К пятнадцати часам вы должны прибыть на объект «Вулкан». Президент будет проводить совещание. Там и доложите обстановку и свои соображения по создавшейся ситуации.

– Позвольте спросить, сэр, каков уровень совещания и степень его секретности?

– Самый высокий. Только от нашего министерства будет пять человек, включая меня и вас. Секретность абсолютная. Вы удовлетворены?

– Да, сэр.

– Готовьтесь, ваш доклад будет первым.

– Я буду готов, сэр.

– Хорошо, тогда до встречи.

Крейс положил трубку. Нажав кнопку селекторной связи, слегка наклонившись, произнёс:

– Хаггинс, через сорок минут мой вертолёт должен быть готов к вылету.

– Будет исполнено, сэр, – послышался голос из селектора.

Крейс, сцепив пальцы рук в замок на животе, откинулся глубоко в кресло и спросил:

– Ты всё слышал, Джозеф?

К длинному столу, который примыкал к адмиральскому, образовывая букву «Т», были придвинуты два ряда пустых кресел. Но одно из них, ближе к центру стола, было занято. В нем сидел мужчина средних лет в форме старшего офицера военно-морских сил США. Это был Джозеф Скофилд, начальник отдела специальных операций военно-морской разведки США.

– Да, сэр. Я понимаю, что всё очень серьёзно. Но почему вы отменили совещание?

– Именно поэтому и отменил, что всё очень серьёзно. – Крейс резко встал и вышел из-за стола. Скофилд тоже поднялся со своего места, но Крейс остановил его, показав жестом, чтобы тот оставался на месте. Скофилд снова сел, не сводя глаз с адмирала. Крейс медленно пошёл вдоль длинного стола.

– Я не верю в случайности, тем более когда они повторяются. Так не бывает. Это мы с твоим отцом хорошо усвоили, ещё когда желторотыми лейтенантами попали во Вьетнам. Полагаю, вам в академии рассказывали о причинах провала спецоперации по спасению наших военнопленных после войны с вьетконговцами?

– Конечно, сэр, – со вздохом ответил Джозеф. – Но тогда вы ничего изменить не могли.

– Это обстоятельство не отменяет печального итога той спецоперации, – сухо возразил Крейс и подошёл к огромной карте мира. Адмирал остановился напротив Филиппинского архипелага, повернувшись спиной к Скофилду. Размышляя, держа руки за спиной, он ощупывал взглядом каждый островок этого архипелага. Наблюдая за ним, офицер обратил внимание на кисти его рук. Они периодически сжимались и разжимались. Эта манера адмирала, давно знакомая Скофилду, говорила о том, что шефа что-то сильно беспокоит.

– Сначала аппарат неожиданно сходит с орбиты, – проговорил Крейс, не оборачиваясь, как бы озвучивая мысли вслух. – Затем падает где-то в океане, куда сразу до него не добраться. А через час после приводнения бесследно исчезает. – Он повернулся к Скофилду и посмотрел на него испытующим взглядом. – Что это? Цепь необъяснимых фатальных случайностей? – Адмирал отошёл от карты. – Больше похоже на злую закономерность. Конечно, когда мы найдём аппарат... – Крейс резким движением указательного пальца проткнул воздух, словно шпагой, в направлении Филиппин. – А мы его найдём обязательно! Тогда многое прояснится. А пока этого не произошло, я не склонен доверять никому. У меня такое ощущение, что чья-то могущественная рука переставляет фигуры на нашей шахматной доске, ломая нам всю игру. И что самое неприятное, вмешаться он может в любой момент, когда ему этого захочется. Сейчас это уже очевидно. – Крейс встал напротив Скофилда и положил руки на спинку кресла. – Эту партию мы ведём вместе с русскими, но кто-то начинает путать заранее продуманные нами ходы. Наша пешка уже почти прошла в ферзи! ...И тут её с доски убирают. Кто?! Русские? Или кто-то ещё? Кто бы это ни был, он очень опасен. И сейчас имеет над нами преимущество, потому что мы о нём – или о них – ничего не знаем. – Он замолчал. Снова стал медленно прохаживаться вдоль стола, разглядывая пустые кресла, мысленно представляя, кто сейчас мог бы в них находиться. – А может, у нас завёлся «крот» и уже давно сливает информацию? Или

того хуже, «крот» затаился и пока никак себя не проявляет. Пока я это не выясню, ВСЕ, – он сделал упор на этом слове, – в моём ведомстве будут работать только по своему узкому профилю. Любая информация должна выдаваться строго дозированно и под строжайшим контролем. В этой ситуации я вынужден действовать нестандартно. – Он вернулся к креслу напротив Скофилда и снова положил руки на подголовник. – Этот «кто-то» всё очень круто замесил. А на такое способен только очень серьёзный и сильный противник. И я не могу быть уверенным в том, что его агентов нет в моём штабе. А если он или они всё-таки есть, я должен найти их прежде, чем они смогут оказать существенную помощь своему хозяину. Поэтому пусть пока все спокойно работают, но каждый сотрудник должен знать только свой, узкий участок работы. Если «крот» работает у нас, он будет искать подходы к более обширной информации о наших намерениях и пытаться передать её своим шефам. Вот здесь мы и сможем его вычислить. Я намерен применить систему тотального контроля ко всем сотрудникам штаба, вплоть до последнего уборщика. Пусть каждый ходит по проволоке, натянутой только для него. А кто шагнёт в сторону или сорвётся с неё, тот и... – Адмирал сделал жест, как будто поймал кого-то в воздухе.

– Джозеф, – Крейс вплотную подошёл к офицеру, пристально посмотрел ему в глаза, – твой отец был моим лучшим другом. Тебя я знаю с пелёнок, поэтому доверять могу только тебе. Ты будешь координировать всю работу.

Адмирал подошёл к старинной гравюре, изображающей морской бой парусных судов, нажал потайную кнопку в углу массивной рамки. Картина отделилась от стены, она служила ширмой для скрытого за ней сейфа. На основной дверце сейфа располагался сенсорный дисплей тёмно-бордового цвета. Адмирал приложил раскрытую ладонь к его правой части. Устройство идентификации произвело дактилоскопическую сверку, определило температуру тела, наличие кровотока в тканях. В верхней части дисплея загорелась надпись «Идентификация подтверждена».

Через секунду в левой части дисплея появилось прямоугольное поле из пятидесяти четырёх белых кружков диаметром с горошину. Адмирал в определённой последовательности прикасался к кружочкам средним пальцем правой руки, изобразив сложную кривую из семи горящих голубоватым светом точек. Здесь также происходило сравнение кожного рисунка пальца адмирала с базой данных встроенного компьютера. Появилась надпись «Полное соответствие», следом за ней «Открыто». После нескольких щелчков дверца, на которой не было ни ручек, ни зазоров, плавно открылась.

– Ты опытный разведчик, Джозеф, и знаешь: в таком деле мы не имеем права на ошибку. Слишком высока цена...

– Я полностью с вами согласен, сэр. И готов сделать для дела всё, что в моих силах.

– Другого ответа я от тебя и не ждал. – Адмирал достал из сейфа чёрную папку, положил её перед Скофилдом. – Вот здесь изложены основные принципы и методы этой системы. Проработай детали и начинай действовать.

Скофилд принял папку и положил её под свою.

Адмирал уселся в кресло, посмотрел на часы.

– А теперь доложи мне последние новости из района поиска. Только коротко и самое главное.

Джозеф открыл папку, с которой пришёл. Быстро пробежал глазами текст, положил папку на край стола. – Разрешите подойти к карте, сэр?

Крейс кивнул и жестом пригласил офицера подойти к карте. Скофилд взял в руки указку.

– Сейчас в районе поиска находятся три наших боевых корабля. На подходе ещё один – большой морской спасатель «Орион». Как вы знаете, он будет обеспечивать работу батискафа. Над квадратом постоянно барражирует наша морская авиация, фиксируя перемещение всех плавсредств, находящихся в этом районе. На кораблях береговой охраны Малайзии и

Филиппин находятся наши сотрудники. Они досматривают все суда, включая рыбацкие шхуны и лодки, выходящие из района поиска. Но пока все эти меры не принесли никаких результатов. – А что русские?

– В районе поиска находится их подводная лодка. Она несла службу в режиме боевого дежурства в этом квадрате. – Он обозначил указкой квадрат на карте. – Мы пытались отслеживать её перемещение и маневры, но потом бросили, направив все силы на поиски аппарата. Русские легализовали её и тоже направили в квадрат поиска. Сейчас она в надводном положении, двигаясь малым ходом, патрулирует квадрат.

Их траулер, также подошедший к квадрату поиска, выпустив трал, движется с запада на север-северо-восток. – Скофилд снова провёл указкой по карте, обозначив маршрут рыболовного судна. – Он, как бы закручивая спираль, постепенно смещается к центру квадрата поиска. Наши корабли им в этом не препятствуют. Хочу отметить, что контр-адмирал Трипп, командующий спасательными силами седьмой эскадры, оперативно и грамотно руководит поисково-спасательными работами. Он контролирует все действия русских. Добился хорошего взаимодействия с местными властями, и они ему оказывают существенную помощь.

– Хм, кто бы сомневался! – усмехнулся адмирал. – Старина Трипп самому дьяволу плешь проест ради того, чтобы всё делалось так, как ему нужно.

– Русские тоже не отстают, сэр. Их консульство добивается распространения поисково-спасательных работ и на многочисленные мелкие острова, находящиеся в районе поиска. Хотя это будет сделать трудно. Правительство имеет ограниченное влияние на жизнь этих островов, а полиция и армия их практически не контролируют.

– Да, Джозеф, эти острова... – Лицо адмирала приняло озабоченное выражение. – Им необходимо уделить самое пристальное внимание. Подключи нашу резидентуру, работающую в этом и ближайших к нему регионах. Поставь задачу собрать максимально точные сведения об этих островах на текущий момент.

Крейс, пристально глядя на карту, ненадолго задумался.

– Вообще будет лучше, если деятельность всей агентурной сети зоны «Ф» перенацелить сейчас на получение информации о пропавшем аппарате. Более того... – Он поднялся с кресла и подошёл к Скофилду, взяв его под руку, повёл к столу. – Считаю, что наступил как раз тот случай, когда мы должны задействовать наших законсервированных агентов. Пусть поработают на этих островах... Интуиция мне подсказывает, что это будет сейчас совсем не лишним.

Адмирал посмотрел на часы.

– Мне пора. Давай свой доклад, детально ознакомлюсь с ним в вертолёте.

Скофилд протянул Крейсу свою папку.

Глава 6

Наступило утро следующего дня. По лесной дороге в Уральских горах двигалась колонна дорогих автомобилей представительского класса. В одном из них рядом с водителем на переднем сидении в светло-сером костюме сидел генерал Томилин. Он не любил сидеть сзади, хотя служба безопасности несколько раз его просила об этом. Но всякий раз он был непреклонен. Вот и сейчас на заднем сидении вместо него с комфортом расположился его помощник.

Проведя ночь в постоянных консультациях, руководители двух стран приняли решение создать совместную комиссию по установлению причин схода аппарата с орбиты и создавшейся вследствие этого аварийной ситуации. Американские представители уже прибыли из Казахстана на особо секретный объект «Урал». Российская сторона туда же направила свою группу экспертов во главе с генералом Томилиным.

Колонна машин подъехала к бронированным воротам, обустроенным прямо в скале. После того как они раздвинулись, машины въехали в тоннель, который представлял собой своеобразный досмотровый шлюз, за последней машиной ворота сразу закрылись. Охрана, которую представляли морские пехотинцы США и российские военнослужащие, тщательно, с применением различных технических средств обследовала автомобили и проверила документы у всех, кто в них находился.

Закончив проверку, старший поста американской команды удовлетворённо кивнул русскому коллеге. Они зашли на свои посты, расположенные по обе стороны от зоны досмотра. Томилин из окна автомобиля с видимым интересом наблюдал, как американец в кабинке за пуленепробиваемыми стёклами сначала с кем-то поговорил по телефону, а затем сел за пульт управления. Сигнальное устройство, до этого горевшее красным светом, поменяло цвет на зелёный. Над российским постом также загорелся зелёный свет.

В ту же секунду ушёл в пол широкий металлический барьер, преграждавший путь автомобилям. Оба офицера – американец и русский – набрали на клавиатуре пульта свои персональные пароли. Тяжёлые ворота раздвинулись, и автомобили продолжили свой путь по освещённому тоннелю.

Автомобиль Томилина, шедший вслед за головным, несколько раз круто повернул в узком тоннеле то влево, то вправо. Весь тоннель представлял собой ломаную линию. Это было сделано специально, чтобы в нём невозможно было разогнаться.

Перед каждым крутым поворотом просматривались едва заметные ниши в стенах и потолке.

Личный водитель Томилина, Александр Холодков, мужчина лет сорока пяти, с круглым красноватым лицом и густой, аккуратно зачёсанной назад седой шевелюрой, перед каждым таким поворотом притормаживая, опасливо поглядывал вверх на эти ниши. А проезжая их, резко прибавлял газу до следующего поворота.

Томилин, заметив его нервозность, недоумённо спросил:

– Что с тобой, Холодков?

– Да я... это... – замылся водитель, – опасаясь я этих новых систем в лабиринтах, Олег Георгиевич, – наконец выпалил он.

– Неужели и правда боишься? – с недоверчивым прищуром снова спросил Томилин.

– Жизнь научила бояться. За двадцать лет в ГОНе¹ всякое видел...

– Ну а тут-то чего? – Томилин, недоумевая, обвёл глазами своды тоннеля.

– Да не доверяю я этим американцам! Сбросят бронеплиту, якобы случайно, и поминай как звали... Видел я на испытаниях, как эта гильотина машину пополам разрубает.

¹ Гараж особого назначения.

– Так за пультом же не одни американцы... Наши тоже дежурят. – Генерал легонько хлопнул ладонью по коленке Холодкова, протянул с улыбкой: – Старее-ешь, брат!

– Может быть... – с серьёзным лицом ответил Холодков, глядя на дорогу. – Но бережёного и Бог бережёт.

Кортеж выехал из тоннеля. Яркое солнце ударило в глаза Холодкову и Томилину. Выписав полукруг, кортеж въехал во внутренний двор подковообразного пятиэтажного здания, со всех сторон окружённого горами. Машины одна за другой припарковались у центрального подъезда. Российские представители зашли внутрь.

Большой плотной группой они поднялись по лестнице. Ещё раз предъявив документы на посту охраны, остановились в просторном холле. К группе подошёл молодцеватый полковник лет сорока.

– Здравствуйте! Комендант объекта полковник Осипов, – представился он, взяв под козырёк. – Вам сейчас выдадут магнитные карты доступа. Цифры на них соответствуют номерам, в которых вы будете жить. На них же латинскими буквами обозначены зоны, в которые вы имеете право заходить. Размещайтесь. Обед в двенадцать. О дальнейшем распорядке вам сообщат дополнительно.

В этот момент перед генералом появился американец в элегантном костюме.

– Мистер Томилин?

– Да, я вас слушаю.

– Мистер Дэйтон просил вас зайти к нему сразу же, как только вы приедете.

Секунду подумав, генерал ответил:

– Хорошо, проводите меня к нему.

Американец вручил Томилину магнитную карту.

– Прошу вас... – Он показал ему, куда следовало идти и они направились по коридору в левое крыло здания. Поднялись на лифте на последний этаж. Двери кабины лифта бесшумно открылись, но толстое пуленепробиваемое стекло преградило им путь. Томилин и референт Дэйтона через стекло предъявили свои магнитные карты двум постовым – российскому и американскому. Те, в свою очередь, просканировали голограммы их карт специальным устройством. Через секунду у них на дисплеях появились фотографии Томилина и американца с краткими сведениями о них. Проведя идентификацию, российский спецназовец и американский морской пехотинец нажали несколько кнопок. В лифте по обе стороны от двери на специальных считывающих устройствах начинали пульсировать жёлтые огоньки. Американец и Томилин вставили в прорези свои карты. Бронестекло с мелодичным звуком отъехало в сторону и спряталось в стене. Томилин и его спутник вошли в небольшой холл.

У левой стены за металлическим бюро в полном снаряжении и бронежилете стоял американский морской пехотинец. Прямо перед бюро находилась массивная звуконепроницаемая дверь. Точно такой же пост с такой же дверью находился и у правой стены. Там, тоже в полной экипировке, стоял российский спецназовец. В противоположной стене напротив лифта была встроена дверь из бронестекла. За ней просматривалась лестница, ведущая вверх. Рядом с дверью две надписи «Вертолётная площадка» на русском и английском языках.

Томилин, следуя принятому порядку на секретном объекте, где все военные в высоких чинах должны носить гражданскую одежду, был в штатском костюме, но оба военнослужащих одновременно взяли под козырёк. Томилин, принимая воинское приветствие, кивнул им в ответ. Они с референтом подошли к американскому посту. Сдали свои магнитные карты охраннику. Морской пехотинец нажал на кнопку разблокировки электромагнитного замка.

Послышался лёгкий щелчок, референт толкнул дверь внутрь помещения. Так двери открывались для того, чтобы охранники со своих постов могли видеть и контролировать все действия входящих и выходящих. Американец пропустил вперёд Томилина и закрыл за собой дверь.

– Проходите, пожалуйста. – Указал он на дверь из карельской берёзы, а сам прошёл к своему столу в глубине приёмной.

Томилин открыл дверь и попал в залитые солнцем апартаменты с огромными панорамными окнами.

Дэйтон, глава американской миссии, встал из-за стола, подошёл к Томилину, пожал ему руку.

– Здравствуйте! Присаживайтесь, пожалуйста.

Генерал сел на небольшой диванчик у журнального столика, расстегнул пиджак.

– Мистер Томилин, вы не обидитесь, если я сразу перейду к делу, без дипломатического расшаркивания? – Дэйтон откусил щипчиками кончик сигары.

– Я даже буду вам признателен. Сам не люблю терять попусту время... – Взгляд Томилина стал настороженно-внимательным.

Дэйтон протянул ему коробку с сигарами.

– Нет, спасибо, – холодно, без улыбки отказался Томилин.

Дэйтон, напротив, прикуривая, широко улыбнулся. Выпустив клубы дыма, заговорщицки произнёс:

– Мне в порядке исключения разрешили курить в кабинете...

Попыхивая сигарой, Дэйтон сквозь дым не спеша разглядывал Томилина. Томилин, приняв расслабленную позу, выжидая, молча осматривал богатое убранство кабинета. Он решил не торопить события. Генерал спокойно выдержал искусственно созданную Дэйтоном паузу, хотя откровенно надменный и колючий взгляд американца ему не нравился.

Дэйтон, словно отбросив какие-то свои мысли, резко подался вперёд, стряхнув пепел с сигары в хрустальную пепельницу, стоявшую на журнальном столике. Глухо кашлянув, он продолжил:

– Так вот... пока вы были в дороге, генерал, я получил важное сообщение... – Дэйтон умолк и пристально взглянул из-под нависших бровей на Томилина, как бы оценивая, знает этот русский, о чём сейчас пойдёт речь, или нет. Но тот, не проронив ни слова, сохранял сдержанное спокойствие. Продолжая глядеть прямо в глаза Томилину, Дэйтон тщательно затушил сигару.

– Наши поисково-спасательные силы нашли аппарат...

Услышав эти слова, Томилин весь подобрался. Оторвав спину от мягкого дивана, подался вперёд, впериw напряжённый взгляд в Дэйтона.

– Вернее, они нашли то, что от него осталось. Наш батискаф исследовал дно в месте приводнения. На глубине 1 500 метров были обнаружены искорёженные детали корпуса аппарата. Предварительный анализ повреждений показал, что это был мощный взрыв, причём он произошёл внутри сферы. Разлёт кусков прочного корпуса даёт нам основание полагать, что взрыв произошёл на большой глубине, почти у самого дна. В пользу этой версии говорит и донное углубление в виде воронки. Останков членов экипажа и деталей контейнеров не обнаружено.

– Час от часу не легче... – выдохнул, обратно откидываясь на спинку кожаного дивана, Томилин. Он был обескуражен и потрясён. Пребывая в замешательстве от этой новости, он «обшаривал» глазами предметы, находившиеся на журнальном столике, пытаясь осознать услышанное.

– Это точно были детали нашего аппарата?! Это окончательно установлено? – Томилин не хотел верить словам американца.

– Без всяких сомнений...

– Ч-чёрт знает, что происходит! – Вскочил с дивана Томилин. С упрямым отчаянием, в упор глядя на Дэйтона, закричал: – Но он же не мог взорваться! Это невозможно!

– Я был шокирован не меньше вашего, генерал, но, к сожалению, это так. На борт нашего спасательного судна было поднято больше двух десятков различных фрагментов. На некоторых

из них сохранились следы маркировки. После их тщательного изучения последние сомнения отпали – это детали спускаемого аппарата.

– Но как такое вообще могло произойти?! – с откровенным непониманием глядя на Дэйтона, спросил Томилин.

– Именно это нам с вами и предстоит выяснить. Мои люди готовы приступить к работе немедленно.

– Мои тоже... – Побледневший Томилин непослушными пальцами стал застёгивать пиджак. – Через тридцать минут мы будем в конференц-зале.

– Хорошо... – произнёс Дэйтон, глядя в спину удаляющемуся Томилину.

«Чёрт знает что! – опять мысленно повторил Томилин, выходя из кабинета. Недобро глядя на квадратную челюсть морпеха, возвратившего ему магнитную карту, подумал: – Может, прав Холодков? Ведь от этих „янки“ всего можно ожидать... Сколько раз они нас обманывали! Всегда хотят играть первую скрипку, и допускают они нас только туда, где сами справиться не могут... Не-ет, с ними надо держать ухо востро!»

Он направился к кабинету напротив, вставил карту в прорезь считывающего устройства, дверь со щелчком открылась. Отдал карту спецназовцу.

С нервной усмешкой хмыкнул в тон своим мыслям: «Такую систему охраны забубенили! А может, это всё на хрен не нужно... игра это всё! Тонкая игра!» Он зашёл в кабинет. Там уже находился его помощник. При виде генерала он встал из-за стола.

– Игорь Борисыч, оповестите всех: сбор через полчаса в конференц-зале.

– Есть! Олег Георгиевич, ваши вещи я поставил справа от стола.

– Хорошо, спасибо.

Томилин зашёл в свои апартаменты. Мельком оглядевшись, подошёл к журнальному столику, на нём стояло несколько бутылок с различными напитками. Открыв бутылку с минеральной водой, налил полный стакан. Жадными глотками осушил его. Снял пиджак и в сердцах бросил его на диван. В форме он чувствовал себя привычнее. На ходу ослабляя галстук, подошёл к окну. Сунув руки в карманы брюк, принялся разглядывать живописные склоны гор, покрытые безмолвным недвижимым лесом. Пытаясь привести свои мысли в порядок, сосредоточенно оглядывал островерхие макушки вековых елей. «Интересно, что в этом красивом лесу сейчас происходит? Какая живность его населяет? Наверняка там кипит сейчас своя жизнь... невидимая и неслышимая отсюда...» – отвлечённо думал он.

«А ведь действительно...» – отвернулся он от окна, потрясённый своей догадкой. Ещё раз, но уже более внимательно оглядел богато обставленный кабинет, как бы прозревая. «Всё вот это – шелуха от семечек по сравнению с тем, что находится в контейнерах. Они и не собирались здесь ничего расшифровывать! Всё было заранее спланировано. Построили себе такой же объект где-нибудь в Неваде или на Аляске. Ведь они первыми якобы нашли куски аппарата. Объявят теперь на весь мир, что российский аппарат взорвался... что нашей технике доверять нельзя... Будут долго тянуть канитель, выясняя причину. Выдвинут в конце концов какую-нибудь бредовую версию. А за это время...»

От этих мыслей его отвлёк вошедший помощник.

– Олег Георгиевич, Дэйтон просит вас срочно зайти к нему.

– Ну что ещё?! Мы же договорились! Ещё двадцать минут... – выкрикнул он раздражённо, кивая на настенные часы.

– Я думаю, это по поводу информации об экипаже... Нам тоже только что сообщили... – взволнованно произнёс помощник.

Томилин резко сорвался с места, даже не взяв пиджак. На его столе один за другим начали звонить телефоны. На секунду остановившись в дверях, он хотел повернуть обратно, но, передумав, бросил помощнику:

– Примите звонки!

Томилин выскочил в холл. Референт Дэйтона, придерживая открытую дверь, забыв о субординации, громко подгонял генерала:

– Быстрее, мистер Томилин!

Томилин вихрем влетел в апартаменты Дэйтона.

Сам Дэйтон сидел напротив огромного телевизионного экрана с пультом в руке. Рядом с ним в напряжённой позе, облокотившись на спинку кресла, стоял начальник службы безопасности объекта с американской стороны полковник Глен. Дэйтон, быстро перелистывая каналы, наконец нашёл и включил нужный. Шла музыкальная заставка выпуска новостей телекомпании «Аль-Джазира».

Не оборачиваясь на застывшего в нерешительности Томилина, Дэйтон произнёс:

– Присаживайтесь, генерал...

Томилин сел на стул рядом с Дэйтоном. Американец скосил на него глаза.

– Вы ведь во всём случившемся подозреваете нас... Я прав?

Томилин, качнувшись на стуле, сжал руки в замок. Зло глядя на экран, он не произнёс ни звука.

– Не буду скрывать, мы по тем же основаниям подозревали вас. Но на деле всё оказалось гораздо хуже...

Томилин с опаской посмотрел на Дэйтона. Американец, повернув к нему посеревшее лицо, коротко пояснил:

– Наши спецслужбы сообщили, что рано утром в представительство телекомпании «Аль-Джазира» в Ираке неизвестный принёс видеокассету. На ней записано обращение террористов, из которого явствует, что экипаж и контейнеры захвачены ими. Сейчас её покажут. Полковник Глен переведёт с арабского.

Диктор уже начал что-то говорить, захлёбываясь сенсационной новостью. Референт молча встал за их спинами с планшетом, приготовившись стенографировать.

После короткой музыкальной вставки на экране появился человек в чёрной маске, закрывавшей всё его лицо, кроме глаз. На заднем плане были развешены чёрные и зелёные полотнища с арабской вязью. Он сидел с листами бумаги в руках, за ним стояло несколько «вооружённых до зубов» людей, тоже в масках. Получив от кого-то сигнал, он начал читать бумаги громким визгливым голосом.

Глен синхронно переводил:

– Он говорит, что русские и американцы захвачены исламским повстанческим движением «Абу Сайяф» – «Отец меча» – вместе с контейнерами, содержащими, как он выразился, «сведения, направленные против исламского мира». Спускаемый аппарат – это «дьявольское порождение цивилизации неверных» – они уничтожили. Он говорит, что они подготовили ультиматум.

После небольшой паузы Глен продолжил:

– Они требуют, чтобы в течение двух недель американские войска покинули свои базы в мусульманских странах, российские войска должны уйти из Сирии. Они также требуют, чтобы Россия вывела все воинские формирования и гражданскую администрацию из Чечни и других мусульманских республик Северного Кавказа. В эти же сроки должны быть освобождены все «воины Аллаха, томящиеся в тюрьмах» по всему миру, в том числе и в России. А также США и их союзники должны прекратить преследование лидеров «исламских освободительных движений», признать их легитимность и правомочность как руководителей этих движений в борьбе за «истинную веру». В случае невыполнения этих требований пленники будут казнены, а материалы исследований, собранные в контейнерах, будут использованы против США, России и их союзников.

Террорист закончил читать ультиматум, вслед за ним умолк и полковник Глен. Под воинственную арабскую музыку на стоп-кадре камера в студии «Аль-Джазиры» медленно прибли-

зила глаза террориста. На генерала Томилина, Дэйтона и Глена из прорезей в маске почти во весь экран смотрели глаза террориста. Чёрные бесстрастные глаза.

* * *

На экране телевизора, но уже другой модели, заканчивался экстренный выпуск новостей телекомпании «Би-би-си». Ведущая выпуска взволнованно говорила:

– В конце ультиматума террористы заявили, что если США и Россия предпримут попытки поиска и освобождения заложников, они будут немедленно казнены.

После короткой скорбной паузы телеведущая бодрым голосом продолжила:

– Мы будем следить за дальнейшим развитием событий, оставайтесь...

Пожилой господин, сидя в массивном старинном кресле, нажал кнопку на пульте, и экран телевизора погас. Какое-то время в раздумьях он продолжал неподвижно сидеть в кресле. Этот господин был из той редкой породы людей, в облике которых было что-то демоническое, завораживающее, притягивающее к себе всеобщее внимание. На него хотелось смотреть, изучать его лицо. Он одновременно вызывал любопытство и какой-то необъяснимый страх.

Ему было за семьдесят, но выглядел он для своего возраста достаточно молодо. Крупные черты лица, волевой подбородок, седые, слегка выющиеся волосы зачёсаны назад. Под белёсыми ресницами светло-голубые водянистые глаза. На нём был лёгкий тёмно-синий костюм, белоснежная сорочка. Расстёгнутая верхняя пуговица открывала загорелую морщинистую шею. На левой руке дорогие, но не вычурные часы. Длинные ухоженные пальцы его рук были свободны от перстней и колец.

Весь его облик говорил о том, что это очень уверенный в себе человек. Ему были чужды пластические операции, шейные шарфики, чтобы скрыть недостатки старости, впрочем, точно также он не использовал и внешние атрибуты, в виде крупных перстней, бриллиантовых запонок и прочего, чтобы подчеркнуть свою значимость и успешность.

Он органично вписывался в окружавший его интерьер. Просторный кабинет был обставлен дорогой антикварной мебелью из дерева тёмных тонов. Слева от массивного резного стола находился огромный глобус (подобие того, что стоял в кабинете Гитлера). Тяжёлые гардины в тон мебели обрамляли два высоких окна, фигурные рамы которых были выполнены в средневековом стиле. В одном из них чётко просматривалась лондонская башня Биг-Бен. В углу стояли огромные напольные часы с резными фигурками, изображающими сцены рыцарских поединков.

Потянувшись со своего места, он снял трубку спутникового телефона, стоявшего на краю стола. Набрав несколько цифр, он присоединил к трубке скремблер². Его спокойное, даже меланхоличное лицо не выражало никаких эмоций.

Дождавшись ответа, без приветствия и не называя имени, он заговорил ровным приятным баритоном:

– Всё прошло не так, как я планировал... Но, может, оно и к лучшему. Поработайте с заложниками... Информация о них у вас есть, воспользуйтесь ею. Постарайтесь надавить на их слабые места. Если хотя бы один из них согласится работать на нас, это будет большая удача. Но учти: времени у вас мало. Если будут упорствовать, делайте с ними что хотите. Они ваши... – Сделав паузу, он устало прикрыл глаза и пальцами левой руки медленно и сосредоточенно потёр середину лба.

– Контейнеры в ближайшее время должны быть у меня. Я уже послал за ними своих людей. О месте и времени передачи сообщу позже. Смотри не облажайся, против вас будут работать очень серьёзно. – Он недовольно скривился. – Не задавай идиотских вопросов... Я

² Кодирующее устройство.

пока не знаю, как именно... Мои люди над этим работают. Но ты должен быть готов ко всему. – Он глотнул остывший кофе и поморщился. – Если сделаете всё как надо, сумма регулярного транша будет удвоена. Всё.

Он положил трубку, взял со стола чётки из чёрного агата и твёрдой поступью императора подошёл к окну. Несколько секунд, перебирая пальцами чётки, пристально смотрел на проглядывающий сквозь серую дымку Биг-Бен. На его лице застыло выражение торжества от близкого успеха. Его спина была не по годам прямой, поза – уверенной, а взгляд – жёстким и безжалостным. Он поднял свои бесцветные глаза в лондонское небо. В нём, подсвеченные ярким летним солнцем, плавно плыли белоснежные облака.

* * *

Томилин сидел в кресле самолета и в напряжённой задумчивости разглядывал освещённые солнцем, похожие на белую вату облака. Из-за шума турбин самолёта он не услышал, как в VIP-салон зашёл Дэйтон. Американец вытер влажные руки салфеткой и бросил её в корзину. Удобно устроился в кресле за напротив генерала Томилина.

Стюардесса на подносе принесла завтрак. Быстрыми, отточенными движениями улыбая девушка переместила посуду с едой на столик перед мужчинами.

Намазывая чёрную икру на хлеб, Дэйтон бросил короткий взгляд на генерала.

– О чём задумались, мистер Томилин?

– О том, что в современном мире ничего не удаётся сохранить в тайне.

– Это вы к тому, что о программе полёта стало известно исламским экстремистам? – Он смачно откусил от бутерброда с икрой. Аппетитно жуя, глотнул горячего чая. – Вы знаете, многие мои соотечественники не любят икру! А я её просто обожаю...

Не обратив внимания на последние слова Дэйтона, Томилин взял свою чашку со стола.

– Дело не только в этом. Даже если бы они и знали, всё равно проверить такое им одним не по силам. Ведь что получается, – он тоже глотнул из чашки, – они заранее знали, где упадёт аппарат? Если это так, из этого следует, что падение аппарата в этом районе океана кто-то тщательно спланировал и подготовил. Поэтому-то им и удалось сделать всё так быстро! А мы опоздали и не смогли им помешать. Нет, я не верю в то, что это был случайный захват.

– Ну почему же? Их посудины снуют в тех морях, как такси в Нью-Йорке. Оружие и взрывчатка у них всегда при себе. Они же охотятся за торговыми судами... Им не составляло большого труда, заметив спускающийся аппарат, выдвинуться к месту приводнения и завладеть им.

– Возможно, вы правы. Но всё же мне не даёт покоя мысль, что траектория спуска была кем-то изменена целенаправленно.

– Но, генерал, тогда это означает, что в вашем космическом ведомстве обосновался предатель. Вы ведь ТАК думаете?

Томилин хмуро посмотрел в иллюминатор.

– Я боюсь так думать. Но исключать ничего нельзя. По прилёте в Москву я займусь этим в первую очередь.

Откинувшись в кресле, он тоскливым взглядом человека, заключённого в темницу, оглядел салон. Поднеся часы к глазам, горестно вздохнул:

– Что же так-долго-то!

Генерал досадливо хлопнул по подлокотникам кресла и, подперев рукой подбородок, снова устался в иллюминатор. Ему вдруг стало невыносимо тесно в этом уютном салоне. Его раздражало ничегонеделание. Ему надоел этот монотонный гул турбин. Шикарная обстановка салона нагоняла на него тоску, потому что она ограничивала свободу его действий. Даже причудливые облака, медленно и красиво проплывавшие за стеклом иллюминатора, его раздра-

жали и злили, потому что им некуда и незачем было спешить. Они, как овцы в огромной отаре, безмятежно брели куда-то в этом бескрайнем воздушном океане.

Дэйтон, допив чай, потянулся к своим любимым сигарам. Закурил, снисходительно поглядывая на Томила. Тот, крепко сжав рукой подбородок, продолжал хмуро разглядывать освещённые солнцем облака. Его напряжённая поза, весь его вид говорили о том, что была бы его воля, он увеличил бы скорость самолёта до предела, только бы поскорее оказаться в Москве.

– Успокойтесь, мистер Томилин. Я думаю, что рано искать чёрную кошку в тёмной комнате. Зачем вы себя накручиваете? Ведь это только ваши предположения. Веских доказательств и фактов, подтверждающих ваши догадки, у нас пока нет. Может, это всего лишь фатальное стечение обстоятельств.

– Ладно, разберёмся... – Томилин слегка поёжился и встряхнулся, сбрасывая оцепенение. – Во всей этой запутанной истории меня успокаивает только одно: они не смогут вскрыть контейнеры и расшифровать информацию.

– А вот здесь я бы не обольщался. Я бы сказал так: ПОКА не могут. Кто сейчас может поручиться, что под страхом смерти ученые не дрогнут и не окажут им в этом существенную помощь? И где гарантия того, что информация о принципе работы дешифратора не попала им в руки?... – Он подвинул к себе вазочку с маслинами. Не спеша выбрал самую крупную и отправил её в рот. Откинувшись в кресле, закинул ногу на ногу. – Вы не допускаете такой мысли? По-моему, если, конечно, следовать вашей версии о неслучайности схода аппарата с траектории, – он бросил ещё одну маслину в рот, – ...она выглядит вполне логично.

Томилин зло посмотрел на Дэйтона. Генерала бесила его вальяжность и спокойствие.

А Дэйтон волновался и переживал только тогда, когда действительно от него что-то зависело. Сейчас же, находясь в самолёте высоко в небе, он ни на что не мог повлиять и ничего не мог сделать. Зачем же тогда дёргаться и нервничать?

Томилин резко встал, вышел из салона. Пошёл, держась за кресла, в направлении кабины пилотов. Открыв дверь, с порога нетерпеливо спросил:

– Сколько ещё лететь до Москвы?

– Через сорок минут будем на месте, товарищ генерал, – вполборота ответил командир экипажа. Томилин перевёл взгляд на лобовые стёкла кабины.

Навстречу ему с бешеной скоростью неслись облака.

* * *

Над Москвой ясное голубое небо с редкими кучевыми облаками. С высоты птичьего полёта освещённый солнцем огромный город очень красив!

Стая московских сизарей, заложив вираж над Кремлём, по спирали снижалась всё ниже и ниже к Красной площади. Вот уже стая облетела Спасскую башню, стрелки на её циферблате показывали ровно одиннадцать часов. Внезапный громкий бой курантов отпугнул голубей. По замысловатой траектории мимо кремлёвских соборов стая опустилась на отливы окон величественного здания с государственным флагом на крыше. Голуби с любопытством заглядывали в окна, возбуждённо курлыча.

За стёклами окон просматривался огромный зал с белыми мраморными колоннами. В центре зала за длинным столом сидели около двадцати человек. Среди них были и военные, и люди в штатском. Из высоких, белых с позолотой дверей в зал вышел молодой, подтянутый, среднего роста мужчина, при виде которого все присутствующие встали. Коротко поприветствовав собравшихся, он сел в кресло во главе стола.

За его спиной по обе стороны от величественного герба России стояли в ряд государственные флаги.

Просмотрев какие-то записи, он поднял глаза и обратился к присутствующим:

– Я только что разговаривал по телефону с американским президентом. Мы ещё раз подтвердили твёрдую решимость наших стран не идти на уступки террористам. Нами также было принято решение: чего бы это ни стоило, освободить захваченный экипаж. Найти и вывезти контейнеры. Если по каким-то причинам этого сделать не удастся, контейнеры следует уничтожить в том месте, где они будут обнаружены. Но сейчас нам необходимо выиграть время. Николай Павлович, – обратился он к сидевшему справа господину, – расскажите, пожалуйста, что сейчас делается для этого?

Со своего места, не вставая, заговорил лысеющий мужчина с крупным носом и пронизательным взглядом под очками в тонкой оправе:

– Понимая всю серьёзность создавшейся ситуации, мы действуем в тесном контакте с СВР, Министерством обороны и Министерством иностранных дел. К этому моменту нам удалось договориться об обмене оперативной информацией с американской стороной. Мы пришли к единому мнению, что наши действия должны быть скоординированы и согласованы, потому как цена ошибки или каких-то упущений может быть слишком высокой. У разведчиков уже есть определённые результаты, но, я думаю, они об этом расскажут сами. И нами, и американской стороной предпринимаются все необходимые меры, чтобы не произошло нагнетания обстановки. Все наши решения и действия мы тщательно готовим и координируем, чтобы не спровоцировать террористов на опрометчивые шаги. По линии министерств иностранных дел России и США ведётся интенсивная работа в странах того региона, где упал аппарат. Средствам массовой информации рекомендовано освещать эти события максимально корректно, не разжигая страсти. Через посредников – арабских журналистов – мы заявили, что требования боевиков обсуждаются, а выполнение всех условий требует всесторонней подготовки. Мы понимаем, что все наши действия сейчас находятся под пристальным вниманием экстремистов, и чтобы их успокоить, мы начали передислокацию отдельных воинских частей на Северном Кавказе. Также через посредников уточняются списки заключённых, подлежащих освобождению, в кавычках, разумеется. Подобные процедуры, как мы знаем, осуществляет и американская сторона. У меня пока всё.

Возникла пауза. Президент сидел, скрестив пальцы рук в замок, его губы были плотно сжаты. Присутствующие с озабоченными строгими лицами в молчаливом ожидании смотрели на него. Тяжело вздохнув, он, стараясь говорить спокойно, негромко произнёс, обращаясь к руководителю СВР:

– Пожалуйста, Валерий Николаевич, доложите подробно всю имеющуюся информацию на данный момент.

Выпрямив спину, руководитель российской внешней разведки раскрыл лежавшую перед ним папку. Поправив очки и кашлянув в кулак, он заговорил ровным уверенным голосом:

– Мы действуем в тесном сотрудничестве с нашими американскими коллегами по установлению местонахождения пленённого экипажа МКС. Благодаря тому, что район поиска был быстро блокирован, их не могли далеко переправить от места приводнения. Следовательно, основные мероприятия по поиску заложников будут проводиться именно в этом районе. Но это не значит, что наши усилия будут сконцентрированы только на Юго-восточном регионе. Работа в этом направлении сейчас ведётся по всему миру.

Хочу особо отметить, что в этом нам готовы оказать существенную помощь и разведывательные структуры других стран.

Исходя из информации, поступившей к этому часу, нам доподлинно известно, что экипаж и контейнеры захвачены местными пиратами, тесно связанными с экстремистской организацией «Абу Сайяф». Пока неясно, каким образом они узнали о назначении и ценности попавшего им в руки груза. Возможно, они получили информацию о нём уже после того, как сняли контейнеры. Поняв, какой ценный и значимый «подарок» буквально свалился с неба прямо им

в руки, они решили, что теперь могут диктовать любые условия. Логика их действий проста. Космонавты и астронавты – национальные герои своих государств. Информация, хранящаяся в контейнерах, – результат самых передовых научных разработок последних лет, имеющий общемировое значение. Они полагают, что получили мощнейший рычаг воздействия и давления на ненавистные им страны: США, их западных союзников и Россию. По информации из наших источников, в этом ряду они особенно выделяют, по их выражению, «бесцеремонную и вероломную Америку».

Судя по тому, как развивались события, план действий созрел у них достаточно быстро: уничтожить спускаемый аппарат, как они уже не раз это проделывали с ограбленными судами – подрыв, затопление судна, и никаких следов. Экипаж и космический груз надёжно спрятать.

В данном случае они применили дистанционный взрыв на большой глубине, предварительно затопив спускаемый аппарат. Именно поэтому поисково-спасательные службы так долго не могли ничего обнаружить.

Анализируя эти и последовавшие за ними действия террористов, мы пришли к выводу, что здесь присутствует чья-то опытная и могущественная рука, направляющая террористов и координирующая все их связи и дальнейшие шаги.

Понимая, что в реализации задуманного одним не справиться, террористы обратились к своим единомышленникам – экстремистским организациям Индонезии и их покровителям из «Джемаа Исламия». Те, в свою очередь, призвали на помощь «Морских тигров» Тамил-Илама, обладающих крупнейшим в мире технически отлично оснащённым негосударственным военным флотом, хорошо обученными боевиками, имеющих огромный опыт боевых и диверсионных действий на море (всего около 4 000 боевиков, в их составе «Чёрные тигры» – смертники). Применяя тактику «волчьих стай» и удары камикадзе, за несколько лет они уничтожили почти треть военного флота Шри-Ланки. Прекрасно зная моря этого региона, держа в страхе немногочисленное население мелких островов, они чувствуют себя там как рыба в воде.

Исходя из этой информации, а в том, что она достоверна, у нас нет сомнений, мы полагаем, что заложников и груз они прячут на одной из своих многочисленных баз, расположенных на мелких островах, в 20–30 милях от места приводнения спускаемого аппарата.

Президент, сделав в блокноте какие-то пометки, перевёл взгляд на шефа внешней разведки.

– Скажите, какова вероятность перемещения заложников и груза за пределы этого региона? Меня интересуют ближайшие две недели.

– Такая вероятность крайне мала. Существенным здесь является то, что район поиска с самого начала был строго очерчен и надёжно блокирован. Сейчас там тщательно досматриваются все суда и самолёты, выходящие и вылетающие из этого региона. И пытаться вывезти заложников и груз в таких условиях было бы большим риском для боевиков.

– Значит, вы уверены, что захваченный экипаж и груз пока останутся в пределах блокируемого квадрата? По крайней мере до истечения срока ультиматума террористов?

– Да, с большой долей уверенности я могу сказать, что это так и будет. К такому же мнению склоняются и наши американские коллеги. Но действовать необходимо быстро и решительно, чтобы лишить противника инициативы и помощи извне. Ближе к концу срока ультиматума всё может измениться в любой момент.

– Хорошо... – Президент выдержал небольшую паузу. – Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, вам следует приложить максимум усилий и задействовать все имеющиеся средства в поиске заложников и груза. Если для выполнения этой задачи, в каких-то вопросах вам потребуется моё решение или решение правительства, – он посмотрел на премьера, тот с готовностью кивнул, – считайте, что оно у вас есть.

Плотнее сотрудничайте со спецслужбами Соединённых Штатов. Я специально обговаривал этот аспект нашего партнёрства с президентом, они в этом тоже заинтересованы и готовы

к более тесному взаимодействию. Ещё раз всё обсудите с коллегами, – он кивнул в сторону силовиков, – скоординируйте совместные действия, используйте все имеющиеся у нас ресурсы и возможности. Сейчас важно как можно скорее установить точное местонахождение заложников и груза, чтобы решить, как нам действовать дальше.

Президент помолчал. Взял со стола карандаш, покрутил его в руках.

– И ещё... – Его голос стал мягче и тише. Как бы размышляя вслух, он произнёс: – Эти острова, о которых вы говорили, хотя и малонаселённые, но всё же обитаемые. Следовательно, сообщаются между собой... Мне, как бывшему разведчику, кажется, что это обстоятельство является как раз той ниточкой, потянув за которую мы сможем размотать весь клубок и выйти на логово террористов.

– Вы совершенно правы, Владимир Владимирович, американцы сейчас как раз этим и занимаются. Для этих целей они задействовали глубоко законспирированных и много лет назад «законсервированных» агентов. Мы тоже имеем там кое-какие позиции. К тому же объединённый оперативный штаб, находясь в непосредственной близости от этих островов, сможет напрямую получать информацию и координировать дальнейшие действия агентов.

– Кстати, Николай Павлович, – президент обратился к первому докладчику, – где сейчас находятся наши представители объединённого штаба?

– В пять часов утра, Владимир Владимирович, группа в полном составе вылетела к месту назначения. – Хорошо. Я вас попрошу всю поступающую информацию из объединённого штаба немедленно докладывать мне. В любое время.

Президент положил карандаш на стол, слегка откинулся в кресле.

– На этом пока всё. Желаю всем нам удачи.

Президент встал из-за стола. Следом за ним и все присутствовавшие поднялись со своих мест.

Глава 7

Один из островов архипелага Сулу. На белоснежный песок набегала шипящая белой пеной морская волна. По прибрежной полосе под нещадным тропическим солнцем брела слепая старуха-нищенка. За её сгорбленной спиной висела холщовая котомка, в руке она держала сучковатый посох. Старуха часто останавливалась. Поднимала голову, подставляя высохшее морщинистое лицо под освежающий океанский бриз. Передохнув, вслушиваясь в окружающий мир, она брела дальше.

В прибрежных зарослях боевики натягивали проволочную систему сигнализации. На старуху-нищенку в лохмотьях никто из них не обращал внимания. Взмокшие от работы, они обрубали с помощью мачете, мешающие им сучья, ругались и спорили. Старуха остановилась напротив них и прислушалась. Невидящим взглядом скользнула по верхушкам деревьев. Один из боевиков, соединявший контакты проводов, разогнулся и, утерев шейным платком потное лицо, заметил остановившуюся неподалёку старуху. Он что-то стал быстро говорить напарнику на местном языке, кивнув в сторону старухи. Тот пристально взгляделся в нищенку. Отбросив мачете, медленно поднялся с колен. Вдруг он резко сорвался с места и побежал к побирушке, выхватив на ходу пистолет. Толкнув старуху в плечо, он стал на неё кричать, что-то злобно выпрашивая. Старуха, еле удержавшись на ногах, невнятно лопотала в ответ, заискивающе улыбаясь беззубым ртом. Боевик сорвал с её плеча котомку, вытряхнул нехитрые пожитки на песок. Пошевелив и поковыряв их ногой, грубо обыскал старуху. Схватив посох, с силой вырвал его из её рук, лишив опоры. Старуха, охнув, упала на песок. Повертев и ошупав посох, боевик бросил его на старухины пожитки. Что-то громко, гортанно выкрикивая, презрительно пихнул старуху ногой. Старуха, всё так же заискивающе улыбаясь, часто-часто кивала седой растрепанной головой и что-то мямлила в ответ слабым старческим голосом.

Боевик напоследок наступил ногой на её заплатанную котомку, плюнул в старуху и вернулся к напарнику. Слепая старуха, ползая на четвереньках по песку, на ощупь собирала в котомку свои пожитки. Широко шаря руками, она нащупала посох. Тяжело опираясь на него, поднялась. Заскорузлым пальцем незаметно нажала на один из сучков. Боевики, занятые своим делом, уже потеряли к ней интерес и не смотрели в её сторону.

Слегка поворачивая посох, в котором была замаскирована микрокамера, старуха сделала несколько снимков смонтированного боевиками участка системы. Закончив дело, она медленно заковыляла дальше. Свежий ветер с моря трепал её косматые седые волосы на гордо поднятой голове. Рванный чёрный балахон развевался на ветру как флаг, облепив её худое высохшее тело.

* * *

К соседнему острову причалили два мощных катера. Молодчики с автоматами отогнали от причалов мальчишек-зевак и нескольких рыбаков с удочками. К причалу подкатил старый, выдавший виды грузовик. С него на катера начали быстро перегружать тюки с боновыми сетями, тяжёлые зелёные ящики. Борта катеров облепили вооруженные люди, пристально ведя наблюдение за окружающей обстановкой.

Метрах в пятидесяти от причала под навесами из пальмовых листьев шла бойкая торговля рыбой. Пожилой небритый торговец, лениво переругиваясь с горластой женщиной средних лет, подкладывал лёд из переносного морозильника на прилавок со свежей рыбой. Он не хотел уступать ей в цене, и она подняла крик, размахивая руками, как на пожаре. Торговец наконец отогнал скандалистку от своего прилавка. Облегчённо вздохнув, он принялся раску-

ривать массивную экзотическую трубку. Казалось, что он даже не смотрит в сторону причаливших катеров.

Но его пальцы сделали несколько лёгких нажатий на трубку, направленную им на катера. Послышались еле уловимые щелчки вмонтированного в трубку портативного фотоаппарата. Незаметно произведя около десятка снимков, старик зафиксировал все детали погрузки.

* * *

Море Сулу омывало своими водами небольшой остров, вся территория которого была покрыта зелёной шапкой джунглей. Неподалеку от него на старой рыбацкой лодке отец с сыном с раннего утра ловили рыбу. Солнце стояло почти в зените. На корме парнишка лет четырнадцати неторопливо выбирал длинную потрепанную сеть. Жилистый загорелый рыбак лет сорока пяти, подрабатывая веслом, удерживал лодку в удобном для парня положении.

Мимо них на большой скорости пронеслись два мощных катера. Высоко задрав свои носы, они почти летели над волнами в направлении соседнего острова, который зелёным холмиком просматривался на горизонте. От поднятой ими волны лодку сильно закачало. Парнишка, едва удержавшись на ногах, негромко, но зло выругался вслед удаляющимся катерам. Рыбак молча выдвинул закреплённую под банкой³ карту.

Эта карта представляла собой плотную планшечку, обтянутую прозрачной плёнкой. В нижней её части были закреплены часы и компас. К верхнему краю был привязан тонкий маркер. Рыбак нанес на карту курс проследовавших катеров, их количество и отличительные знаки. Записал время и координаты. Ещё раз взглянув на удаляющиеся катера, он задвинул карту обратно, банка приобрела свой обычный, первоначальный вид.

* * *

Ранним вечером за столиком прибрежной таверны, играя в кости, о чём-то заспорил с собутыльниками изрядно набравшийся обтрёпанный пьянчуга. Его толкнули так, что он упал со стула, задев руками соседний столик. На пол полетела посуда, стол опрокинулся. Грязно ругаясь, его подхватили несколько человек и потащили к выходу. Выпивоха отчаянно сопротивлялся и упирался, но его всё равно вышвырнули из таверны. Он с трудом поднялся. Шатаясь на нетвёрдых ногах, продолжая ругаться, погрозил грязным кулаком в сторону обидчиков. Покачиваясь, пьяница деловито огляделся по сторонам и, повернув к морю, распугивая местных кур, побрёл к прибрежной полосе. Он прошёл всего несколько десятков метров, и силы его покинули. Пьяница неуклюже плюхнулся на землю под толстой пальмой.

Продолжая что-то бормотать, достал из-за пазухи бутылку с вином, оплетённую рисовой соломкой. С наслаждением сделал несколько глотков, направляя донышко бутылки на живописную бухту, в которой стоял на якоре небольшой пассажирский теплоход. К нему как раз в этот момент швартовался катер с двумя мощными японскими моторами. Как только он пришвартовался, на него с теплохода в сопровождении вооружённой охраны сошли четверо странных людей. Их странность заключалась в том, что на их головах были надеты белые холщовые мешки. Когда они спускались по трапу, пьяница ещё раз страстно присосался к бутылке. В верхней половине ёмкости действительно было вино, но остальную часть занимал контейнер со скрытой в нём видеокамерой.

³ Сиденье в лодке.

Как только последний вооруженный охранник спрыгнул в катер, взревели моторы и посуда с хищными формами корпуса, на огромной скорости умчалась из бухты, оставив за собой длинный пенный след.

«Пьяница», допив вино, удовлетворённо крякнул, вытер рукавом губы и спрятал бутылку в потертую кожаную торбу. Поднялся с земли, держась за ствол пальмы. С минуту постоял, озираясь по сторонам, и, пошатываясь, удалился прочь, распевая на всю улицу пьяным противным голосом.

* * *

Сергей сидел за рулём своего автомобиля и подпевал приятным баритоном певцу Трофиму, голос которого доносился из динамиков салона. Он уже съехал с МКАД в направлении Москвы. В его нагрудном кармане зазвонил мобильный телефон. Сергей, приглушив звук автомагнитолы, поднёс трубку к уху.

– Да... Привет, Сань... Да, уже въехал в Москву... Да, я с ней созвонился. Ну, в общем, я договорился с Валентиной так: я куплю что-нибудь на стол для поминок... Ну, дома у неё, да. Потом завезу к ней. Она там, конечно, уже всё наготовила, но, я думаю, лишним не будет... Да, а вы тогда обеспечивайте всё на кладбище: столы, выпивку, закуску. Да... да... угу... хорошо... Да, Сань!.. Захватите ещё тенты... ну, вот эти... н-навесы такие лёгкие, они в гараже у Фомы должны быть... Я тебе говорю, на всякий случай возьмите! Вдруг дождь пойдёт... Нет, я её с матерью оставил... Да, всё нормально... Ладно, передам. Ну, давай, до завтра. Пока.

Сергей подрулил к супермаркету, который недавно открылся на месте бывшего рынка. Вышел из машины и направился к накопителю, где под навесом стояли продуктовые тележки. При входе в торговый зал у него опять зазвонил телефон. Сергей достал из кармана телефон, посмотрел на экран, на нем горела надпись «Любимая».

Светлана сидела на терраске в плетёном кресле-качалке. После непродолжительных гудков услышала в трубке родной бархатистый баритон:

- Привет, Светик!
- Привет, Серёж. Ты ещё не доехал?
- Доехал.
- А почему не позвонил?
- Да я только из машины вышел, с Сашкой Михайловым разговаривал. Тебе привет от него.
- Спасибо. Ему тоже передавай... и всем ребятам.
- Хорошо, передам. – Сергей уже шёл между стеллажами с продуктами.
- А что ты сейчас будешь делать?
- Куплю спиртное, продукты, завезу Валентине. Заеду на работу, потом домой...
- Купи какие-нибудь подарки её детям.
- Конечно, куплю. Мы без подарков в этот дом не приходим.
- Не ходи голодным, поешь где-нибудь. Дома ведь нет ничего. Да, и не забудь полить цветы!
- Хорошо, моя повелительница, всё сделаю, как ты велишь! – Сергей вертел в руке какой-то новый сервелат.
- Ты мне вечером позвонишь?
- Я думаю, что приеду домой очень поздно.
- Всё равно позвони! Даже если я буду спать!
- Хм... ну, хорошо, позвоню. – Сергей бросил колбасу в тележку.
- Я тебя целую!
- И я тебя целую. – Сергей отправился дальше, шаря глазами по прилавкам.

– Пока!

– Пока.

Света закрыла телефон. На терраску поднялась мама Сергея, неся в руках большую миску, наполненную малиной.

– Смотри, сколько собрала! Малина в этом году прямо обсыпная. Варенье сейчас буду вам на зиму варить. Поможешь мне?

– Конечно, помогу! – Света проворно вскочила с кресла. Женщины прошли на кухню.

– Серёжка как маленький, сладкое любит до ужаса! – Вера Николаевна раскрыла створки шкафа, подбирая подходящую кастрюлю. Света высыпала малину из миски на стол и принялась её перебирать.

– Ты знаешь, Свет, он в детстве всё, что было в доме сладкого, враз съедал! Мы даже прятали от него. Бывало, куплю шоколадных конфет, припрячу до праздника, а он всё равно найдёт и слопает.

– Да он и сейчас такой, – улыбнулась Светлана. У нас дома конфеты больше двух дней не держатся.

– Это всё потому, что он у нас очень добрый, ласковый... – проговорила с нежностью в голосе Вера Николаевна. – Примета такая есть: кто сладкое любит...

* * *

Сергей набрал уже полную тележку продуктов. Осталось купить только спиртное. Подкатив тележку к полкам с водкой, он стал разглядывать парад бутылок всевозможных конфигураций и форм, разноцветные этикетки на них. Его внимание привлекла серия красочно оформленных бутылок с надписью: «Водка группы „А“». На лице Сергея появилось искреннее удивление. Он подошёл ближе. В первом ряду стояло несколько бутылок этой серии.

На этикетках в обрамлении георгиевских лент, дубовых и лавровых листьев красовался знак: золотой щит и меч с буквой «А» в центре. Под щитом тисненными золотыми буквами были выведены названия: «Славная», «Ветеранская», «Штурмовая», «Боевая», «Наградная», «Офицерская».

Сергей взял в руки «Ветеранскую». Рассматривая бутылку, стал вертеть её в руках. Рядом с ним, чуть отпихнув Сергея от полки с бутылками, нарисовался шустрый маленький мужичок лет пятидесяти. Быстро и деловито он, выхватив из-под носа Сергея несколько бутылок, поспешно поставил их в свою тележку. Сергей, снисходительно наблюдая за стремительными движениями мужичка, заинтересованно спросил:

– Как, водка-то?

– Хорошая водка... вкусная, – шепелявой скороговоркой протараторил мужичок. – Недавно появилась. Я теперь всегда её беру. – Мужичок засеменил короткими ножками, толкая тележку впереди себя. Сергей, оторвав взгляд от этикетки, хотел ещё что-то спросить, но мужичка уже и след простыл.

– Хм, ну, ладно... – Сергей взял несколько бутылок «Ветеранской» и «Боевой». Покатил набитую продуктами с горкой тележку к кассам. Вдруг на повороте у тележки подломилось колесо, она накренилась, часть продуктов упала на пол.

– Ёп-понский городской! – в сердцах вырвалось у Сергея. Он наклонился и стал подбирать выпавшие продукты.

Неподалёку у колонны в группе азербайджанцев стоял толстый хозяин супермаркета в лаковых ботинках с задранными вверх мысами. Землякам он что-то весело рассказывал на своём языке, активно жестикулируя, размахивая чётками. Настроение у всей компании было хорошее, они, перебивая друг друга, поддакивали толстяку и громко смеялись. Продолжая

смеяться, хозяин заметил, что у Сергея сломалась тележка. Всё тем же веселым голосом с чудовищным акцентом он фамильярно крикнул Сергею:

– Э-эй! Ты зачем тэлешку сламаль? Тэпер давай ремантыруй или дэнги плати! – Азербайджанцы, глядя на эту картину, снова весело загоготали.

Сергей бросил собирать продукты и медленно разогнулся. Сжав кулаки, молча посмотрел на толстяка убийственным взглядом. Азербайджанец поменялся в лице. Его друзья, перестав гоготать, плотнее обступили хозяина магазина.

– Э, слюшай, я пашутиль, брат! – Толстяк выставил вперёд и растопырил свои пухлые ладони. Зыркнув чёрными на выкате глазами на худого, скорбного вида таджика в униформе, собиравшего тележки у касс, грозно приказал:

– Иды сюда! Нэ видищ? – Он махнул рукой с чётками в сторону Сергея. – Иды, памаги челявеку!

Молодой таджик безропотно подкатил пустую тележку к Сергею. Сергей, не двигаясь с места, продолжал буравить хозяина магазина тяжёлым взглядом. Тот вместе со своей свитой поспешил ретироваться. Таджик стал подбирать продукты и складывать их в пустую тележку. Затем начал перекладывать продукты из сломанной тележки.

– Ладно, иди... я сам, – отстраняя парня, произнёс Сергей. В его голосе слышалась приглушённая ярость. Сергей автоматически перекладывал товары из тележки в тележку. Внутри у него всё клокотало: «Хозяева жизни, блин!.. Зря я его просто так отпустил!..» Он добрался уже почти до дна тележки. Взял в руки плюшевую собачку, купленную в подарок дочке Павла. На мгновение задержал на ней взгляд. «Да нет, правильно, что сдержался. Сейчас нельзя давать волю эмоциям. Ну, отбил бы я башку этому „пингвину“... а толку? Подвёл бы Валентину... Пашку погибшего подвёл бы... Нельзя омрачать день его памяти. Да и эти „грачи“ такую бы истерику закатили! Наши доброты-правозащитники сразу же национальную неприязнь приписали бы... а мне по барабану, кто хамит, кавказец он или русский. Хамство должно быть наказано... Однозначно». Сергей стал постепенно успокаиваться. Закончив перекладывать продукты, он подкатил тележку к кассе.

Впереди него выкладывала продукты на ленту перед кассой привлекательная женщина с маленьким сыном. Мальчик лет семи самозабвенно играл с только что купленным боевым вертолётком. Поглощённый своей игрой, он закладывал виражи, атаковал позиции врага, смешно имитируя стрельбу губами. Вертолёт в его руках низко пролетел над наполненной тележкой Сергея, как над горами, задев винтами его руку. Мать, выкладывая продукты, бросила взгляд на сына.

– Серёжа, перестань! Ты мешаешь!

Мальчик, на секунду прекратив «полёт», вопросительно оглядел очередь, как бы спрашивая: «Я разве кому-то мешаю?» Встретился взглядом с Сергеем. Сергей улыбнулся, подмигнув мальчонке.

– Всё нормально, тёзка, продолжай полёт... – На укоризненный взгляд женщины ответил: – Пусть играет. Он мне совсем не мешает.

Обрадованный мальчик снова набрал «высоту». Мать порывистым движением выхватила вертолёт из его рук.

– Хватит, говорю! Дома наиграешься. – Она поставила вертолёт на ленту, его лопасти ещё продолжали вращаться.

* * *

На палубе американского авианосца, шелестя лопастями, стоял вертолёт ВМС США. Дверь с шумом откатилась. Из вертолёта, придерживая головные уборы, вышли четверо мужчин в подогнанной по фигурам пятнистой форме. Кроме нашивок с группой крови и букв

RUS над левым карманом, никаких знаков различия на их форме не было. В руках они несли одинаковые черные чемоданы-кейсы, на которых рядом с ручкой на металлической пластине были выбиты их индивидуальные номера. Военные быстрым шагом направились к надстройке авианосца. Из-под навеса на открытой палубе авианосца, как только вертолёт сел, навстречу им вышли двое американцев. Один – высокий, крупный, с бритой головой. Второй – пониже ростом, шуплый. На них была такая же форма, только буквы USA на нашивках.

– Добро пожаловать, коллеги! Я генерал Смит, начальник оперативного штаба, – поздоровался и представился высокий, с любопытством оглядывая остановившихся русских, как бы пытаясь угадать, кто из них главный.

Один из четверых, темноволосый мужчина с седыми висками и глубоко посаженными глазами, шагнул навстречу Смигу. Протягивая руку, негромким голосом представился:

– Генерал Смирнов, ваш заместитель.

Пожимая руку генералу, Смит про себя отметил хороший английский своего русского заместителя. После этого остальные русские стали представляться и пожимать руки американцам. Поочередно подходя к Смигу и его спутнику, генералу Коллинзу, они называли простые для американского уха фамилии: генерал Дубов, генерал Горин, генерал Кашин. Смит, пожимая им руки, лукаво улыбался. Он знал, что их имена вымышленные, а настоящие имена, должности и звания строго засекречены. Впрочем, так же, как и у американцев. Ведь ещё вчера они в своей работе противостояли друг другу, а сегодня придётся действовать в одной упряжке, чтобы выполнить общую задачу. И для этого им нужно стать единой и сплочённой командой.

Смит, бросив взгляд на улетающий вертолёт, попросил русских следовать за ним. На ходу, улыбаясь, он обратился к Смирнову:

– Мне даже в самом фантастическом сне не могло присниться, что когда-нибудь моим заместителем будет русский!

Смирнов понимающе кивнул, сдержанно улыбнувшись, произнёс в ответ:

– Вы не поверите... но я тоже не мог себе такого представить.

Они остановились у надстройки. Прежде чем войти внутрь, Смит обратился к прибывшим русским коллегам:

– Мы подготовили для вас помещение, где вы можете оставить свои вещи и немного отдохнуть. Генерал Коллинз вас проводит. – Коллинз с готовностью кивнул. – Через... – Смит посмотрел на часы, – ...двадцать минут я пришлю за вами. Соберёмся в кают-компанию, пообедаем. Вы познакомитесь с остальными членами штаба... а теперь прошу. – Он сделал приглашающий жест. Коллинз и первые трое русских по одному зашли внутрь.

Смит и его заместитель задержались, ожидая, пока все они спустятся по трапу. Смит повернулся к русскому генералу, теперь лицо его было серьёзным, строгим, без малейшего намёка на улыбку.

– Через пять часов авианосец подойдёт к границам квадрата. Там мы покинем корабль. Но с ним у нас будет постоянная связь, его задача – нас прикрывать. Как вы знаете, наша группа наделена самыми широкими полномочиями. В нашем распоряжении все силы флота США, находящиеся в этом районе океана. Нас заберёт катер и доставит на небольшой остров, где для нашего штаба подготовлена база. Туда уже поступает вся оперативная информация из района интересующих нас островов.

– Ну что ж... Я лишний раз убедился в продуманности и правильности ваших действий, – дипломатично ответил Смирнов, глядя прямо в глаза американцу. Смит, пропустив коллегу вперёд, зашёл вслед за ним внутрь надстройки и аккуратно закрыл за собой дверь.

* * *

В открывшуюся дверь кабинета генерала Томилина заглянул человек.

– Разрешите, Олег Георгиевич?

Генерал Томилин нервно вышагивал вдоль окон своего кабинета. Повернув голову к двери, он быстро произнёс:

– Заходи-заходи, садись...

Вошедший мужчина пружинистой походкой прошёл в центр кабинета и сел за стол для посетителей. Томилин испытующе посмотрел на полковника Николая Егорова, куратора ЦУПа по линии ФСБ. Томилин подошёл к столу и остановился напротив Егорова.

– Догадываешься, зачем я тебя вызвал?

– Догадываюсь... Моё начальство каждый день на ковёр дёргает. – Он устало провёл рукой по густому ёжику темных волос. – Проверяем всех и вся. Направлений много, а где конкретно искать, пока не очень понятно.

Томилин какое-то время смотрел на полковника, как бы изучая черты его лица с аккуратно подстриженными усами, прямым аристократическим носом и утомленными, но тем не менее внимательными глазами, глядящими из-под густых черных бровей.

– А я тебе скажу... – Генерал, нагнувшись, опёрся руками на спинки стульев. – Плотнее надо работать с теми, кто имел отношение к разработке и сборке спускаемого аппарата. – Он выпрямился. – Интуиция мне подсказывает, что копать надо именно здесь!

Егоров еле сдержал улыбку.

– Олег Георгиевич, да это и без интуиции ясно... Мы определённую работу с этими людьми уже провели и сейчас держим всех под контролем. Но пока никаких зацепок.

– Жаль... а вы все свои возможности задействовали?

Егоров посмотрел на него с непониманием. Томилин досадливо поморщился.

– Ну, прослушка там разная... скрытое наблюдение, я не знаю...

Егоров в ответ только грустно хмыкнул.

– Ну, может, кто-то из них что-то говорил?... Ну, знаешь, как бывает, кулуарно, в курилках?... – горячился Томилин.

– Да вроде нет... – Егоров на секунду задумался, что-то припоминая, – правда... Кедров, Игорь Михалыч, ведущий конструктор... Он мне говорил что-то о том, что при желании можно было сдвинуть аппарат с орбиты. Даже несколько способов назвал. Но, по-моему, они все какие-то нереальные.

– Ко-оля! – с раздражением и укоризной протянул Томилин. – Не нам с тобой судить, что реально, а что нереально! Ты что, Эйнштейн? – Он подошёл к своему столу. – Это же... наука! – Сорвал трубку телефона. – Срочно разыщите мне Кедрова!.. Да... пусть немедленно свяжется со мной!

Томилин хлопнул трубку на телефон. Посмотрел на Егорова как на наивного юношу.

– То, что тебе кажется нереальным сегодня, завтра становится нормой жизни! – Генерал как-то по-мальчишески, чуть подпрыгнув, присел на краешек стола рядом с телефонами. Покачивая ногой, взял со стола свой мобильный телефон. – Вот взять хотя бы мобильную связь. Несколько десятков лет назад всё это было на уровне секретных разработок. А сегодня... – он небрежно кинул телефон на стопку бумаг, – это уже не телефон даже, а мини-компьютер, и он есть в кармане у каждого сопливого школьника.

Он так же легко спрыгнул со стола. Подошёл к декорированному под обстановку кабинета холодильнику, извлёк из него бутылку с минеральной водой.

– А ты говоришь – «НЕРЕАЛЬНЫЕ»! – Томилин, косясь на Егорова, налил себе стакан воды. Тот сидел молча, слегка приглушённый громогласной атакой генерала. Томилин поднёс к губам наполненный стакан. Перед тем как начать пить, спросил уже примирительным тоном: – О чем он хоть говорил-то? Хотя бы приблизительно...

Егоров, сосредотачиваясь и вспоминая, закрыл глаза, энергично потёр лицо ладонями. Убрав руки от лица, резко выдохнул воздух.

– Ну, в общем, он говорил мне о каком-то чипе, который якобы мог быть внедрён в аппарат... о каком-то непонятном энергетическом воздействии... Но откуда ему взяться в открытом космосе? – Он поднял глаза на Томила. – Тем более что всё было под контролем и наши системы ничего такого не зафиксировали... Бред какой-то... В общем, я толком ничего не понял...

– Что за чип? Для чего он был нужен? Вспоминай, Коля, вспоминай...

Остановив взгляд на окне, Егоров, сдвинув брови, задумался, восстанавливая в памяти тот разговор.

– Помню, он ещё говорил, что чип должен был среагировать то ли на какой-то сигнал, то ли ещё на что-то... Деталей не помню, честно, Олег Георгиевич! – взмолился Николай. – Я тогда не придавал этому значения... Всё, что он говорил, было из области какой-то научной фантастики.

Томилин помрачнел. Он вспомнил слова Бретта о таинственном импульсе, пущенном из района Анд.

– Ладно... Он говорил об этом ещё с кем-нибудь?

– Думаю, что нет. Он и мне-то сказал об этом не сразу, а только в конце беседы, как бы от отчаяния, представив всё как свои смутные догадки, предположения... – А на чём основывались эти его догадки?

– Он сказал, что много думал над тем, что произошло с аппаратом... Детально разобрав ситуацию, сопоставив многие факторы, он и пришёл к определённым выводам. На мой вопрос, что обо всём этом думают его коллеги учёные, Кедров ответил, что если бы он заговорил с ними об этом, то в лучшем случае его бы подняли на смех, а в худшем – всерьёз засомневались бы в его адекватности... Согласитесь, Олег Георгиевич, после таких слов трудно к этому относиться серьёзно... Поэтому я и не стал заморачиваться...

– Да я тебя не виню, Николай... Но я чувствую, что во всей этой истории что-то есть... – Томилин оживился, ближе придвинулся к Егорову. – Представь, что информация, хранящаяся в контейнерах, понадобилась кому-то третьему. Могла ли это быть отдельно взятая страна или какая-то группировка стран, в данном случае пока неважно. Допустим, какой-то непризнанный и неизвестный нам гений изобрёл что-то принципиально новое, с чем не смогла справиться наша система защиты. Это возможно? – задал вопрос, разгорячившийся Томилин и сам же на него ответил: – Я считаю, вполне... Ведь смогли же наши и американские учёные разработать приборы, способные сканировать Землю до десяти километров в глубину? Вчера это тоже казалось фантастикой. Ты только представь, какие возможности это открывает! Да и подобный опыт с другими планетами уже не за горами. Ради получения такой информации стоило бы рисковать и вкладывать огромные деньги. И сдаётся мне, кто-то рискнул. – Томилин нетерпеливо взглянул на молчавший телефон. – Не-ет, то, что говорил Кедров, оч-чень интересно! Если он окажется прав и этот чип или какая-то другая хреновина были действительно внедрены в аппарат и как-то повлияли на изменение его орбиты спуска, то тогда, Коля, в эту схему отлично укладывается и тот странный импульс из района Анд, который засекли американцы.

– Какой импульс? Мне об этом ничего не известно... – Егоров удивленно посмотрел на Томила.

Томилин собрался что-то сказать, но в это время зазвонил телефон. Генерал бросился к телефону, сорвал трубку.

– Да!

Голос в трубке:

– Олег Георгиевич, мы нашли Кедрова.

– Так...

– Он сегодня выписался из ЦКБ.

– А что с ним?

– Диагноз – гипертонический криз на фоне нервного истощения.

– Где он сейчас?

– Он попросил отпустить его долечиваться на дачу.

– Он там?

– Да, я звонил туда. Разговаривал с его женой.

Кедров в это время отдыхал.

– Хорошо. Спасибо.

Томилин положил трубку. Глаза его азартно заблестели. Он повернулся к Егорову.

– Ты знаешь, где находится дача Кедрова?

– Да, – ответил Егоров.

Томилин сдёрнул висевший на кресле китель.

– Едем!

Глава 8

Морвилл, сняв пиджак, накинул его на спинку высокого готического кресла. Включил вентилятор и сел за свой старинный письменный стол. Он принялся просматривать биржевые сводки на мониторе компьютера, медленно перебирая в левой руке чётки из чёрного агата. На его столе зазвонил антикварный телефон, инкрустированный золотом и серебром.

Морвилл, увлечённо глядя в монитор, поднял трубку. Женский голос его секретаря-референта сообщил:

– Мистер Морвилл, пришла журналистка журнала «Форбс».

Морвилл недовольно поморщился. После секундного колебания произнёс:

– Пусть войдёт.

Он несколько раз пробежал пальцами по клавиатуре, меняя программу. На экране монитора появилась разделённая на квадраты, панорама кабинета, разделённая на зоны, контролируемые видеокамерами.

Журналистка вошла в кабинет. Это была молодая миниатюрная девушка. На её левом плече висела корреспондентская сумка. Она смело подошла к столу Морвилла. Ослепительно улыбаясь, протянула ему руку, на которой поблёскивал браслет из крупного жёлтого янтаря. Приятным мелодичным голосом поздоровалась и представилась:

– Здравствуйте, мистер Морвилл! Я Кэтрин Каприари, представляю журнал «Форбс».

Морвилл, не двигаясь с места, так и остался сидеть, откинувшись в кресле. Сложив пальцы рук домиком, он внимательно разглядывал вошедшую шатенку с тонкими чертами лица и смуглой кожей. Проигнорировав протянутую руку девушки, жестом указал место, куда ей следовало присесть. Слегка обескураженная журналистка, самостоятельно выдвинув тяжёлый стул, аккуратно присела на его краешек. Заметно нервничая, она достала из сумки диктофон, выносной микрофон, блокнот и ручку. Морвилл, наблюдая за её действиями, произнёс:

– Хочу предупредить: у меня очень мало времени. У вас есть десять минут.

– Да-да, конечно... – Кэтрин неловко повернулась к раскрытой сумке, которую она поставила на соседний стул. Случайно задела локтем ручку, и она, покотившись по столу, упала на пол.

– Извините. – Кэтрин виновато улыбнулась и наклонилась под стол за упавшей ручкой. Морвилл, улыбнувшись в ответ, мягко нажал на клавишу, и один из квадратов раскрылся во весь экран монитора. Скрытая видеокамера, установленная под столом, показывала, как Кэтрин одной рукой подбирает ручку, а другой устанавливает жучок на липучке под крестовину стола. Морвилл с непроницаемым лицом наблюдал за всем происходящим на экране.

Кэтрин положила ручку рядом с блокнотом. Подключила микрофон к диктофону и придвинула его ближе к Морвиллу.

Морвилл незаметным нажатием клавиши возвратил прежнюю картинку.

– Прежде чем вы начнёте задавать свои вопросы, я хочу задать вопрос вам.

– Да-да, пожалуйста... – Кэтрин этого не ожидала. Вдруг он что-то заметил? Чтобы не выдать своего волнения, опустила глаза и поправила браслет на правой руке, только после этого, немного успокоившись, она осмелилась вновь взглянуть на Морвилла.

– Объясните, почему вы так упорно добивались встречи со мной?

– Это просто. Вы один из самых богатых людей планеты. Бизнес ведёте по всему миру... Южная Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, арабские страны. Круг ваших инвестиционных интересов весьма обширен, вы появляетесь то в одной стране, то в другой. И в то же время вам удаётся оставаться самой загадочной фигурой мировой бизнес-элиты. О вас почти ничего не известно. Вы не даёте интервью... Могу поспорить, что не только наш журнал донимал вас подобными просьбами. Согласитесь, это обстоятельство возбуждает повышенный

интерес к вашей персоне. А в современном информационном мире такая закрытость вызывает недоумение и... настороженность. Вам не кажется, что рано или поздно это может помешать вашему бизнесу?

– Я так не думаю... Просто я не люблю болтать о себе и о своих делах и веду при этом достаточно скромный и нескандальный образ жизни... – Он растянул губы в улыбке. – Ну, хорошо, что вас интересует?

– Правда ли, что вашими родителями были немцы, эмигрировавшие в одну из стран Латинской Америки в конце Второй мировой войны?

– Я не знаю, кто были мои родители. Да, я воспитывался в католическом приюте в Аргентине. Но как я туда попал и кем были мои родители, никто не знает. До восьми лет я страдал амнезией и почти не разговаривал.

– Но вы знаете немецкий?

– Я очень много учился. Продолжаю учиться и сейчас. Сколько себя помню, во мне всегда была жажда знаний. Я свободно говорю на восьми языках. В том числе и на немецком.

– Ваша личная жизнь также закрыта плотной завесой тайны.

– Я не женат. Если вас ЭТО интересует. Детей у меня нет. Повторю: я всегда много учился и работал. И на создание семьи у меня просто не было времени. А сейчас уже поздно... – с грустной улыбкой подытожил Морвилл.

– Интересы вашего бизнеса лежат во многих сферах, а что всё-таки для вас является главным?

– Главным для меня является всё, что может приносить прибыль. ХОРОШУЮ прибыль, – уточнил Морвилл, улыбаясь. – Если завтра будет прибыльно торговать антарктическими льдами, я буду этим заниматься. Другой вопрос – что это «завтра» можно приблизить, создав для этого необходимые условия. Когда вода, закованная в лёд, станет для кого-то жизненно необходимой, я буду первым, кто будет к этому готов. Я начну транспортировать антарктические льды, превращать их снова в воду и продавать дороже нефти.

– Что вы имели в виду, говоря о создании необходимых условий?

– Не принимайте всё за чистую монету. Я говорил гипотетически. Такие времена наступят не скоро... если вообще наступят. – Морвилл снисходительно улыбнулся.

– Мистер Морвилл, по паспорту вы аргентинец. Но ваши дома разбросаны по всему миру, и нигде вы подолгу не задерживаетесь. Гражданином какой страны вы себя ощущаете?

Морвилл ненадолго задумался. Ироничная улыбка застыла на его лице, но взгляд стал холодным и жёстким. Медленно повернув голову, он посмотрел на огромный глобус.

– Я считаю себя гражданином мира... – Он так же медленно отвернулся от глобуса и добавил, улыбаясь: – А может быть, и его властелином. – При этом он ТАК посмотрел на Кэтрин, что ей стало не по себе. А его улыбка стала похожа на гримасу маньяка, молча подступающего к своей беззащитной жертве.

Заметив замешательство журналистки, Морвилл, смягчив лицо, добавил будничным тоном:

– Хотя, может, об этом писать и не обязательно... впрочем, как хотите. Ведь это всего лишь метафора.

Он сменил вальяжную позу. Подобравшись в кресле, сел выше. Посмотрел на часы, тихо, но твёрдо сказал:

– Извините, ваше время вышло. У меня ещё много дел.

– Да-да, конечно, мистер Морвилл, я уже ухожу. – Кэтрин стала торопливо собираться. – Ещё раз огромное спасибо за то, что согласились на это интервью. – Собрав сумку, она встала из-за стола, лучезарно улыбаясь, произнесла: – До свидания, мистер Морвилл, мне было интересно с вами познакомиться. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество с нашим журналом. – Она достала из сумочки какой-то предмет, зажав его в кулаке.

Морвилл, слегка поклонившись в ответ, тоже растянул губы в улыбке. Кэтрин сделала шаг в его направлении, но остановилась, словно внезапно наткнулась на невидимую преграду. Морвилл сидел не шелохнувшись. Он опять сложил пальцы домиком и смотрел на журналистку бесцветным взглядом, как удав на кролика. После секундного колебания Кэтрин решила не подходить к Морвиллу близко. Она поставила на стол шаржированную фигурку толстого бизнесмена с сигарой в зубах и в огромных очках, прижимающего к груди пухлый портфель с золотым изображением символа доллара.

– Это вам на память, сувенир от нашего журнала. – Она грациозно развернулась и выпорхнула из кабинета. Морвилл поднял телефонную трубку. Миловидная мулатка, секретарь-референт Морвилла, тут же сняла трубку в приёмной и услышала голос шефа: «Тана, принесите мне чашечку чёрного кофе». Это была условная фраза. Если бы Морвилл действительно хотел кофе, он бы так и сказал: «Чашечку кофе». Никакого другого, кроме чёрного, он не пил. Акцент на цвете был сделан специально. – Хорошо, мистер Морвилл. – Мулатка нажала потайную кнопку, спрятанную в столе.

Кэтрин тем временем вышла из особняка Морвилла. Осторожно оценила окружающую обстановку. Не заметив ничего подозрительного, быстрым шагом пошла по улице. Свернула в первый же переулок. Пройдя ещё несколько метров, замедляя шаг, остановилась. Достала из сумки зеркальце и помаду. Подкрашивая губы, через зеркальце посмотрела, что происходит сзади. Убедившись, что «хвоста» нет, перебежала улицу и зашла в арку. В небольшом дворе стоял неприметный микроавтобус-фургон. Подойдя к нему, Кэтрин тихонько постучала условным сигналом в дверь. Дверь тут же откатилась, и Кэтрин быстро заскочила внутрь. В салоне, наспигованном разнообразной аппаратурой, находились двое мужчин. Один из них в огромных наушниках что-то регулировал и настраивал, вращая ручки радиоприбора. Другой, толстый мужчина с редкими волосами и рыхлым лицом, жуя бутерброд, держал в руке кружку с дымящимся чаем.

Кэтрин, задвинув дверь, плюхнулась на сиденье и азартно спросила:

– Ну как?!

Дождёвая бутерброд, рябой мужчина ответил:

– Всё нормально. Ты молодец. – Отпив из кружки горячего чая, хмыкнул с улыбкой. – Когда он попросил кофе, я тут же вспомнил, что с утра ничего не ел. Присоединишься? – кивнул он на бутерброды, разложенные на столике.

– Нет, спасибо, Рич. Если только немного чаю...

Мужчина налил ей чай из термоса в пластиковый стакан.

– Фу-у... ну и тип этот Морвилл! – Кэтрин, расслабляясь, устало сняла с плеча сумку и опустила её на пол. – Когда я с ним разговаривала, у меня было такое ощущение, что он видит меня насквозь.

Она взяла в руки поданный ей стаканчик с чаем и мелкими глотками стала отхлёбывать из него.

А в это время в кабинет Морвилла вошёл высокий, атлетического сложения смуглый брюнет с длинными выющимися волосами. Морвилл поднёс указательный палец к губам и жестом пригласил его подойти. Брюнет подошёл к столу, за которым сидел Морвилл.

– Спасибо, Тана. – Произнёс Морвилл, показывая пальцем на экран монитора. На экране был план кабинета с видом сверху. В том месте стола, где сидела Кэтрин, пульсировала красная точка. Слева от плана – таблица идентификации, где среди прочих символов таким же красным цветом пульсировала надпись «Подслушивающее устройство». Брюнет, взглянув на экран, понимающе кивнул головой. Он подошёл к старинному книжному шкафу, осторожно открыл боковую дверцу, за ней другую, представлявшую собой муляж из корешков книг. В пространстве шкафа один над другим располагались многочисленные приборы с мерцающими разноцветными огоньками. Брюнет извлёк из нижнего отделения шкафа техническое устрой-

ство, из которого выходили два провода с иглками на концах. Он залез под стол, нащупал жучок, аккуратно воткнул в него поочерёдно две иглы. Включил устройство. После этого снял жучок и положил вместе с устройством на стол. Морвилл поднялся с кресла и подошёл к нему. Брюнет, манипулируя кнопками устройства, заговорил по-испански:

– Я заблокировал передачу, теперь они нас не слышат.

– Что он собой представляет? – спросил Морвилл также на испанском языке. Брюнет, продолжая тестировать жучок, неторопливо отвечал:

– Излучение очень мощное, дальность передачи в условиях города – до километра. Питания должно хватить недели на две. Чувствительность и качество приёма очень хорошие. – Одной рукой продолжая нажимать кнопки, другой он пошелестел страницами журнала, лежащего на столе. Подвигал пепельницу.

– Настроен на голосовые частоты, приглушает посторонние звуки.

Он взял жучок и, не отсоединяя провода, поместил его в специальный сканер наподобие тех, что применяются в аэропортах.

Глядя на экран, брюнет произнёс:

– Так я и думал... – Повернувшись к Морвиллу, уверенно закончил:

– Изделие изготовлено очень профессионально. Когда питание будет заканчиваться и его ёмкость дойдёт до определённого предела, активируется специальная капсула с химическим составом. Химическая реакция превратит изделие в щепотку пепла.

– Что, совсем ничего не останется? – с любопытством разглядывая жучок, спросил Морвилл.

– Нет. Разве что очень мелкие ничего не значащие фрагменты.

– Хм. – Потирая подбородок, Морвилл в задумчивости прошёлся по кабинету. – Ну что ж, пусть слушают... Поставь им что-нибудь из четвёртого блока.

– Хорошо, босс. Возможно, они будут проверяться... – Брюнет подключил к жучку сложную систему соединений. – На этот случай я подключаю его к телефонной линии. Если вы захотите поговорить с кем-нибудь конфиденциально, нажмите вот эту кнопку. На пульт в приёмную поступит сигнал для Таны, это будет означать, что вас нет в кабинете. Она смоделирует запись таким образом, чтобы они услышали, как вы вышли из кабинета. В эфир пойдёт фон пустого кабинета. Они смогут услышать едва различимое тиканье этих часов. – Он, не прекращая работы, мотнул головой в сторону старинных напольных часов. – Причём их бой будет строго соответствовать реальному времени.

Протестировав систему, брюнет выпрямился, повернулся к Морвиллу.

– Закончив разговор, снова нажмите на ту же кнопку.

– Хорошо. А это? – Морвилл кивнул на подаренный сувенир.

Брюнет взял со стола фигурку. Рассматривая, повертел её в руках. Повесив на себя тестирующее устройство, отошёл подальше к камину и надел наушники, подключённые к устройству. Он стал подносить к фигурке несколько разных пробников, поочерёдно их меняя. При этом он не сводил глаз с дисплея тестера. Через полминуты выдал заключение:

– Пустышка.

Фигурка бизнесмена так и осталась стоять на камине.

* * *

Толстяк в закрытом фургоне, закончив трапезу, вытер губы салфеткой.

– Ну, что там? – Он слегка тронул напарника за плечо. Оператор сдвинул один наушник и повернулся к коллеге.

– Минуту назад к нему пришёл какой-то Терриган, говорят о поставках каучука... – Несколько секунд прослушав их разговор, он продолжил комментировать: – Отвлекаются на

посторонние темы: сигары, средневековое искусство... – Он скосил глаза на Кэтрин. – Пока ничего интересного, обычная беседа двух приятелей.

Кэтрин, одним глотком допив остатки чая, бросила вопросительный взгляд на Ричарда. Поняв её мысль, толстяк утвердительно кивнул.

– Позвони ему.

Кэтрин достала из сумки мобильный телефон, набрала номер.

Тана сняла телефонную трубку:

– Офис мистера Морвилла. Одну минуту... – Мулатка нажала несколько клавишей. На её дисплее высветились слова и цифры «Четвёртый блок. Терриган. Время 00:27:12».

Строка меняющихся цифр посекундно отображала обратный отсчёт.

В телефоне Кэт уже минуту звучала приятная мелодия. Всё это время она в напряжённом ожидании немигающим взглядом смотрела на Ричарда.

Морвилл, услышав сигнал вызова, поднял трубку. Брюнет в это время проверял систему защиты окон от прослушивания.

– Мистер Морвилл, звонит журналистка. Сейчас идёт запись вашей беседы с Терриганом. Она будет длиться ещё двадцать семь минут. Что мне ей сказать?

Морвилл, криво усмехнувшись, посмотрел на брюнета, который возился под окном. Щёлкнул пальцами для привлечения его внимания. Брюнет обернулся.

Морвилл молча, но с многозначительным взглядом постучал пальцем по трубке. Брюнет мимикой и жестами показал: «Ну, я же говорил» и спокойно продолжил заниматься своим делом.

– Соедини.

Тана, вложив миниатюрную гарнитуру в ушную раковину, слушала запись разговора с Терриганом. Выждав удобный момент, отключила запись и переключила связь на Морвилла.

Музыка в телефоне Кэт прервалась, она услышала голос секретаря:

– Соединяю с мистером Морвиллом.

– Извините, мистер Терриган. – Произнёс Морвилл, поднося трубку к уху, чтобы слышала Кэт и те, кто его прослушивает. – Я вас слушаю.

– Мистер Морвилл, статья о вас завтра будет готова. Я думаю, вы захотите с ней ознакомиться, прежде чем она выйдет в печать?

– Да, конечно.

– В таком случае я хотела бы уточнить, как лучше это сделать. Я могу привезти её лично или переслать по электронной почте. Как вам будет удобнее?

Морвилл снова скривил губы в хищной улыбке.

– Перешлите по почте. Мой секретарь назовёт вам электронный адрес. До свидания.

Морвилл переключил связь на секретаря. Размышляя о чём-то, медленно и аккуратно положил трубку с тонким золотым узором на аппарат. Погружённый в свои мысли, он перевёл взгляд на брюнета, который, закончив свою работу, закрывал последнюю деревянную панель под окном.

– Альфредо...

– Да, босс? – Брюнет распрямился во весь свой гигантский рост. Опустив руки по швам, он внимательно смотрел в водянистые глаза Морвилла. В его креольских чертах лица было что-то, напоминающее Мефистофеля.

– Выясни, на кого она работает на самом деле. – Он взял со стола чёрные агатовые четки и стал медленно перебирать бусины. – А потом ликвидируй. Но только так, чтобы это выглядело как банальный несчастный случай.

Брюнет бесстрастно и буднично произнёс:

– Как вам будет угодно... – и почти без паузы: – Я проверил весь комплекс технической защиты. Всё абсолютно надёжно, и вам волноваться не о чем.

– Спасибо, Альфредо. – Морвилл опустил веки с белёсыми ресницами. – Можешь идти. Брюнет, по-военному чётко кивнув головой, быстро и бесшумно вышел из кабинета.

* * *

Кэтрин опустила руку с телефоном в карман. Она и Ричард в ожидании смотрели на мужчину в наушниках. Тот, подняв большой палец руки, удовлетворённо кивнул. Этим он дал понять, что всё нормально. Толстяк облегчённо вздохнул, Кэт весело заулыбалась.

– Ну, всё... отдыхай, девочка. За углом тебя ждёт синий «Ситроен», тебя отвезут, куда скажешь. – Толстяк, приподнявшись, раскрыл ладонь. Кэт, продолжая улыбаться, хлопнула своей ладошкой по выставленной пятерне Ричарда. Тронув за плечо мужчину в наушниках, пожелала ему удачи и выпрыгнула из фургона.

Свернув за угол, она села в «Ситроен», называла адрес. Машина тронулась с места, выехала на улицу, идущую вдоль живописного парка. На лужайке, залитой солнцем, играли дети. На лавочках и изумрудной траве тенистого сквера сидели влюблённые парочки. Кэт смотрела в окно и улыбалась. У неё было отличное настроение, она радовалась их успеху, этому солнечному дню. Она молода, и все краски жизни, любовь и счастье у неё ещё впереди. Так она думала, пока машина набирала скорость. Она неотрывно смотрела в окно, где всё быстрее и быстрее мелькали вековые деревья старинного парка.

* * *

Вдоль дороги продолжали мелькать деревья, но уже не лондонского парка. В мчавшейся по загородному шоссе машине ехали на дачу Кедрова генерал Томилин и полковник ФСБ Егоров. По обе стороны от дороги среди сосен громоздились дорогие коттеджи. Егоров напряженно всматривался в окно.

– Где-то здесь должен быть поворот...

Томилин, как обычно, сидевший на переднем сидении, обернувшись вполоборота, спросил:

– Ты что, не помнишь дорогу?

– Да я последний раз здесь был два года назад, за это время столько всего понастроили...

Они выехали из соснового бора на открытый участок между полями.

– Нет, проскочили, – досадливо проворчал Егоров, крутя головой по сторонам. – Я точно помню, мы в том бору сворачивали налево.

Холодков коротко бросил:

– Держитесь...

И через секунду машина, на полной скорости резко затормозив и взметнув клубы пыли, развернулась на сто восемьдесят градусов. Томилин, едва успевший схватиться за ручку, ошеломлённо посмотрел на водителя.

– Ну ты даёшь, Холодков!

Холодков, трогаясь в обратном направлении, невозмутимо произнёс:

– А на такой дороге по-другому не развернёшься.

– Сейчас давай потихоньку. – Егоров всё ещё крепко держался за спинку сидения Холодкова. – Всего здесь три поворота. Один из них наш.

Машина медленно двигалась по посёлку.

– Вот он! Давай сюда... – Егоров, отпустив руки, расслабленно откинулся на спинку сиденья.

– Точно сюда? – с сомнением в голосе спросил Томилин.

– Да-да, точно... я вспомнил. Вон и раздвоенная сосна... Сейчас метров через двести будет его дом.

Машина, давя колёсами сосновые шишки, через открытые ворота мягко подкатилась к освещённому солнцем красивому деревянному дому с застеклённой террасой и открытым балконом.

Глава 9

Кедров, сидя в кресле на балконе, заметил, как во двор въехал чёрный «Мерседес». Он сидел расслабленно, закинув ногу на ногу. На нём был спортивный костюм и домашние тапочки. Очки в тонкой золотой оправе сдвинуты на лоб.

На журнальном столике разложены газеты и журналы, половина из них иностранные. Кедров с умилением кормил белку, сидевшую на перилах балкона. Он осторожно выкладывал на перила орешек, белка проворно его забирала и отпрыгивала на безопасное расстояние. Там, держа в лапках орех, молниеносно его поедала и в ожидании следующего смотрела на Кедрова чёрными бусинками глаз.

Любуясь ею, он в глубине души завидовал этой белке, беззаботно живущей на территории его дачи. Живёт себе в тишине и покое, никто её не обижает, все её подкармливают, у неё есть своё дупло, и никто туда не суётся. Никто от неё ничего не требует и не ждёт. Она свободно бегает и скачет там, где ей хочется. Ей просто не о чем волноваться. Красота!

Продолжая улыбаться этой идиллии, он повернул голову в сторону «Мерседеса». Увидев, КТО вышел из машины, улыбаться перестал. Разочарованно вздохнув, высыпал орешки обратно в блюдце.

– Извини, Пушистик... Приходи в другой раз. Мне надо принять гостей. – Он поднялся с кресла, прихватил с собой один из журналов и вышел с балкона.

В этот субботний день на даче вся семья Кедрова собралась в полном составе.

Тёща занималась растениями на альпийской горке. Жена, Алла Владимировна, готовила ужин на кухне. Сын Илья, двадцатипятилетний аспирант Бауманки, поливал из шланга плодовые деревья.

Положив шланг под ствол яблони, он пошёл встречать вышедших из машины людей. Недолго переговорив с ними о чём-то, он рукой указал на дом, приглашая гостей, и они вместе направились к крыльцу.

Игорь Михайлович с радушным выражением лица и журналом под мышкой уже спулся по лестнице.

Незванные гости и он встретились в холле на первом этаже. Обменялись рукопожатиями, приветствуя друг друга.

– Как вы себя чувствуете, Игорь Михайлович? – Томилин с сочувственным вниманием заглянул в глаза Кедрова.

– Спасибо, уже лучше. Но прихватило крепко! Давно со мной такого не случилось... – Улыбнулся Кедров, немного волнуясь.

– Игорь Михайлович, мы по делу... это не займет много времени, – сказал Томилин, всё ещё улыбаясь, но глаза его смотрели пристально и серьёзно. – Где бы мы могли с вами поговорить?

Лицо Кедрова приобрело строгое и слегка печальное выражение.

– Понимаю...

Оглядевшись, как бы выбирая подходящее место, он предложил:

– Можно в беседке. Я думаю, нам там будет удобно, и никто не мешает.

Илья, стоявший рядом, понял, что это не просто визит вежливости, развернулся и молча ушёл заниматься своими делами.

– Алуся! – крикнул Кедров, зовя жену. Она выглянула из раскрытого окна кухни, вытирая руки полотенцем.

– Да, Игорёк... – И, слегка смутившись, увидев гостей, поправила причёску. – Ой, как неожиданно. Здравствуйте...

– Сделай нам, пожалуйста, чайку. И подай гостям наше фирменное варенье. Мы будем в беседке.

Они спустились с крыльца и пошли по дорожке к беседке, затенённой высокими соснами. Томилин краем глаза заметил, что Холодков, сидя на корточках и дымя сигаретой, вёл непринуждённую беседу с тёщей Кедрова, высаживавшей на альпийскую горку цветы. Усмехнувшись про себя раскованности Холодкова, генерал вновь обратился к Кедрову:

– Как же это вас так угораздило-то, Игорь Михайлович, в такую-то пору заболеть? – Генерал с удовольствием втянул ноздрями тёплый, напоённый сосновым ароматом воздух и оглядел позолоченные солнцем верхушки сосен, недвижимые в полном безветрии и словно нарисованные на фоне голубого неба.

– Да, знаете ли, перенервничал, наверное, со всей этой историей... Да и два года напряжённой работы наверняка сказались. Аппарат-то совершенно новый, а создавать его пришлось в предельно сжатые сроки. Да что мне вам рассказывать... – Он вдруг остановился и с тревогой посмотрел на Томилина. – Но если ваш визит ко мне вызван сомнениями в надёжности аппарата, то я вам и сейчас, как и тогда на совещании, могу сказать только одно: аппарат был абсолютно надёжен! Я готов доказывать это на любом уровне. Верите вы или нет, но вины коллектива нашего КБ в том, что он...

Томилин не дал ему договорить:

– Да я верю, верю... – Он мягко взял Кедрова под локоть, и они снова пошли по тропинке. – Не волнуйтесь, Игорь Михайлович, пока нам ваше КБ и других разработчиков упрекнуть не в чем...

Они зашли в беседку и сели за гладко отшлифованный деревянный стол, на котором лежала раскрытая шахматная доска с каким-то нерешённым этюдом.

– А приехали мы за тем, чтобы именно вы и помогли нам разобраться в истинных причинах того, что произошло. Николай Иванович передал мне, что вы высказали ему ряд предположений на этот счёт. Мне они показались интересными, поэтому и захотелось поговорить с вами лично.

– Ну что ж... – Кедров сделал паузу, сосредотачиваясь. – Я действительно много думал над этим. – Он осторожно сдвинул на край стола шахматную доску, стараясь не расстроить позицию. Туда же аккуратно подвинул лишние фигуры. – И у меня есть на этот счёт своя версия...

– Мы вас внимательно слушаем... – Томилин положил руки на стол, не сводя глаз с Кедрова.

Игорь Михайлович, в свою очередь, пристально оглядел собеседников, как бы оценивая, готовы ли они к тому, что сейчас услышат. Он помолчал, повертев в руках фигурку ферзя, слабо улыбнулся.

– Откровенно говоря, я очень надеялся, что кто-то этим заинтересуется. Мне не терпелось поделиться своими соображениями, потому и намекнул о них Николаю Ивановичу... Рад, что лицом, проявившим к этому интерес, оказались вы, Олег Георгиевич.

– Спасибо, – сухо поблагодарил Томилин.

– Но хочу сразу оговориться: я никого конкретно не подозреваю и тем более не обвиняю... Я просто пытаюсь рассуждать, сопоставляя факты. Особенно в свете последних событий. – Он отставил ферзя, прямо взглянув на Томилина. – Обсуждать свои предположения с коллегами я не стал. С точки зрения современной академической науки, они выглядят слишком фантастично.

Егоров нервно извлёк сигарету из пачки.

– Не томите, Игорь Михалыч... – Привстав со стула, он быстрым движением придвинул к себе хрустальную пепельницу.

– Хорошо... Вы что-нибудь слышали о генераторе эфирных вихревых потоков Николы Теслы? – задал он вопрос, поочерёдно оглядев своих собеседников.

Егоров, выпуская дым из ноздрей, отрицательно покачал головой. Томилин на секунду задумался, что-то припоминая.

– Я когда-то читал о его опытах с электричеством, о передаче электроэнергии без проводов на большие расстояния, ещё что-то о создании искусственной шаровой молнии... Но каким образом это касается нашей проблемы? – искренне недоумевал Томилин.

– Н-да... – Кедров вздохнул, подумав, как ему трудно придётся с объяснениями. Он придвинулся ближе к столу. – Для того чтобы вы поняли то главное, о чём я собираюсь вам сказать, мне бы сначала хотелось обратить ваше внимание на самые простые вещи. – Он посмотрел на курившего Егорова и вдруг неожиданно спросил: – Вы кольца пускать умеете?

– Ну-у... да. – Егоров обескураженно взглянул на Томилину. – А зачем вам?

– Выпустите, пожалуйста, несколько колец, – очень серьёзно попросил Кедров.

Егоров, ничего не понимая, тем не менее затянулся и пустил над столом три-четыре дымных кольца. Они, вихрясь сизым табачным дымом, проплыли в сторону Кедрова, растягиваясь и слабея, пока совсем не исчезли, растворившись в воздухе.

– Вы видели завихрения дыма в кольцах? – Томилин с Егоровым мотнули головами, как школьники на уроке. – Мы стали с вами свидетелями передачи импульсной вихревой энергии. Благодаря дыму мы её увидели. А если бы дыма не было? Правильно. Мы бы её не заметили, но это вовсе не означает, что её нет.

– К чему вы клоните, Игорь Михалыч? – Томилин не совсем понимал смысл этих опытов.

– Тесла свято верил в существование механического эфира. Опытным путём и расчётами он установил, что эфир в несколько тысяч раз плотнее воздуха. Но эфир электрически нейтрален, и поэтому он очень слабо взаимодействует с нашим материальным миром. К тому же плотность вещества материального мира ничтожна по сравнению с плотностью эфира. Это не эфир бесплотен – это наш материальный мир является бесплотным для эфира. Эфирными вихревыми и волновыми потоками пронизано всё. Вся Вселенная! Волны есть в воде, в воздухе, а радиоволны и свет – это волны в эфире.

Если включить мощный прожектор и направить его в ночное небо, все увидят яркий луч света. Включив тот же прожектор солнечным днём, мы не увидим ничего. Но стоит набежавшим тучам закрыть солнце – и мы тотчас увидим, как луч прожектора освещает эти тучи. Это я к тому, что, если мы чего-то не видим или не ощущаем, не можем зафиксировать, это не означает, что такого явления не существует.

– Ну, это понятно. Кто ж спорит-то? Дальше-то что?! – Томилин начал терять терпение.

– Так, уже хорошо. Ещё немного терпения, Олег Георгиевич. К сожалению, современный научный мир имеет тенденцию отрицать то, что неподвластно объяснению с научной точки зрения. Мотивируются эти отрицания известными науке законами... или неизвестными. Для примера возьмём законы физики... Я не говорю, что они не верны, скажу лишь, что их явно недостаточно, чтобы объяснить всё происходящее вокруг нас. Да, известные нам законы работают в нашем материальном мире... Но в том-то всё и дело, что наш материальный мир не един, или, правильнее сказать, неоднороден! Параллельно с ним существует множество других миров, о которых мы мало что знаем, и внутри этих миров работают совершенно не известные нам законы.

Да вот, кстати... Только сегодня утром просматривал... – Он взял в руки принесённый с собой научно-популярный журнал на английском языке. Открыл его в месте закладки. – Я бы хотел зачитать вам несколько, на мой взгляд, очень любопытных выдержек из одной статьи. – Кедров спустил очки со лба на переносицу.

В этот момент к беседке подошла жена Кедрова. Она успела переодеться в нарядное платье и изящные туфельки. Красиво прибранные волосы открыли аккуратные ушки со старин-

ными серебряными серёжками в мочках. Ей было около пятидесяти, но она сохранила стройность фигуры и осанку молодой женщины. Слегка подкрашенные ресницы и губы придавали её миловидному лицу ту волнующую притягательность, какая бывает у очень красивых, следящих за собой зрелых женщин, знающих, что надо делать, чтобы понравиться мужчинам. Чуть покачивая бёдрами, она вошла по ступеням беседки с подносом в руках.

– Вот, всё как ты просил... – Она с мягкой улыбкой поставила на стол чашки, пузатый керамический чайник, розетки, вазочку с вареньем и изящную корзинку с домашним печеньем. – Угощайтесь, пожалуйста.

Все трое, дружно поблагодарили Аллу Владимировну, разбирая чашки.

– Может быть, вы желаете что-нибудь посущественнее? Ужин у меня уже почти готов... – Она посмотрела искрящимися голубыми глазами на импозантного Томилина, потому что он был в генеральской форме, и она считала его здесь главным.

– Нет-нет, спасибо! В другой раз мы обязательно отведаем вашего угощения, Алла Владимировна. А сейчас у нас очень мало времени, – с виноватой улыбкой слегка сконфуженно произнёс Томилин.

– Ну, хорошо. Не буду вам мешать. – Алла Владимировна одарила всех лучезарной улыбкой и, элегантно приподняв узкое платье, спустилась по ступенькам и лёгкой походкой направилась в дом.

Кедров с недовольством, что его перебили, поверх очков посмотрел вслед удаляющейся жене. Он снова уткнулся в журнал, но на его лице ещё оставались следы раздражения по поводу, как ему показалось, излишне кокетливого поведения супруги.

Томилин, наполнив свою чашку ароматным чаем, нетерпеливо взглянул на погрузившегося в чтение Кедрова.

– Игорь Михалыч, у нас действительно мало времени, нельзя ли...

– Идея планетарных вихревых потоков, на которой основывал свои исследования Тесла, не нова... – словно не услышав Томилина, начал Кедров. – Вот, послушайте. – Он стал переводить выделенные жёлтым маркером строки из журнальной статьи: – «Атомы, бесконечные по величине и количеству, вихрем несутся во Вселенной и этим порождают всё сложное... Причина всякого возникновения – вихрь, и этот вихрь – неизбежность». Так Диоген Лаэртский пересказывал наследие Демокрита.

Аристотель в полном согласии с Демокритом из одного только движения всеобщих вихрей выводил всё частное. – Он опять сдвинул очки на лоб, мимоходом поблагодарив Егорова, наливавшего ему чай. Его глаза выражали сосредоточенную задумчивость.

– Размышляя над тем, что могло послужить причиной схода аппарата с орбиты и как в принципе это было бы возможно в тех условиях... Я попытался смоделировать эту ситуацию и пришёл к выводу, что это мог быть некий энергетический удар. – Он оживился, забежал глазами вокруг и по столу, как будто что-то искал. – Николай Иванович, для наглядности я попрошу вас провести ещё один опыт. – Кедров быстро вытащил два блюда из-под чашек и, перевернув, поставил их под край шахматной доски. На недоумённый взгляд Томилина пояснил: – Это необходимо для спрямления угла атаки. – Оглядев наклонённую доску, он пригнулся к столу и с каким-то мальчишеским азартом произнёс: – А теперь представьте, что одна из шахматных фигур – это наш аппарат, находящийся на орбите спуска. – Он закрыл журнал и передал Егорову. – Николай Иванович, возьмите журнал и встаньте вот сюда.

Егоров, глядя на него как на сумасшедшего, тем не менее выполнил его просьбу.

– Так. Теперь поднимите правую руку и махните журналом с силой, на какую вы только способны, в сторону шахматной доски.

Егоров, расставив ноги, послушно занёс руку с журналом и резко махнул ею по дуге сверху вниз в направлении стола. Томилина и Кедрова обдало воздушной волной. Фигуры, стоявшие в центре доски, повели себя по-разному. Король упал, слон и конь сдвинулись по плос-

кости доски на незначительное расстояние, а вот две пешки продвинулись на две-три клетки вниз.

– Отлично! – воскликнул Кедров. – Одной из этих пешек и был наш аппарат! Теперь представьте себе, что вся энергия этого потока была сконцентрирована только на одной пешке, то есть на аппарате. Разумеется, с учетом его массы и скорости.

– А почему именно на пешке? – спросил Егоров, так и оставшийся стоять с журналом в руке.

– Потому что остальные фигуры нам не подходят. Король упал из-за своей высоты и большей парусности. Слон и конь слабо продвинулись из-за своей массы. И только пешки сдвинулись на значительное расстояние, позволяющее кардинально изменить траекторию спуска. Значит, они в наибольшей степени соответствуют смоделированной нами ситуации, при которой аппарат изменил траекторию спуска. А самое главное, это объясняет физику всего произошедшего...

Если бы вам удалось взмахнуть ещё раз, приложив точно такое же усилие, картина бы повторилась с точностью до миллиметра. Это говорит о том, что воздействие на аппарат было скрупулёзно просчитано с учётом всех факторов. Всё было сделано так, чтобы его траектория спуска была сдвинута ровно на столько, на сколько это было кому-то необходимо.

Томилин посмотрел на Кедрова с недоверием.

– Не слишком ли просто вы всё это объясняете? – Он небрежно поводил рукой поверх шахматной доски.

– Надеюсь, вы не будете оспаривать известную истину: для того чтобы постичь сложное, сначала необходимо осмыслить всё самое простое, – парировал Кедров.

Томилин не нашёлся, что ответить. Он задумчиво потупился, вяло помешивая ложечкой варенье в розетке. – Я пытаюсь обоснованно подвести вас к главному своему выводу... Вы же ради этого сюда ко мне приехали... ведь так?

– Так, – обречённо констатировал Томилин, предчувствуя, что эта беседа затянется надолго, и с кислой миной отодвинул от себя розетку с вареньем.

– Верните, пожалуйста, журнал. – Кедров протянул руку. Егоров отдал журнал и сел на своё место.

– Так вот... – Он снова раскрыл журнал на нужной ему странице. – На рубеже девятнадцатого и двадцатого веков была очень популярна гипотеза так называемых «дьявольских лучей». Она в той или иной степени на многие годы захватила умы многих изобретателей и учёных почти во всех развитых странах. Эта тема нашла своё отражение даже в мировой литературе. В нашей стране вышел небезызвестный роман «Гиперболоид инженера Гарина». Но я не буду подробно останавливаться на этой гипотезе. При желании вы можете многое узнать об этом в Интернете. Коснусь только основного принципа действия этих лучей, выделенного мною в этой статье. Вот послушайте: «В зависимости от силы направленного электромагнитного заряда можно уничтожить любой движущийся объект (танк, корабль, самолёт, автомобиль и т. д.) вместе с экипажем. А можно его остановить, изменить НАПРАВЛЕННОСТЬ его движения. На короткое время вывести экипаж из строя: от нескольких секунд до нескольких часов».

– Сказки какие-то, – глухо проронил Егоров.

Кедров строго взглянул на него поверх очков и невозмутимо продолжил:

– По крайней мере, так говорил о возможностях своего изобретения доктор Валле из Шеффилдского университета в начале двадцатых годов прошлого века. А вот что писала газета «Чикаго Трибьюн» 25 мая 1924 года: «Немецкое правительство имеет как минимум три запатентованных изобретения, напрямую касающихся создания сверхмощного оружия – так называемых „смертельных лучей“. Это лучевые потоки энергии разрушительной силы. Они способны сбивать самолёты, останавливать танки на полях битвы, приводить в негодность

автомобильные двигатели и другие механизмы. Члены Рейхстага ознакомились с подробным докладом по этой тематике и изыскивают средства на дальнейшие исследования и разработки в этой области».

– Я знаю о таких разработках. Но они касаются аппаратов, имеющих какие-то двигатели, собственно, на них и направлено основное воздействие. Но у нашего аппарата было мало общего, например, с погибшим американским шаттлом. И я не понимаю... – Томилин развёл руками. Но Кедров прервал его на полуслове:

– Не спешите, дорогой Олег Георгиевич. – Кедров раскрыл ладони в останавливающем жесте. – Кстати, хорошо, что вы вспомнили о шаттле. Съёмки той катастрофы, в которой погибли на глазах у всех американские астронавты, обошли все телеэкраны мира. И именно на основании их детального изучения был сделан официальный вывод: ракетный комплекс взорвался из-за неполадок в топливной системе. Якобы там образовалась небольшая течь. А что привело к образованию этой течи? Может быть, всему виной как раз один из тех лучей, о которых мы только что говорили?.. Ну да Бог с ним... В конце концов, это всего лишь одно из предположений.

Кедров, немного помолчав, взглянул на Егорова.

– Я согласен с вами. Действительно, тогда всё это выглядело довольно-таки фантастично, хотя бы потому, что для этого понадобились бы высокомоощные передатчики и гигантские генераторы энергии, коими в ту пору человечество не обладало. Но наука не стоит на месте. Сегодня импульсы сконцентрированной энергии используются во многих отраслях. Но опять же не это главное... Хотя-я у меня такое ощущение, что исследования в этой области, особенно в применении подобных лучей в военной сфере, не прекращались и по понятным причинам были строго засекречены и нигде не афишировались.

Но я бы хотел обратить ваше внимание на энергию другого рода, на которую опирался в своих изысканиях Тесла. Вот что он говорил в 1935 году, критикуя «смертельные лучи»: «Моя аппаратура обладает возможностью перемещать на малые площади, – он поднял вверх указательный палец, – но на гораздо большие расстояния... в миллионы раз превышающие количество энергии, чем позволяют лучи любого вида. Энергия в сотни тысяч лошадиных сил может быть передана потоком более тонким, чем человеческий волос, которому ничто не может сопротивляться».

Кедров сдёрнул очки.

– Вы понимаете?! Это высказывание уже гораздо ближе к нашей теме.

После этих слов Томилин преобразился. О чем-то напряженно размышляя, он вцепился в Кедрова внимательным взглядом, стараясь не пропустить ни одного сказанного им слова.

– Но какого вида могла быть эта энергия? – не удержался от вопроса Егоров.

– Резонный вопрос, – без улыбки ответил Кедров, покусывая дужку очков. – Вот как на него отвечал сам Тесла... – Он перевернул страницу и поднёс очки к глазам. – «Мне удалось „запрячь“ космическую энергию, которой наполнен каждый миллиметр пространства. Эта энергия безгранична. Она разлита по всему эфиру. Но я сумел её извлечь и заставил работать». Каково, а?! – Кедров в восхищении посмотрел на собеседников. Он снова поднёс очки к глазам. – Или вот ещё: «Эту новую энергию для управления машинным оборудованием мира люди будут извлекать из энергии, которая движет всей Вселенной. Это именно та космическая энергия, центральным источником которой для Земли является Солнце, и которая присутствует везде в неограниченных количествах». Так вот, уважаемый Николай Иванович... – Кедров обратился именно к Егорову, как бы продолжая отвечать на его вопрос. Он внимательно посмотрел в вытаращенные глаза Егорова, нервно усмехнулся, бросив очки на стол, – ...вам может показаться чудовищно смелым моё предположение, но я склонен считать, что природа энергетической атаки, которой подвергся наш аппарат, сродни той энергии, которая заставляет вращаться нашу планету.

Сидевший в немом оцепенении Егоров разлепил губы и с сомнением произнёс:

– А разве такое возможно?

– Исходя из теории Теслы – да. Но в неё мало кто верит. Вот почему я не рискнул обсуждать это с коллегами. Хотя в изыскания пресловутой Аненербе тоже мало кто верил. Но ведь немцам удалось создать опытные образцы летающих тарелок. А самое главное, следуя утверждениям всё того же Теслы и открытым им свойствам эфира, это было вполне реально. Главная ошибка критиков летающих тарелок заключалась в том, что они относились к ним как к летательным аппаратам. А летающие тарелки не летают! Они двигаются в эфире, как плавают рыбы в воде! Воздух и вода – всё это эфирная среда. Поэтому для тарелок нет принципиальной разницы, где они перемещаются – в воздухе или в воде, на них не действует земное притяжение.

Конечно, это сравнение не вполне корректно, но определённая доля истины в этом есть. Вспомните, как перемещаются рыбы, и сравните их движение с видеокадрами летающих тарелок, которые видел каждый из нас. И вы найдёте много схожего в их поведении. Рыбы тоже могут резко остановиться без инерционного движения вперёд, они могут мгновенно изменить направление и скорость движения. Они, как бы зависая в толще воды, могут стремительно перемещаться в любом направлении и ровно на то расстояние, на которое им нужно, и, снова зависнув на доли секунды, тут же уйти в противоположную сторону. Причём всё это они могут проделывать с гигантским ускорением. Эти преимущества в маневренности им обеспечивает плотность воды.

Ни один созданный человеком летательный аппарат не может сравниться по маневренности с рыбой в водной среде. А для летающих тарелок это не проблема. Люди видят НЛО только потому, что они двигаются на предельно малых для них скоростях или просто зависают... Впрочем, я отвлёкся, извините.

Повисла пауза. Томилин, переваривая всё услышанное, наконец вышел из задумчивости.

– Да-а, Игорь Михалыч... Всё, что вы нам рассказали, очень интересно. Но всё же на чём конкретно основано ваше, прямо скажу, сенсационное предположение?

Кедров, погружённый в свои думы, помешивал ложечкой давно остывший чай. Глубокомысленно глядя на возникший в чашке водоворот, в вихре которого кружились чаинки, он, как бы разговаривая сам с собой, задумчиво произнёс:

– Так же как эти чаинки, в бесконечном вихре эфира вращаются все небесные тела... Это вращение определяет силу тяжести на поверхности планет... Но в бесконечном пространстве космоса эти вихри имеют разную силу, от неё зависят орбиты спутников... рождение и гибель звёзд... Этому вечному движению подчинено всё строение Вселенной. – Он оторвал от чашки затуманенный мыслями взгляд, очень тихо, растягивая слова, проговорил: – Кто же этот всемогущий, беспрестанно помешивающий ложечкой в стакане Вселенной?

Кедров с Егоровым, не расслышав, недоумённо переглянулись, почти хором спросили:

– Что вы сказали?

– Простите... это я так... – вернувшись в действительность, спохватился Кедров. Взгляд его снова стал ясным. Он взялся за дужки очков и, поигрывая ими вверх-вниз, произнёс: – Я изучил почти все известные материалы о Тесле и его опытах. К сожалению, большинство его рукописей и дневников исчезло при невыясненных обстоятельствах. Но... – Он сделал многозначительную паузу, – слово «исчезли» не означает, что они были безвозвратно утрачены.

Даже по тем отрывочным сведениям, которые сохранились, можно понять, что Тесле удалось создать генератор эфирной энергии небывалой мощности и, самое главное, испытать его. Он сам говорил об этом в своих записках: что подготовил и нанёс энергетический удар, от которого содрогнулась вся планета... Косвенным подтверждением тому служит место для проведения эксперимента, выбранное Теслой, о котором он тоже упоминает, – малонаселённая сибирская тайга.

Вы никогда не задумывались, почему именно туда упал так называемый Тунгусский метеорит, а, скажем, не на Лондон или Париж? Астрономия в те годы уже была достаточно развита, но почему приближение такого крупного, судя по масштабу разрушений, небесного тела никто не заметил? Наконец, та картина, которую увидели исследователи в районе Подкаменной Тунгуски, совсем не была похожа на последствия, вызванные падением в этом месте огромного физического тела. Поэтому этот случай до сих пор окутан огромным количеством тайн.

– Но ведь достоверно известно, что этот, как вы говорите, «удар» пришёл из космоса. – Егоров взглянул на Томилина, ища солидарности. Но тот оставался невозмутимым и Егорова не поддержал. – Каким же образом он мог быть связан с генератором Теслы?

– Хм... самым прямым. – Кедров выпрямил спину, сложив руки на столе, и с интонацией рассказчика, подошедшего к самому интересному, проговорил: – Тесла послал энергетический импульс, направив его на Луну. Она послужила огромным резонатором, отразив и многократно усилив этот импульс. С нарастающей силой двигаясь к Земле, он ударил в точно рассчитанное Теслой место. При этом выделяемая им энергия могла вызвать свечение, которое и видели некоторые наблюдатели за несколько секунд до удара.

Эффект от испытания генератора был настолько ошеломляющим, что Тесла испугался. Человечество было не готово к его открытию. Наученный горьким опытом и сознавая как правительства разных стран собирались использовать «дьявольские лучи», он понял, что его генератор станет самым страшным оружием на Земле. Ведь его применение могло привести к уничтожению населения целых континентов. Причём за считанные секунды. Его мощное воздействие могло привести к изменению наклона оси вращения Земли, а это привело бы к гибели всего живого на планете.

Решение, принятое Теслой, было для него мучительным. Он колебался... Но в итоге решился сохранить всё в тайне. Если бы он был уверен, что человечество сумеет использовать его открытие только в мирных целях, сразу бы отпала надобность во всех известных на сегодня источниках энергии. И мы бы не уродовали нашу землю плотинами, угольными разрезами, атомными станциями и нефтяными вышками. Представляете, какую внутреннюю трагедию пережил этот человек!

Кедров немного помолчал и со вздохом заключил:

– Он унёс свою тайну в могилу, так и не доверив её человечеству... Но оставались его записи и расчёты... Вдруг он их не уничтожил, а где-то спрятал для грядущих поколений?

– И какой же из этого следует вывод? – нахмутив брови, спросил Томилин.

– Если то, о чём я думаю, действительно так, то кто-то сумел воспользоваться невероятным открытием Теслы и смог воссоздать, а может быть, даже и усовершенствовать его генератор или близкий к нему прототип.

– Хорошо, допустим, что всё было именно так, как вы говорите. Но что же всё-таки произошло с нашим аппаратом? И кому всё это было нужно? Вы же не думаете, что мусульманские экстремисты обладают достаточным для этого научно-техническим потенциалом? Если это так, тогда кто, по-вашему, мог всё это задумать и осуществить? – Томилин, уже изрядно утомлённый всеми этими разговорами, всё-таки хотел добраться до сути предположений Кедрова и выяснить то самое главное, ради чего он сюда приехал.

– Конечно же, я так не думаю... Мусульманские экстремисты – всего лишь инструмент в чьих-то могущественных и властных руках. Этот «кто-то» ведёт очень хитроумную игру. Его возможности не ограничиваются связями с экстремистами. И я думаю... нет, я почти уверен, что его агенты работают и у нас в космическом комплексе, и у американцев в НАСА.

Егоров медленно повернул голову и посмотрел на Томилина.

– Почему вы так решили? – вкрадчиво спросил генерал, удивлённый такими словами, услышанными от человека, весьма далёкого от разведки и специфики спецслужб.

– К такому выводу я пришёл, проанализировав всё, что произошло с аппаратом на орбите спуска, и все последовавшие за этим события. Давайте рассуждать вместе... – Кедров придвинулся ближе к столу. – Изначально было бы глупо рассматривать версию энергетического воздействия на аппарат как единственную причину, по которой он поменял траекторию, тем более что, с точки зрения современной науки, эта версия не лезет ни в какие ворота... Конечно, таких причин могло быть несколько... Но давайте не будем забывать, что аппарат не просто упал КУДА-ТО, а приводнился в строго заданный район, где его уже ждали... Выводы делайте сами...

– Постойте, Игорь Михалыч... – Егоров с сомнением посмотрел на Кедрова. – Но если всё настолько очевидно, почему никто из ваших коллег не пришёл к такому же выводу, как и вы?

– Ну, говорить о какой-то очевидности пока рано, мы рассуждаем чисто теоретически... Вы знаете, мало кто возьмёт на себя смелость делать подобные предположения, не имея на руках достаточно весомых аргументов и фактов... Ведь аппарат уничтожен, экипаж захвачен... Нет объектов для исследования, чтобы установить истинную причину... Прибавьте ко всему нашу извечную привычку перестраховываться, не лезть на рожон... Например, когда по непонятным причинам падает и бесследно исчезает самолёт или целая эскадрилья, как это случилось с американскими лётчиками в районе Бермудского треугольника, никто вам с уверенностью не скажет, почему это произошло. Да, выдвигаются различные гипотезы, версии, но все они основываются на академических знаниях и предыдущем опыте, сверхъестественные причины во всех этих случаях, а их было немало, поверьте мне, никогда серьёзно не рассматривались и в расчет не принимались... Увы, такова реальность, и ничего с этим не поделаешь...

– Ну почему же тогда... – развёл руками Егоров.

– Я – другое дело, в отличие от многих своих коллег, я верю в полтергейст, левитацию, телепортацию... – Кедров улыбнулся, – и даже в домовых... – Увидев округлившиеся глаза Егорова, добавил: – Точнее сказать, допускаю существование подобных аномальных явлений, потому что верю в существование эфира. А с этой точки зрения, всё перечисленное мною возможно и, более того, во многом объясняет природу этих явлений.

– Игорь Михалыч, предлагаю всё-таки вернуться к нашей проблеме... – настойчиво произнёс Томилин. Ему не нравилось, что разговор всё время уходил в сторону.

– Да-да, конечно... Итак, исходя из всех известных мне обстоятельств, отвергая одну версию за другой, я остановился на том, что это был всё-таки энергетический удар, точно рассчитанный на то, чтобы сместить аппарат на строго определённое расстояние в пространстве и времени.

Но тут возникла одна загвоздка... Такой удар мог повредить сам аппарат, контейнеры, начинённые тонкой электроникой, и вывести из строя экипаж. Если бы это произошло, аппарат или его обломки после прохождения плотных слоёв атмосферы камнем бы упали на дно океана. Какой в этом смысл? Тот, кто обладает подобным оружием, мог бы это проделать со станцией ещё на стадии сканирования Земли. Но он этого не сделал. Значит, кто-то был заинтересован в том, чтобы контейнеры с информацией и экипаж не пострадали и благополучно вернулись на Землю. Но как этого добиться?

Я стал размышлять над этим... И мне вдруг вспомнилась одна забавная ситуация: когда моему сыну было года четыре, мы возвращались с ним с ярмарки новогодних игрушек. Он нёс в руках только что купленные ёлочные шары. Перейдя дорогу, мы остановились перед снежным отвалом, который нам необходимо было преодолеть. Я хотел забрать у него пакет с хрупкими игрушками, но он ни за что не хотел расставаться с красивыми шарами. Тогда я поднял его за капюшон комбинезона, перенёс через отвал и поставил на тропинку. Ни ребёнок, ни игрушки не пострадали.

Я задумался: а что могло послужить подобным капюшоном в нашем аппарате? Я долго думал, перебирая различные варианты, и не находил ответа... И вдруг меня осенило... Помните слова Теслы о пучке энергии тоньше волоса, которому ничто не может сопротивляться?... «Сопротивляться!» – вот ключевое слово к разгадке. Как только я это понял, всё сразу встало на свои места. – Кедров взял чашку и, не сводя глаз с Томилина, быстрыми большими глотками выпил свой остывший чай. Выплеснув остатки заварки на траву, он продолжил: – Удар приняло на себя какое-то хитроумное устройство, внедрённое в основную энергосистему аппарата. Вот почему она сразу вышла из строя.

– И какие же функции выполняло это устройство? – спросил Егоров, сохраняя спокойствие скептика, в отличие от Томилина, который стал нервно барабанить пальцами по столу.

– Я думаю, это был некий чип-излучатель, который как бы притянул выпущенный пучок энергии на себя. Тот, кто его мог поставить, хорошо знал конструкцию и устройство аппарата. – Кедров взглянул на Егорова. – Дело в том, Николай Иванович, что этот поток энергии мог пронизать аппарат, как спица – моток шерсти. И последствия этого могли быть самыми непредсказуемыми. От разгерметизации аппарата до его полного уничтожения. Поэтому необходим был некий концентратор этой энергии, расположенный вне зоны размещения экипажа и контейнеров.

Егоров смотрел на Кедрова непонимающими глазами, как будто тот говорил на иностранном языке. Кедров, заметив это, переключился на Томилина и продолжил свои пояснения.

– На мой взгляд, всё происходило примерно так: передатчик генерирующего устройства был настроен на чип-излучатель, для того чтобы выпущенный импульс с максимальной точностью попал в цель. Ведь это было очень важно, учитывая время нахождения аппарата на орбите спуска, его скорость и место его положения. Опоздай они с импульсом или выпусти его чуть раньше – и аппарат бы упал совсем в другом месте. Но была и другая, не менее важная функция этого чипа. Используя электроэнергию аппарата, он создавал вокруг себя некое поле, которое оказало «сопротивление» пучку энергии, достаточное для того, чтобы аппарат без особого ущерба сместился на строго определённое расстояние от своей первоначальной орбиты спуска. А отражённые им небольшие излишки энергии ушли в обратном направлении.

Ну, то есть, если грубо, принцип взаимодействия этих двух энергетических субстанций приблизительно такой же, как у двух магнитов, отталкивающих друг друга. Только масса одного магнита должна намного превосходить массу другого.

– Вы так убедительно и в таких подробностях обо всём рассказываете, как будто сами принимали в этом участие, – не удержался Томилин, озвучив возникшие у него мысли, и с лукавым прищуром посмотрел на Кедрова.

Игорь Михайлович, спокойно выдержав взгляд Томилина, всем своим видом показывал, что эта реплика никак его не задела. С достоинством уверенного в себе человека он ответил:

– Я инженер-конструктор и учёный с тридцатилетним стажем. И, прежде чем что-то говорить, привык всё тщательно анализировать и просчитывать. Может быть, это всего лишь плод моей бурной фантазии, но другого объяснения я не нахожу.

– Не обижайтесь, Игорь Михайлович... Согласитесь, в то, что вы нам здесь сегодня рассказали, довольно трудно поверить. И всё же, подводя итог, любопытно было бы узнать, какой окончательный вывод вы делаете?

– Я не знаю, кем и откуда был выпущен импульс, но в том, что он был, я почти не сомневаюсь. Скорее всего, это был выброс энергии, имевший электромагнитную природу. Чип-излучатель сходной технологии установил тот, кто имел открытый доступ к аппарату. И последнее... Тот, кто за всем этим стоит, обладает высочайшими технологиями, не известными современному научному сообществу. Даже наше сканирование земной коры – детские игрушки по сравнению с этим. – Кто и когда, по-вашему, мог внедрить этот чип?

– Да кто угодно. Над созданием аппарата трудились десятки людей. Он прошёл массу испытаний. Это могло произойти на любом этапе. Повторяю, до активации он никак себя не проявлял. В конце концов, это мог сделать кто-то из членов экипажа, уже находясь в спускаемом аппарате. – Кедров замялся. Повертев очки в руках, он сложил их и убрал в карман. – Я, может быть, выскажу сейчас крамольную мысль, но... тот факт, что аппарат попал в руки мусульманских экстремистов, по моему мнению, не случаен.

– Что вы имеете в виду, Игорь Михалыч? – спросил Егоров, обменявшись взглядами с Томилиным.

– Я далёк от каких бы то ни было намёков и параллелей, но, насколько мне известно, Муртазин родился в Татарстане и вырос в мусульманской среде. А его младший брат закончил медресе и служит в одной из мечетей Казани. Всё это наводит на определённые мысли...

– Вы считаете, что... – удивлённо поднял брови Томилин.

Кедров поморщился, показывая, как ему неприятно и трудно об этом говорить.

– Я знаю Муртазина много лет. И я не верю даже в самую возможность того, что Равиль Наилич мог пойти на такое. Но, как говорится, доверять в полной мере нельзя никому... даже самому себе. – Кедров поднял решительный и твёрдый взгляд на Томила. – Сегодня мы знаем одного человека и уверены в нём, а завтра жизненные обстоятельства могут коренным образом изменить его взгляды, нравственные устои, поведение... – Кедров, услышав смех жены, вполоборота недовольно и даже как-то досадливо посмотрел на Аллу Владимировну, о чём-то мило беседовавшую с Холодковым.

Снова повернувшись к Томилину, он закончил:

– Во всяком случае, эту версию я бы пока не отметал. История знает немало примеров, когда, казалось бы, абсолютно преданные люди...

Но Томилин, стараясь сдержать раздражение, его перебил. Ему не понравились эти намёки на Муртазина, тем более сейчас, когда о судьбе заложников ничего неизвестно и, может быть, они уже приняли мученическую смерть.

– Вы абсолютно правы, Игорь Михайлович, таких примеров в истории было множество, поэтому проверять будем всех... – Томилин, накрыв сверху всей пятернёй свою пустую чашку, акцентировано опустил её на поднос, как бы ставя точку на этих предположениях Кедрова.

– Начать можете с меня... – с лёгкой обидой на то, что ему не дали договорить, произнёс Кедров. – Хотя я вам сочувствую – вас ждёт титаническая работа. Ведь доступ к аппарату имела не только наша сторона. Американские эксперты и специалисты его тоже осматривали и принимали участие в его испытаниях и тестировании всех систем.

– Значит, теоретически возможно, что кто-то из них тоже мог установить этот чёртов чип? – с надеждой в голосе спросил Егоров. Ему очень не хотелось, чтобы к этому были причастны российские граждане.

– Да, теоретически такой вариант возможен. Но он связан с большими рисками. Во-первых, они не контролировали все процессы, происходившие с аппаратом на последних предполётных стадиях. Мы всё досконально проверяли, и такой чип мог бы быть обнаружен. Во-вторых, им было бы гораздо сложнее, чем нашим, пронести чип в аппаратный блок. И в-третьих, никто из них в одиночку, без сопровождения нашего сотрудника, никогда не работал внутри аппарата. Так что вряд ли они бы на такое решились.

– Допустим, такой чип был установлен. Нашими или американцами, в данном случае неважно. Но как они узнали точное время отстыковки? Ведь мы держали это в секрете, а окончательно определились с отстыковкой всего за два часа до спуска, – Томилин старался говорить, как можно спокойнее, чтобы не выдавать своего волнения.

– Вы очень верно подметили эту существенную деталь, Олег Георгиевич. Со всей очевидностью можно предположить, что кто-то из их людей должен был находиться у нас в ЦУПе или в штабе НАСА в Хьюстоне. Для того чтобы координировать все действия и сообщить точное

время отстыковки, необходимо было посекундно контролировать весь полёт. Потом зафиксировать изменение орбиты спуска, а если бы этого не произошло, возможно, дать сигнал к повторной атаке, и если бы она оказалась успешной, сообщить скорректированные координаты места приземления аппарата. Другими словами, враг должен был отслеживать весь полёт экипажа и процесс спуска аппарата с самого начала до последней, заключительной его фазы.

– Игорь Михалыч, если враг, как вы говорите, находился среди нас или под боком у американцев, – вмешался в разговор Егоров, – значит, он должен был предпринимать какие-то действия. Например, покидать зоны контроля для контакта со своими хозяевами. Причём он должен был выходить на связь непосредственно с территории ЦУПа или из штаб-квартиры НАСА, а это связано с большим риском. Тогда страх разоблачения мог заставить его нервничать, совершать ошибки или как минимум изменить привычное для всех поведение? – Ну, наверное... Вам виднее, я в этом не специалист... – устало проговорил Кедров, расслабленно откинувшись в кресле.

– Игорь-о-ок, ужин давно готов... Вы скоро? – крикнула с крыльца Алла Владимировна, прикрыв ладонью глаза от закатного солнца.

Кедров вяло помахал рукой в её сторону, вид у него был абсолютно усталый.

Томилин поднялся со своего места.

– Ну что ж... Спасибо, Игорь Михалыч, вы нам очень помогли. Отдыхайте, поправляйтесь... Да, а какие у вас планы на ближайшее время? Я спрашиваю на тот случай, если вдруг нам понадобятся ваши консультации. – С недельку, наверное, ещё побуду здесь... А потом, если всё будет нормально, с вашего позволения, махну с друзьями на Волгу. Мы с молодости там рыбачим, под Астраханью.

– Аллу Владимировну с собой возьмёте?

– Ну а как же! Отдыхаю только с ней...

– Тогда я за вас спокоен. – Улыбнулся Томилин. – Кланяйтесь ей от меня. Нам пора возвращаться в Москву. – Он слегка хлопнул по спине Егорова, подталкивая его к выходу из беседки.

Поискав глазами Холодкова, Томилин заметил, как тот подносит рассаду тёще Кедрова.

– Александр, заводи! – зычно крикнул Томилин Холодкову. Помахав рукой Илье и галантно раскланявшись с тёщей, генерал ускоренным шагом направился к машине.

Холодков поспешно поставил корзину с рассадой возле тёщи и, коротко попрощавшись с ней, засеменил к машине.

Едва запрыгнув в машину и захлопнув дверь, Егоров возбуждённо произнёс:

– Олег Георгиевич, я теперь понял, в каком направлении надо работать!

– Да? Это хорошо... – В голосе Томилина звучали нотки сдержанного удовлетворения. – Конечно, всё, о чём говорил Кедров, выглядит слишком фантастично, но он прав в одном: других вразумительных версий, объясняющих случившееся, у нас просто нет. Поэтому проверять надо всё, пока исходя из его предположений... – Он обернулся на Егорова с озадаченным выражением лица. – Чёрт его знает... прямо научно-фантастический роман какой-то! А вдруг он недалёк от истины? – Егоров неопределённо пожал плечами. Томилин снова повернулся к лобовому стеклу. – Насчёт Муртазина и других членов экипажа я сильно сомневаюсь, а вот на тех, кто реально мог внедрить чип в энергосистему аппарата, необходимо обратить особое внимание. Я согласен с Кедровым, американцы здесь ни при чём, они не имели свободного доступа к аппарату. Это мог быть только кто-то из своих... А что ты скажешь, Николай?

– Я слабо разбираюсь в том, что он говорил, но выглядело это убедительно, особенно концовка... Теперь по Муртазину... Его брат действительно священнослужитель, учился в Бухаре. Несколько раз бывал в Саудовской Аравии, у него там много друзей. Но Муртазин постоянно живёт в Звёздном городке и с братом виделся достаточно редко. А в последние два года и в период предполётной подготовки они вообще ни разу не встречались. Особой религиозностью

сам Муртазин не отличался. Высказываний в поддержку мусульманского радикализма от него тоже никто не слышал. Я проверял... Одним словом, офицер до мозга костей. К тому же, как вы знаете, жена у него русская.

– Ну, знаешь, это не аргумент... Дудаев тоже был блестящим офицером, даже до генерала дослужился... И жена у него, кстати, тоже была русская. А чем всё закончилось? Я, конечно, не верю, что Равиль может оказаться оборотнем, но вдруг к нему были подходы? Поэтому покопать в этом направлении стоит. К тому же это может помочь выйти на след настоящего иуды. Ведь какая-то сволочь сказала им «да». – Томилин насупился и почему-то покосился на Холодкова, рулившего с таким безразличным видом, как будто его вообще ничего на свете не интересовало.

– Разрешите? – Егоров достал сигарету.

– Ла-адно... кури, раз приспичило...

Егоров закурил, приоткрыл окно.

– Если «крот» действительно окопался у нас, мы его найдём! – Он в азарте ловко подбросил зажигалку и тут же поймал её, крепко зажав в кулаке, словно голову змеи. – Можете не сомневаться, Олег Георгиевич!

Томилин протяжно вздохнул, устремив взгляд на сумеречный лес.

– Не говори гоп... – Он невесело посмотрел на закатное солнце, уже почти полностью скрывшееся за тёмной стеной деревьев. Вдруг неожиданно продолжил, яростно процедив сквозь зубы: – Найди мне его, Егоров! Наизнанку всё выверни, а найди!

Машина выехала из леса. Из-за поворота открылся вид на широкую долину, залитую багровым заревом заката. Над линией горизонта всё ещё висел красный диск заходящего солнца.

Глава 10

Спокойную гладь океана освещала бледная полная луна. Разрезая надвое лунную дорожку, к авианосцу подошёл катер. В лунном свете у трапа в ожидании высадки на катер стояли девять членов объединённого оперативного штаба. Командир авианосца со старшим помощником пришли лично проводить штабистов. Они пожимали руку каждому сходящему по трапу на катер. Последним к трапу подошёл Смит.

– Желаю удачи! – Командир крепко пожал руку Смицу. – Будем ждать от вас команды «Фас!» И мои орлы не оставят от них даже пепла.

– Спасибо, Мартин, я никогда не сомневался в твоей бульдожьей хватке! – улыбнулся Смит и не по годам шустро сбежал вниз по трапу. Катер плавно отвалил от борта авианосца и, вспенивая лунную дорожку, устремился к горизонту.

Спустившись в каюту, где на узких диванах вдоль борта сидели члены оперативного штаба, Смит, ухватившись за поручень трапа и широко расставив ноги, противодействуя качке, обратился к присутствующим:

– Господа, сейчас мы прибудем на базу. На острове действует строжайший режим. Дежурный по штабу должен всегда знать, кто где находится и чем занимается. Каждый наш шаг за пределами штаба будет контролироваться. Я надеюсь, что вы с пониманием отнесётесь к принятым мерам, исходя из создавшейся обстановки и того обстоятельства, что мы представляем разные страны. К тому же это в интересах нашей собственной безопасности. В целях недопущения утечки информации индивидуальные средства связи на острове запрещены. Все контакты с внешним миром мы будем осуществлять через специальный узел связи. Дополнительную информацию о поведении на острове вам доведёт наш коллега и мой второй заместитель полковник Флеминг. Он уже находится на острове и будет встречать нас на причале.

Обращаясь в основном к русским, он закончил:

– Все имеющиеся у вас вопросы, касающиеся пребывания на острове, вы можете задать непосредственно ему.

Часа через два катер подошёл к затерянному в океане небольшому атоллу, поросшему густой растительностью. Описав дугу и сбросив ход, он стал швартоваться к временному понтонному причалу, освещённому двумя фонарями. На причале никого не было видно. Со стороны острова не слышно ни звука. Под звёздным тропическим небом остров ошетинился тёмными силуэтами пальм и кустарников с клиновидными листьями, нависавшими над самой водой.

Матросы накинули швартовые концы на кнехты, подтягивая катер к стенке причала. Штабисты по одному сошли по сходням на причал. Внезапно, появившись откуда-то из темноты зарослей, к причалу подошли трое военных в камуфлированной под тропическую растительность, форме. Шедший впереди высокий широкоплечий мужчина на ходу засунул пистолет в кобуру. Двое сопровождавших его солдат в полной боевой выкладке держали автоматы наизготовку. При свете фонарей стало видно, что один из них – огромный негр, а другой – белый, с маскировочным гримом на лице.

– Добро пожаловать на базу, джентльмены! – Высокий встал под фонарь, чтобы его было хорошо видно. Это был Джозеф Скофилд, начальник отдела специальных операций военно-морской разведки США.

Смит вышел из общей группы навстречу Скофилду.

– С прибытием, сэр! – молодцевато козырнув, Скофилд протянул Смицу свою руку.

– Спасибо, Джеф! – Они обменялись крепким рукопожатием. Смит, вплотную приблизившись к Скофилду, что-то негромко сказал ему почти на ухо. Тот, внимательно выслушав его, кивнул.

– Разрешите представиться, господа, – полковник Флеминг (Скофилд назвался вымышленным именем). Сейчас я провожу вас на территорию базы. Прошу следовать за мной строго по одному и не растягиваться, тропинка очень узкая и не освещается. Здесь много рытвин и ям, поэтому будьте внимательны и страхуйте друг друга.

Русским генералам было несколько в диковинку, что с ними обращаются как с солдатами. Вся процессия вытянулась в цепочку за Флемингом и углубилась в тёмные джунгли. Один автоматчик шёл в середине группы, второй замыкал колонну.

Флеминг осторожно продвигался по тропе, подсвечивая себе фонариком, и негромко через плечо рассказывал шедшему за ним Смити:

– Во время Второй мировой войны остров сильно бомбили. Осталось много воронок. Конечно, со временем они затянулись, но ямы глубиной до метра здесь повсюду. Надо идти шаг в шаг, чтобы не оступиться.

Словно в подтверждение этих слов где-то в середине колонны раздался сдавленный возглас: «Ух, ёп!..», послышался шум обрываемой листвы и звук падающего тела. Это свалился в яму один из русских – генерал Дубов. Огромный морской пехотинец, шедший перед ним, помог ему выбраться из ямы и поднял его чемодан.

– Аккуратней, мистер, тут кругом ямы, – темнокожий солдат предостерёг его на английском.

– Что за хрень?... – по-русски проворчал генерал, стряхивая с куртки прилипшую листву, траву и какую-то чёрную слизь. В его голосе слышалось раздражение. – Ты чего так резко остановился?! – Он чувствовал неловкость перед другими за своё неуклюжее падение. – Я в темноте на твой рюкзак налетел! Какого хрена ты его нацепил-то? Ты что, здесь месяц воевать собрался?

Не понимающий смысла слов русского генерала морпех истолковал их по-своему, он обернулся и закивал с белозубой улыбкой:

– Ес, ес...

Генерал, отряхиваясь и вытирая руки, продолжал что-то недовольно бурчать.

Когда колонна была готова продолжить движение, Флеминг, чуть наклонившись к Смити, негромко произнёс:

– Я чувствую, сэр, у нас с этими русскими будут проблемы.

Наконец они подошли к забору из колючей проволоки и путанки, распушенной по низу, в густой траве. За забором просматривалась расчищенная, тускло освещённая поляна с какими-то строениями, в маленьких окошках которых горел свет.

Флеминг, замедляя шаг, переключил радиостанцию. Поднёс к губам гибкий тонкий микрофон гарнитуры, закреплённой у него за левым ухом.

– «Аляска», «Аляска», ответь «Вермонту».

– «Аляска» на связи.

– Мы подходим, откройте проход...

– Принял, открываем...

Через пару секунд откуда-то из кустов к забору метнулись две бесшумные тени. Ещё через секунду в заборе образовался проход, а тени так же внезапно исчезли. Флеминг вывел группу на поляну. Следуя за ним, все подтянулись к бетонному блиндажу, всего на метр выступавшему над землёй. Флеминг оглядел группу, убедившись, что все на месте, что-то негромко сказал морпехам, и сопровождавшие группу солдаты растворились в темноте. Подсветив себе фонарём, он раздвинул свисающие с крыши блиндажа ветви растений, нажал на стене какую-то кнопку и, приблизив лицо к листве, произнёс:

– «Юта», «Вермонт» на месте. Открывай.

Где-то внизу загрохотала, открываясь, тяжёлая раздвижная металлическая дверь. Сноп света изнутри осветил лестницу, уходящую вниз. Люди спустились по лестнице. В небольшом

предбаннике морской пехотинец, сидевший за пультом, вскочил и замер по стойке смирно. Группа прошла по бетонному коридору, по стенам которого были проложены кабельные трассы, и попала в просторное и хорошо освещённое помещение, в центре которого стоял огромный стол с приставленными к нему стульями.

Флеминг, вошедший первым, чтобы не мешать остальным, отошёл в сторону и молча встал у стены. Американцы и русские с любопытством и заинтересованностью оглядывали помещение штаба. Здесь всё было продумано до мелочей, и находилось на своих местах буквально всё, что было необходимо для штабной работы.

Смит по-хозяйски обошёл помещение, с удовлетворённым видом повернулся к Флемингу.

– Узнаю школу твоего шефа! Ты хорошо поработал, Джеф. Ещё раз спасибо.

Флеминг молча, одними глазами принял благодарность. Смит подошёл к столу.

– Прошу садиться, господа.

Все члены оперативного штаба уселись за стол. Американцы – по одну сторону, русские – по другую.

Смит садиться не спешил. Обведя взглядом состав штаба, он сказал:

– Господа, учитывая, что у нас очень мало времени, предлагаю сразу включиться в работу. Я надеюсь, возражений не будет? Хорошо. Полковник Флеминг, доведите до коллег информацию о жизнедеятельности базы и последние данные о террористах.

Флеминг подошёл к небольшому бюро. Нажал несколько кнопок, в зале приглушился свет, на одном из четырёх экранов, висевших на стене, появилась фотография острова, сделанная со спутника.

– Итак, господа, мы с вами находимся на атолле Муруан. – Он взял указку со светящимся сегментом на конце и подошёл к экрану. – Остров представляет собой кольцеобразный риф у подножия потухшего вулкана. В его центральной части лагуна, в которую через протоку могут входить суда с небольшой осадкой. Как вы видите, протока довольно узкая и имеет изломанную линию. Эта особенность и густая растительность делают протоку и лагуну практически незаметными со стороны океана.

Во время Второй мировой войны японцы использовали остров как перевалочную базу для своих войск и флота. Здесь находились узел связи, склады и госпиталь. С воздуха остров защищала мощная система ПВО. Вдоль береговой линии было устроено несколько ДОТов с достаточно широкими секторами обстрела. Как вы могли убедиться, – он обвёл взглядом бетонный свод блиндажа, – некоторые постройки достаточно хорошо сохранились. Нам осталось только кое-что подправить и отремонтировать. Больше всего пострадало помещение электроподстанции. Вот там нам пришлось повозиться. Кроме нас, на острове находится усиленная рота охраны морской пехоты, передвижной узел связи и отряд инженерно-сапёрного обеспечения. На острове действует жёсткий режим секретности и безопасности. Соблюдение режима обязательно для всех без исключения. – На этих словах Флеминг задержал взгляд на Дубове. – Мы находимся в 160 милях от интересующих нас островов. Поэтому появление пиратов и террористов вблизи острова, весьма вероятно. Для защиты от непрошенных гостей на боевой позиции к западу от острова находится фрегат военно-морских сил США. Кроме того, в старых японских ДОТах мы устроили посты для охраны и обороны береговой линии по всему периметру острова.

На острове есть местные жители. Они живут в двух деревнях. Одна находится в северной части острова, другая – на побережье в южной части, рядом с нами. Контакты с ними сведены к минимуму. В целях предотвращения утечки информации мы не стали их выселять с острова. По договорённости с филиппинской стороной им было объявлено, что на островах проходят военные учения с участием американских и филиппинских войск. До окончания учений им запрещено покидать остров.

От южной деревни к базе ведёт дорога. Там также есть несколько причалов, пригодных для разгрузки судов среднего класса. Но мы намеренно высадили вас вдали от деревни и провели лесной тропой, чтобы о вашем появлении на острове никто не узнал. Как вы понимаете, всё это сделано для того, чтобы исключить провал нашей миссии. По этой же причине членам штаба запрещено покидать расположение базы. Я думаю, вы это примите с пониманием.

Флеминг сделал небольшую паузу, внимательно оглядев присутствующих, продолжил:

– Если у кого-то в этой части возникли вопросы, я готов на них ответить.

Американцы продолжали сидеть молча, сосредоточенно глядя на карту острова. Русские коротко перешепнулись, после чего Смирнов произнёс:

– У нас вопросов нет.

– Хорошо. Теперь что касается непосредственно террористов... – Он бросил взгляд на Смита. – Вы позволите, сэр?

Смит, погружённый в чтение каких-то бумаг, лежавших перед ним на столе, коротко кивнул.

Флеминг щёлкнул кнопкой пульта, и на экране возникла фотография группы мелких островов, также сделанная со спутника.

– На данный момент времени доподлинно известно, что заложники и контейнеры всё ещё находятся в районе этих островов. По имеющимся у нас сведениям, заложников на быстроходных катерах перемещают от острова к острову, где под усиленной охраной на одном из них они проводят световой день на хорошо замаскированных базах. На ночь их вывозят в открытое море на одном из двух судов, принадлежащих «Морским тиграм». Одно судно – это бывшая рыбацкая шхуна. Другое – старый пассажирский теплоход. Эти посудины, в свою очередь, постоянно перемещаются в районе этих мелких островов.

Террористы отлично оснащены. У них имеются быстроходные катера различного класса с экипажами от четырёх до пятнадцати человек. Вооружение: крупнокалиберные пулемёты, гранатомёты, переносные зенитно-ракетные комплексы. По косвенным признакам на более крупных судах может находиться реактивное оружие, способное поражать морские и наземные цели на расстоянии до сорока миль.

У них хорошо отлажена связь и взаимодействие между группами на островах и судах, с множеством запасных вариантов. Расстояния между островами небольшие – от двух до пятнадцати миль. Местные жители относятся к пиратам по-разному. Одни боятся их, другие сотрудничают с ними и покрывают. Ведь многие из них являются выходцами с этих островов. Так что рассчитывать на помощь населения нам не приходится. – Это плохо... – угрюмо обронил российский генерал Горин, ему совсем не нравилась картина, которую рисовал Флеминг, и пока он не находил позиций, на которые можно было бы опереться.

– Плохо ещё и то, – в той же тональности произнёс Флеминг, – что террористы знают эти воды как свои пять пальцев. У них хорошо работает разведка, множество осведомителей. И подобраться к ним незаметно, а тем более провести войсковую операцию без ущерба для заложников и груза будет чрезвычайно сложно.

– М-да. – Смит оторвался от бумаг, обвёл взглядом штабистов. – Поводов для оптимизма мало. Но мы с вами здесь для того и находимся, чтобы преодолеть весь этот негатив и выполнить поставленные перед нами задачи. И мы это сделаем. Другого выхода у нас просто нет.

– Мистер Смит, – подал голос генерал Смирнов, – удалось ли выяснить, кто командует террористами на этих островах и где он находится?

– Да. Я как раз только что ознакомился с его досье и ещё с некоторыми материалами. – Он повернул голову в сторону Флеминга. – Я так понимаю, полковник, это самые свежие данные?

– Совершенно верно, сэр. Они были получены и обработаны буквально перед вашим прибытием. Я даже не успел с ними толком ознакомиться.

– Так ознакомьтесь. – Он протянул ему папку с бумагами. – Здесь есть даже распечатка его фотографий. Прочтите вслух. Я думаю, коллегам будет интересно послушать.

Флеминг раскрыл папку. Бегло пробежал глазами несколько строк, извлёк из конверта тонкую флешку, вставил её в компьютер. Через какое-то время на экране появились фотографии, сделанные агентами на островах. Флеминг давал короткий комментарий каждой фотографии, которые поочерёдно демонстрировались на экране. На этих фото были изображены катера террористов, инженерные системы охраны островов, суда, на которые доставляют по ночам заложников. А также панорамные планы островов, на которых чаще всего прятали заложников, с обозначенными расстояниями между ними и описанием их характерных особенностей, примерное количество боевиков, постоянно находящихся на этих островах.

Полковник, заглянув в папку с бумагами, переложил несколько листов.

– По уточнённым и сверенным данным, полученным из разных источников, постоянное количество террористов на островах – около пятисот. В их распоряжении в этом районе около двадцати единиц плавсредств различного назначения. Среди них есть даже небольшой танкер, снабжающий пиратов горючим. На островах имеются склады с вооружением и боеприпасами, горючим и запасами продовольствия.

Террористы используют, так же как и мы, старые японские укрепления, системы подземных лабиринтов и гротов. Всё это хорошо охраняется. Как мы видим на этих фотографиях, заложники живы. Их перемещают с мешками на головах, руки связаны за спиной. Руководит террористами некий Мехмет. Нашим агентам удалось его сфотографировать (на экране появилась фотография Мехмета с радиостанцией в руках). Выяснилось, что нашей разведке он известен давно. Из центра переслали его досье. Я приведу только самую важную для нас информацию.

Ему пятьдесят два года. Выходец из богатой семьи. Отец – пакистанец, был крупным коммерсантом, мать – ланкийка. Свободно владеет многими языками, в том числе английским. В молодости учился в университете в США, но не закончил. Когда ему выгодно, делает вид, что очень религиозен. На деле же часто нарушает законы ислама. К другим религиям и вероисповеданиям относится крайне отрицательно.

Во время учёбы в университете был замкнутым и нелюдимым. Как вы видите на фотографиях, этот субъект обладает малопривлекательной, но запоминающейся внешностью. В детстве он переболел рахитом и оспой, что наложило отпечаток на его облик: короткие кривые ноги, изъеденное оспой лицо с большим мясистым носом. Из-за внешности и дурного характера был любимым объектом насмешек у сокурсников. Девушки его игнорировали, считая гадким утёнком.

Ещё в США возненавидел западную цивилизацию и всё, что с ней связано. В двадцатилетнем возрасте он перебрался в Англию, где занимался мелкой коммерцией. Там же вступил в молодёжную мусульманскую организацию радикального толка. Здесь его карьера пошла резко в гору. Ростки злобы и мстительности попали в благодатную почву. С началом боевых действий в Чечне уезжает туда. Воевал против российских войск. Отличался особой жестокостью и кровожадностью.

За десять лет приобрёл огромный боевой опыт. Особенно поднаторел в организации диверсионных акций. Был ранен. Результат этого ранения: изуродована правая кисть, оторван указательный палец. Повреждён правый глаз. После Кавказа какое-то время отсиживался в Пакистане. Используя свои связи, снабжал оружием талибов и другие экстремистские группировки. Потом объявился в Сирии, но вскоре его следы потерялись.

По нашим сведениям, лидеры исламистов не очень ему доверяли, подозревая его в воровстве денег при закупках оружия для их формирований. Мехмет снова засветился через несколько лет в связи с организацией крупных террористических актов на территории Индонезии, Малайзии и Филиппин. В настоящий момент находится в международном розыске как

один из активных членов экстремистской организации «Абу-Сайяф». Основные черты характера: вспыльчив, скрытен, хитёр, изворотлив, злопамятен. Предельно осторожен, никому не доверяет, придирчив до мелочей. – Флеминг прервал чтение, обвёл взглядом внимательно слушавших его коллег по штабу. – Эта особенность его личности во многом объясняет то обстоятельство, почему он до сих пор жив. Крайне опасный тип. Всегда всё просчитывает на несколько ходов вперёд. Имеет авторитет и связи со многими террористическими организациями. Сторонник железной дисциплины, требует от своего окружения беспрекословного подчинения. Жаден. Очень любит деньги, ради них готов на всё. – Флеминг вложил лист обратно в папку.

– Мехмет лично контролирует всё, что связано с заложниками и грузом. Старается действовать бессистемно, где и когда должны оказаться заложники, решает в последний момент. Предугадать его действия невозможно. – Флеминг сделал паузу. На экране появилась фотография самого крупного острова.

– Контейнеры, судя по всему, находятся на этом острове. Он особенно тщательно охраняется. В центральной его части находятся бетонные японские бункеры, местное население туда не пускают. Известно, что сам Мехмет там бывает часто. Косвенно, что контейнеры находятся именно там, подтверждается ещё и тем, что объект охраняют люди из личной охраны Мехмета. Вокруг бункеров установлена трёхуровневая система охранной сигнализации. Территория вокруг объекта постоянно патрулируется. Вдоль побережья острова террористы установили замаскированные огневые точки с мощным вооружением. Все подходы с моря и с воздуха надёжно контролируются. Это обстоятельство существенно затрудняет нашу задачу, так как в случае прямого боевого воздействия на остров контейнеры могут быть немедленно уничтожены. Да и с заложниками церемониться не будут. Малейший наш прокол – и их ликвидируют в первую очередь. – Флеминг перевернул последнюю справку, собрал все бумаги вместе и положил обратно в папку. На экране застыла последняя фотография: панорама группы островов, на трёх из которых стояли жёлтые метки, говорящие о том, что на них чаще всего высаживают заложников. Другой остров, находящийся на достаточном удалении от этих трёх, был маркирован красным значком, на нём предположительно находились контейнеры.

– На данный момент – это всё. – Флеминг, закончив, по привычке посмотрел на часы. – Более точную информацию, детализирующую действия и намерения боевиков, мы рассчитываем получить через день-два. Хотя мы работаем в постоянном режиме приёма, и, если появится что-то новое, мы сразу же узнаем об этом.

– Ну что ж... – Смит поднялся со своего места, подойдя к экрану с фотографией островов. – Даже этой информации, для того чтобы сделать определённые выводы и принять решение, как нам действовать... м-м, по моему мнению, вполне достаточно. – Он прошёлся вдоль стола, оглядывая штабистов. – Что скажете, господа? – Смит остановился и заложил руки за спину. – Напоминаю: у нас очень мало времени, поэтому хотелось бы услышать конкретные предложения...

Но члены штаба не спешили высказываться. Большинство из них продолжали обсуждать услышанное и делиться впечатлениями друг с другом. Русские закончили обмен мнениями первыми. Смит это заметил.

– Как вы считаете, мистер Смирнов?

Смирнов, что-то записывавший в блокнот, закрыл его, положил ручку на стол и только после этого поднял голову.

– Мы с интересом выслушали доклад полковника Флеминга. Должен отметить: проделана большая работа, она принесла объективный качественный результат. Сведения собраны очень оперативно и в достаточном объёме, чтобы понять суть проблемы и осмыслить основные сложности, с которыми нам придётся столкнуться. По ходу доклада мы обменивались мнениями и слышали некоторые высказывания наших коллег. И думаю, что у всех здесь присутству-

ющих сложилось однозначное мнение: при всей мощи военного флота США, находящегося в регионе, и хорошо подготовленных «коммандос» эту задачу просто так не решить. При проведении масштабной войсковой операции мы рискуем потерять заложников и бесценный груз. А этого, как мы все понимаем, допустить нельзя. Поэтому нам необходимо найти нестандартные, но эффективные решения, чтобы действовать наверняка.

– Вы совершенно правы, генерал... – Смит подошёл к «своим» американцам, встал сзади них, опёрся о спинки стульев и задал вопрос от этой половины штаба: – Но что вы предлагаете конкретно?

Смирнов о чем-то пошушукался со «своими», после чего сказал:

– О наших предложениях доложит генерал Кашин. Прошу, Вениамин Кириллович.

Кашин выпил воды (в помещении, несмотря на работающий вентилятор, висела влажная духота). Вышел из-за стола, подошёл к экрану с картой островов. Взял указку.

– Исходя из сложившейся ситуации и реальной опасности потерять во время боевых действий и контейнеры и заложников, наши предложения сводятся к следующему: мы предлагаем действовать небольшими группами. Они должны скрытно подобраться к островам и одновременно атаковать объекты, где будут находиться заложники и контейнеры. Фактор внезапности и стремительность действий позволят нам избежать оповещения других баз боевиков и, следовательно, исключить возможность блокирования наших групп. Для обеспечения окончательного успеха необходимо продумать пути отхода групп, возможность эвакуации людей и груза после того, как основная задача будет выполнена. В заключительной фазе операции по окончательному уничтожению боевиков и их баз в дело должны вступить силы флота и морской авиации. Разумеется, этому должна предшествовать тщательная доразведка конкретных целей. И желательно теми же группами, которым предстоит выполнять основное задание. Вот вкратце наше видение решения этой задачи.

Взглянув на карту, он хотел ещё что-то добавить, но его перебил Коллинз. Нервно подёргивая скрещёнными под стулом ногами, он спросил:

– А кто, по-вашему, способен провести такого рода операцию?

Вместо Кашина ответил Смирнов:

– Наша страна много лет ведёт борьбу с терроризмом, и мы обладаем подготовленными и боеспособными подразделениями. Они накопили огромный боевой опыт в этом противоборстве. Думаю, что и у вас подобные подразделения тоже имеются.

Генерал Хэтчер, хмыкнув, с язвительной улыбкой оглядел своих американских коллег и с некоторым вызовом в голосе, задал вопрос:

– Означает ли это, что вы предлагаете совместное проведение операции спецгруппами обеих стран?

– Да, именно об этом я и говорил. А почему вас это удивляет?

– Послушайте, мистер Смирнов. Аппарат сошёл с орбиты спуска не по нашей вине. И кто к этому причастен, доподлинно до сих пор не известно.

Я хочу сказать, что вы уже один раз прокололись. Можем ли мы после этого в полной мере доверять вашим людям? С другой стороны, мы полностью контролируем ситуацию после захвата заложников. Провели титаническую разведывательную работу. Сюда стянуты огромные военные силы нашей страны, в работу вовлечены лучшие силы американской разведки. Можем ли мы рисковать, рассчитывая на ваших людей, которых совсем не знаем?

– Если я вас правильно понял, – Смирнов ледяным взглядом посмотрел на Хэтчера, – то вы нам заранее отводите роль сторонних наблюдателей, и наш голос является совещательным и даже в большей степени согласительным? И решать судьбу заложников и груза будете вы, и только вы?

– Господа, господа, успокойтесь. – Смит, всё это время, остававшийся над схваткой, сделал примирительный жест руками. – Мы все прибыли сюда делать одно дело. Мы обязаны

найти выход... найти единственно правильное решение. И давайте не будем впадать в амбиции. Предложение генерала Кашина заслуживает внимания. Но не надо забывать, что антитеррористические подразделения наших стран не имеют ни малейшего опыта взаимодействия в проведении подобных операций... даже на уровне совместных учений. И этот факт, естественно, вызывает опасения. Поэтому мы должны рассмотреть и другие варианты. Мы должны... я сейчас говорю об американской стороне, всё тщательно взвесить, провести консультации с нашими ведомствами... Если мы остановимся на этом варианте, план наших совместных действий должно одобрить руководство нашей страны. Я думаю, вы тоже проведёте необходимые консультации с вашим руководством и правительством. И мы в конечном итоге придём к единому решению.

Он вернулся к своему месту, сел за стол. Помедлив немного, со вздохом произнёс:

– Мы все изрядно устали. Сейчас нам приготовят лёгкий ужин. Предлагаю разойтись по отведённым нам помещениям и наметить план действий по проведению операции. Завтра в восемь часов соберёмся здесь. Обсудим предложения каждой из сторон. К полудню мы должны выработать согласованное решение и доложить его руководству наших стран. Спокойной ночи желать не буду, потому что эта ночь будет для всех нас не из лёгких.

На эти его слова возражений не последовало. Все встали со своих мест и потянулись к выходу.

– Да-а-а!.. – Дубов крутнул головой и посмотрел на Горина. – Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Глава 11

Город Королёв. Главный пульт службы безопасности ЦУПа. Томилин с Егоровым за спиной оператора просматривали записи с камер видеонаблюдения. По горе окурков в пепельнице, снятым пиджакам и усталому виду присутствующих было понятно, что находились они здесь уже не один час. Томилин разогнулся, массируя затёкшую поясницу.

– Да-а, Николай Иванович... Ну и для чего ты мне всё это показывал? Какие-то разговоры, споры, хождения... а дальше-то что? Как говорила моя бабка: «Курица кудахчет в одном месте, а яйца-то несёт в другом». Вот если б ты мне...

– Подождите, Олег Георгиевич. – Егоров спешно перелистнул свой блокнот. – Я начал не с главного для самоуспокоения. Хотел ваше мнение услышать. Сейчас ещё один эпизодик посмотрим. – Он обратился к оператору, глядя в свой блокнот: – Ну-ка, давай перемотай на одиннадцать двадцать. – Оператор с безразличным и усталым видом включил перемотку и остановил изображение на времени 1 1:20. Пошла запись с камер слежения из главного зала. Томилин с Егоровым снова прильнули к монитору.

– Вот! Олег Георгиевич, обратите внимание... – Егоров ткнул пальцем в монитор. Томилин поправил очки, пристально всматриваясь. На экране сотрудники ЦУПа сидят за компьютерами, в третьем ряду один из них неловким движением сталкивает локтем со стола пластиковый стакан с какой-то жидкостью. Он падает на левое бедро его соседа справа. Тот резко откатывается на кресле, вскакивает, что-то раздражённо говорит первому, бросает ручку на стол и выходит из зала.

Томилин снял очки, повернулся к Егорову.

– Ну и что?

– Помните, Кедров говорил, что враг должен был отслеживать каждую секунду полёта, особенно когда аппарат вышел на орбиту спуска?..

– Ну, да-да, и что? – Томилин пока не улавливал, к чему клонит Егоров, и начал уже раздражаться.

– А то, что в момент икс ему важно было остаться одному, чтобы его никто не контролировал. Единственным, кто выходил из зала непосредственно перед сходом аппарата...

– ...был именно этот сотрудник. – Томилин закусил дужку очков, прищурился, понимая ход мысли Егорова.

– Так вот, через сорок семь секунд с момента его ухода аппарат сошёл с орбиты. А вернулся он через двенадцать минут, когда связь с аппаратом была окончательно потеряна.

– Так ты думаешь, это он?

– Я думаю, оба. Похоже на хорошо спланированный ход. Ставится стакан с горячим кофе, а это был именно кофе, я проверял. В нужный момент опрокидывается на сообщника. Хотя по инструкции всем предписано находиться на своих местах, второй уходит поменять брюки. Причина-то уважительная! Это видят все и понимают, что ему действительно надо выйти. Что он делал в эти двенадцать минут и где он был, никто не знает. В этот промежуток времени его никто не видел. А если он ушёл для того, чтобы в случае осечки с первым импульсом дать сигнал для повторной атаки? Помните, Кедров говорил и об этом?

В глазах Томилина засквозило сомнение. Увидев это, Егоров обречённо закончил:

– Во всяком случае, Олег Георгиевич, на данный момент – это единственная зацепка.

– Ладно. – Томилин устало потёр рукой прикрытые веки и переносицу. – Кто эти двое, установили? Они имели доступ к аппарату?

– В том-то и дело! И здесь ещё один факт в пользу этой версии. Первый – Самсонов Владимир Сергеевич, программист отдела программного обеспечения спускаемых аппаратов, принимал непосредственное участие в разработке программы спуска и имел доступ к борто-

вым компьютерам, вплоть до фазы конечных испытаний. Второй – сотрудник того же отдела Игорь Сергеевич Манцев, также принимал участие в их разработке и монтаже. Слишком много совпадений, вы не находите, Олег Георгиевич?

– Ну, пролитый на штаны кофе ещё ничего не доказывает. Но твоя версия, за неимением чего-то более существенного, заслуживает внимания. Отработай её и этих ребят по полной программе. Если нужно, посоветуйся с Кедровым, может, чего подскажет. А с них глаз не спускай. Если это они, то в ближайшее время будут пытаться сбежать из страны. Они же понимают, что рано или поздно мы до них доберёмся...

* * *

Утро на атолле Муруан выдалось, как всегда, солнечным, но ветра почти не было, что случалось здесь довольно редко. Юго-восточный океанский пассат дул здесь практически постоянно. Но сегодня не было слышно привычного шума листвы в кронах деревьев и пальм. Всё на острове дышало умиротворением и спокойствием, только изредка тишину нарушали крики птиц, доносящиеся из прибрежных джунглей.

Заседание оперативного штаба уже несколько часов шло в жёстком, напряжённом режиме. Но договориться двум сторонам по принципиальным вопросам всё никак не удавалось.

Через узкие окна бункера пробивались солнечные лучи, но в помещении штаба всё равно горели все лампы. За столом, заваленным топографическими картами, цветными спутниковыми фотографиями, исписанными и исчерченными листами бумаги, сидели Смит и Флеминг, вполголоса о чём-то разговаривая между собой. Джексон и Хэтчер стояли у штабного компьютера и вылавливали выползающие из принтера листы, раскладывая их по нескольким стопкам. Коллинз с отстранённым видом пил кофе, задумчиво глядя в открытое окно-бойницу, где были видны переступающие ноги русских и слышался их негромкий разговор.

Никто из американцев не курил, поэтому русским приходилось выходить на улицу. Для них это было даже плюсом – появлялась возможность обсудить важные моменты без американских ушей. Российские члены штаба стояли тесной группкой в тени невысокой пальмы. Из четверых курили только Дубов и Кашин.

– Юрий Алексеич, мы что, сюда приехали поддакивать им и улыбаться? – Дубов зло, вместе с дымом сплюнул табак – он всю жизнь курил сигареты без фильтра. – Они нас что здесь, за китайских болванчиков держат?

– Ну, ладно, ты, Гриша, не заводишь! И будь корректнее в выражениях. Они на тебя уже и так волком смотрят.

– Да я их политику давно понял. Бомбить-то дело нехитрое. Только здесь не Ирак, не Югославия и даже не Сирия. Ну, раскрошат они эти острова, высадут потом своих морпехов... Чёрта лысого они найдут в этой каше горелой, а не контейнеры с заложниками!

– Да, на их точечные удары надежды мало, – вступил в разговор Кашин. – Даже если десантники высадутся сразу же за огненным валом, могут не успеть. Ведь заложников и контейнеры уничтожить – секундное дело. – По-моему, они не так просты, какими хотят показаться, – Горин заговорил тихо и спокойно. – Они могут вести двойную игру, что, впрочем, тоже в их стиле. – О чём ты? Поясни... – так же тихо спросил Горина Смирнов.

– Ну, например, они могут скрытно готовить высадку своих групп, которые заблокируют Мехмета с его людьми, уничтожат охрану контейнеров, попытаются освободить заложников. А дальше всё пойдёт по предлагаемому нам сценарию, с бомбёжкой и высадкой десанта. Заложники и груз окажутся у них в руках. И мы ничего не сможем проконтролировать. Потом объявят, что, как выразился Григорий Иванович, ничего в этой горелой каше не нашли. В крайнем случае предъявят только заложников, живых или мертвых, но контейнеры-то точно могут ока-

заться только у них. Если заложников освободят, весь мир признает операцию успешной... люди-то спасены. Да и при другом раскладе с них взятки гладки... – Горин посмотрел на узкое окно-бойницу и продолжил ещё тише: – Мне кажется, ради контейнеров они сделают всё, чтобы отсечь нас от участия в операции.

– Да, похоже, именно это они и замыслили, – резюмировал Смирнов. – Это же шикарный шанс завладеть контейнерами в одиночку. Но мы им этого не позволим. Будем настаивать на своём варианте. Ну, ладно, пойдём, а то они нас, наверное, заждались.

Русские спустились в бункер. Все американцы уже сидели за столом. Флеминг что-то нашёптывал на ухо Смит. Увидев русских, Смит поднялся из-за стола.

– Итак, господа, как видно, наши аргументы вас не убедили. Вы по-прежнему категорически против нашего плана?

– Да, мы настаиваем на своём варианте. Он нам кажется более продуктивным и менее рискованным, – твёрдо ответил Смирнов, глядя прямо в глаза Смит.

– Что ж... – Смит вздохнул, посмотрел на Флеминга. – Ещё раз всё обдумав и взвесив, мы готовы согласиться с вашим вариантом. Он хоть и дерзок, но вполне убедителен. В крайнем случае, если попытка не удастся или что-то пойдёт не по плану, ничто нам не мешает работать по нашему варианту. Но... тут вот какое дело... – Смит, глядя в пол, сделал несколько шагов вдоль стола за спинами своих генералов. – Мы всё-таки думаем, что детальный план операции должны разрабатывать мы. И использовать в заключительной, силовой фазе только свои силы и средства. – Увидев реакцию русских, он поднял руки в успокаивающем жесте. – Прошу вас не спешить с возражениями! У нас есть веские основания для этого. Во-первых, этот регион нам хорошо знаком и у нас здесь больше возможностей. Во-вторых, техническое оснащение наших антитеррористических групп гораздо выше ваших, российских. Да и в плане координации и взаимодействия привлечённых сил, управления всей операцией нам было бы проще действовать самостоятельно, не забывайте также и о языковом барьере. И, наконец, последнее... – Он опять прошёлся, взяв паузу. – Буду с вами до конца откровенен... Нам бы не очень хотелось раскрывать некоторые наши тактические секреты. Всё-таки мы представители разных государств, и у каждого из нас есть свои маленькие тайны.

– Вы меня удивляете, генерал Смит. – Смирнов успел жестом остановить «закипевшего» Дубова. – Я всегда считал международный терроризм нашим общим врагом, и здесь у нас друг от друга секретов быть не должно. Наши группы антитеррора подготовлены и оснащены не хуже ваших, уж поверьте. К тому же они имеют большой опыт по освобождению заложников, люди давно ходят под пулями и готовы к любым неожиданностям, прежде всего психологически. И насчёт общего языка тоже волноваться не стоит, сейчас другие времена, и многие наши офицеры довольно прилично знают английский. Если же вы считаете, что ваше техническое оснащение и спецоборудование лучше нашего, то мы готовы использовать какие-то его элементы и от другой помощи не откажемся. Но самое главное – этот проект с самого начала был международным и затрагивает жизненные интересы обеих стран, поэтому мы предлагаем и дальше действовать сообща, объединив наши усилия. Мы прибыли сюда в твёрдой уверенности, что правительства наших стран ждут одного и того же результата от этой СОВМЕСТНОЙ операции, или у вас на этот счёт другая точка зрения?

Эти слова привели Смита в лёгкое замешательство. Он не нашёлся, что сказать. Воспользовавшись этим, Смирнов продолжил:

– Если вы в принципе одобряете наш план, давайте доложим о нём нашим президентам, и пусть они решают, как нам действовать дальше.

Смит понял, что русские его переиграли. Возразить ему было нечего. Он, поджав губы, беспомощно оглядел своих соратников. Те понуро молчали. Пауза затянулась. Смирнов и его товарищи ждали ответа.

– Что ж... Я, пожалуй, соглашусь с вами, генерал. Пусть окончательное решение принимают главы наших государств. Но мы оставляем за собой право изложить наше видение предстоящей операции.

– Ваше право никто не оспаривает. В свою очередь, мы представим план операции в том виде, в котором предложили его вам.

* * *

Уже через час в обе столицы полетели шифrogramмы с предложениями по проведению специальной операции на островах. За основу был принят план, разработанный российскими представителями оперативного штаба. Но американцы внесли в него свои существенные корректировки и настаивали на них. Телефонный разговор двух президентов вышел продолжительным и напряжённым. Американский президент эмоционально отстаивал мнение своих штабистов о том, что основная роль в этой операции должна отводиться американским силам. Российский президент был сдержан, но непреклонен – в осуществлении принимаемого плана операции на равных условиях должны участвовать обе стороны. Наконец, после долгих споров, президенты пришли к согласию, что специальная операция по освобождению заложников и возврату контейнеров будет проведена подразделениями специального назначения обеих стран, более того, они будут выполнять задачу смешанными составами, тесно взаимодействуя с оперативным штабом.

Вечером того же дня на берегу лагуны на открытой террасе под навесом из пальмовых листьев за столом сидели Горин, Кашин и Дубов. На столе стояли банки «Кока-Колы», чашки с зелёным чаем, тарелки с сэндвичами, другая нехитрая еда. Дубов с аппетитом доедал яичницу с беконом, которую специально для него пожарил американский повар. Кашин, допивая чай, смотрел в сторону американских сапёров, которые, ловко орудуя бензопилами и электродрелями, деловито, без суеты и ругани строили добротный причал на берегу лагуны. За считанные часы он приобрёл окончательные очертания, уже блестя на солнце свежеструганными досками настила.

– Всё же поражаюсь я американцам! Не успели высохнуть чернила на приказе Смита, а они уже причал почти построили.

– У них слово с делом не расходится... Когда им это нужно, конечно... – угрюмо констатировал Горин, наливая в стакан кокосовый сок.

Дубов, откинувшись в тростниковом кресле, блаженно затянулся сигаретой. Улыбаясь, с прищуром посмотрел в сторону американцев.

– Да-а, – протянул он, – этого у них не отнять! Сказано – сделано! И, главное, всегда у них всё под рукой, наготове. А если чего нет, из-под земли достанут, причём в кратчайшие сроки. Видели, как они японский госпиталь за три дня восстановили? Хоть сейчас туристов заселяй. А у нас... – Дубов скривился и безнадежно махнул рукой с дымящейся сигаретой между пальцев, – затеют чего-нибудь строить, но пока пройдут всякие там согласования на разных уровнях, какие-то тендеры, торги, закупки, да ещё обязательно кто-нибудь напорочит, начнут переделывать проект, несколько раз поменяют нерадивых подрядчиков, за это время, как водится, чего-нибудь разворуют... Глядишь, а проект-то уже устарел, пора ломать и по новой строить. А денежки-то тютю!

– Да ладно тебе, Иваныч. – Кашин посмотрел на него с удивлением. – Когда это было! У нас сейчас тоже всё неплохо.

– А-а, – отмахнулся от него Дубов, давая сигарету в пепельнице. – Местами и по большим праздникам... и то если президент лично вмешается. Вспомни, как олимпийские объекты строили, трамплин, например. Ты думаешь, с тех пор что-то изменилось?

– Удивляюсь я тебе, Дубов, – вмешался Горин, отпивая сок из стакана. – Как это ты с такими настроениями генералом-то стал?

– А на мою должность охотников было мало, никто не хотел свою задницу подставлять, вот меня и двиганули. А до этого я восемь лет полковником проходил. И, между прочим, в генералы не рвался.

– Не лукавишь ли ты, Иваныч? – Кашин хитро скосил глаза на Горина.

– Да нет... Насмотрелся я, как генералами становятся. Да с моим характером и не светило мне ничего. Я ж пролетарской закваски и всегда правду-матку в глаза говорю, а большинство людей этого не любит... особенно начальники разные. Ты, конечно, прав, Кириллыч, большинство рвётся к генеральским погонам всеми доступными способами. Кто в полный рост и никого не стесняясь, а кто тихой сапой, во всём угождая начальству. А потому порядочных мало... А уж как такие добьются своего, у-у-у! Тут только держись... Знаете, что про таких говорит старинная военная пословица? – Он обвёл собеседников вопросительным взглядом. – Ещё с суворовских времён? «Кто в чины хитрой лисой пролезает, в чине волком будет!» А я лисой никогда не был, Кириллыч, и зад никому не лизал. Вот так вот...

Их разговор прервал подошедший Смирнов. Присев под навес, отдуваясь, он вытер носовым платком раскрасневшееся от жары потное лицо.

– У-уф, всё-таки давно я в таком климате не был! Отвык... Есть чего-нибудь попить?

Дубов подвинул ему банку с кока-колой. Все глядели на него с ожиданием. Смирнов налил себе стакан шипящего напитка, сделал несколько жадных глотков. Смачно крякнув, повеселевшим взглядом оглядел своих генералов.

Без предисловия начал:

– Будут работать боевые пловцы из разведывательно-диверсионного отряда ВМС США и наши боевые пловцы из спецподразделения по борьбе с терроризмом. По десять человек с каждой стороны.

– Не маловато? – обеспокоенно спросил Кашин. – Мы же говорили о двадцати...

– Остановились на этом количестве. С американцами прибудет ещё группа обеспечения. На днях подойдёт их «спасатель» с водолазным оборудованием. Корабль разведки уже здесь, он будет обеспечивать всю операцию. Всё согласовано и утверждено на самом высоком уровне. Теперь вся ответственность лежит на нашем оперативном штабе. Да, как вы знаете, американцы склонны давать громкие имена всему, где они участвуют...

– Да, есть у них такая особенность, – усмехнулся Горин.

– Так вот, – с прежней серьёзностью продолжил Смирнов, – они предложили назвать предстоящую операцию «Возмездие Посейдона».

Наши не возражали. С этого момента мы называемся Штабом по проведению антитеррористической операции «Возмездие Посейдона».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.